

Эрвин Гофман

РИТУАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

СМЫСЛ

Эрвин Гофман

РИТУАЛ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Очерки поведения лицом к лицу

Под редакцией
Н.Н. Богомоловой и Д.А. Леонтьева

2009

УДК 316.6

ББК 60.524

Г 745

24.224 + 88.53

Erving Goffman. Interaction Ritual: Essays on face-to-face behavior.
New York: Pantheon Books, 1967.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 08-06-16021д

Перевод с английского
С.С. Степанова и Л.В. Трубицкой

Предисловие
Н.Н. Богомоловой

Послесловие
Д.А. Леонтьева, Н.Н. Богомоловой и Л.В. Трубицкой

Гофман Э.

Г 745 Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу /
Пер. с англ.; под ред. Н.Н. Богомоловой, Д.А. Леонтьева. —
М.: Смысл, 2009. — 319с.

ISBN 978-5-89357-276-6

Классическая работа одного из наиболее ярких и неоднозначных
представителей социологии и социальной психологии середины
XX столетия Эрвина Гофмана.

Адресуется социологам, психологам, философам, в том числе
студентам и аспирантам соответствующих специальностей.

Предисловие

Автор предлагаемой вниманию читателей книги Эрвин Гофман – американский ученый с мировым именем, весьма известный представитель символического интеракционизма, одного из наиболее влиятельных направлений в мировой социологии и социальной психологии.

Понятийный аппарат и проблематика символического интеракционизма, используемые в работах Э. Гофмана, взяты из социологических и социально-психологических концепций Дж. Мида. Ключевым понятием в концепциях Дж. Мида является «социальная интеракция» (межличностное взаимодействие), опосредованная «символической коммуникацией» (общением), поскольку, по его мнению, именно совокупность социальных интеракций формирует общество и индивидуальное сознание личности.

Около 40 лет (до 1931 г.) Дж. Мид преподавал в Чикагском университете, следуя в своей работе так называемой «устной традиции», то есть развивал свои концепции в лекциях, без публикации статей и монографий. Главная книга Дж. Мида «Сознание, личность и общество»¹ вышла через три года после его смерти, в 1934 г. Она была подготовлена к печати учениками Дж. Мида на основе его рукописных заметок, а также стенограмм и студенческих записей его лекций. Изложение Дж. Мидом своих концепций отличалось большой аморфностью, трудным стилем, отсутствием четких формулировок и ссылок на эмпирические исследования. Как отмечали его ученики, Мид предлагал не какие-либо конкретные гипотезы и

¹ *Mead G.H. Mind, Self, and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1934.*

даже не теорию, а довольно абстрактную систему понятий. Если ею заняться серьезно и последовательно, она неизбежно породит постановку проблем и направление исследований, которые не могут быть предложены другими, конкурирующими точками зрения².

Один из основных тезисов символического интеракционизма заключается в том, что индивид, личность всегда социальны, так как они не могут формироваться вне общества, вне общения с другими людьми. Однако само понятие «социальное» трактуется представителями символического интеракционизма достаточно ограниченно: все социальные отношения по существу сводятся ими к межличностным, а социальное взаимодействие рассматривается лишь с точки зрения коммуникации.

Необходимым условием успешности взаимодействия людей в общении, по Миду, является способность человека «принимать роль другого» во взаимодействии с ним, то есть способность посмотреть на себя глазами партнера по общению и представить, как он тебя воспринимает и как, исходя из этого, будет действовать.

Разрабатывая весь комплекс идей, выдвинутых Мидом, современные представители символического интеракционизма уделяют первостепенное внимание исследованию самого процесса непосредственного взаимодействия людей, анализ которого, по их мнению, необходим для понимания социального поведения человека. Они пытаются выяснить, какими специфическими для человека средствами осуществляется и регулируется процесс социальной интеракции. Отсюда интерес к широкому кругу проблем: прежде всего к символической коммуникации, языку, формированию значений, интерпретации ситуации взаимодействия, к структуре личности, ролевому поведению, референтным группам. Последнее время все больше внимания уделяется проблемам социального

² *Lindesmith A.R., Strauss A.L. Social Psychology. N.Y.: Dryden Press, 1956.*

восприятия людей и реальной действительности, а также конструированию социального мира в повседневном взаимодействии.

Эрвин Гофман сформировался как сторонник символического интеракционизма в годы своей учебы в Чикагском университете, который правомерно назвать колыбелью символического интеракционизма. Будучи родом из Канады, Э. Гофман вначале учился в университете г. Торонто, а затем перешел на социологический факультет Чикагского университета, где получил степень магистра, а впоследствии и доктора, защитив в 1953 г. диссертацию на тему «Коммуникативное поведение в островной общине». В диссертации были исследованы особенности общения и взаимодействия жителей Шетландских островов. Диссертация не была опубликована, но отдельные ее материалы Гофман использовал в ряде работ, в том числе и в первой своей книге «Представление себя другим в повседневной жизни», вышедшей в 1959 г.³

После Чикагского университета Гофман работал в Лаборатории социально-экологических исследований Национального института психического здоровья, сотрудничал с рядом университетов, в том числе с Калифорнийским и Гарвардским, получал гранты от различных фондов, печатался во многих журналах по социологии, психиатрии, антропологии и др. С 1968 г. до своей кончины в 1982 г. Эрвин Гофман – профессор антропологии и социологии Пенсильванского университета. Он избирался президентом Американской социологической ассоциации (АСА). Его президентское послание на тему «Порядок взаимодействия», подготовленное для ежегодной конференции АСА 1982 г., с которым он сам уже, к сожалению, не смог выступить, было опубликовано посмертно⁴.

³ *Goffman E.* The presentation of self in everyday life. Garden City (NY): Doubleday Anchor, 1959.

⁴ *Goffman E.* The interaction order // *American Sociological Review.* 1983. № 1. V. 48. P. 1–53.

Во всех своих исследованиях Гофман оставался верен задаче изучения социологических, психологических, антропологических аспектов межличностного взаимодействия в самых разнообразных областях и ситуациях повседневной жизни.

Подобно Дж. Миду и другим представителям символического интеракционизма Э. Гофман использует лишь качественные методы анализа, прежде всего наблюдение. Для подтверждения своих идей он также широко использует примеры из научной и художественной литературы, мемуаров, автобиографий, бесед, газет и журналов. Поражает обилие и разнообразие его ссылок из самых различных областей знаний. Для него характерен богатый словарный запас, сложный стиль изложения, нетрадиционность используемых понятий, расплывчатость определений.

В первой своей книге «Представление себя другим в повседневной жизни», получившей широкую известность и переведенной на несколько языков, Гофман выдвинул особую концепцию «социальной драматургии»⁵. Суть этой концепции сводится к тому, что в ней проводится почти полная аналогия между театральной игрой и взаимодействием людей в повседневной реальной жизни. Гофман рассматривает реальных участников повседневных взаимодействий как актеров и очень подробно исследует, пользуясь театральной терминологией, «технологию» поведения участников межличностного взаимодействия, обращая особое внимание на его символические формы. Абстрагируясь от целостных характеристик личности, Гофман трактует участников взаимодействия лишь как носителей самых различных ролей, заданных извне, не связанных ни между собой, ни с особенностями

⁵ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. Глава из этой книги «Представление себя другим» была опубликована в кн.: Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 188–196.

личности. При этом он исходит из того, что человек в процессе социальной интеракции способен не только посмотреть на себя глазами партнера по взаимодействию, но и скорректировать собственное поведение в соответствии с ожиданиями другого с тем, чтобы создать о себе наиболее благоприятное впечатление и добиться наибольшей выгоды от этого взаимодействия. Весь процесс социальной интеракции трактуется Гофманом как приспособление личности к ситуации и самомаскировка, а индивид выступает как носитель многочисленных разрозненных ролей – либо в качестве марионетки, либо циничного обманщика. Концепция Гофмана является в определенной степени отражением отношений, в которых те или иные роли чужды человеку и ему приходится приспосабливаться к ним, прибегая к самомаскировке и обману. Однако абсолютизация этих моментов и превращение их в универсальный принцип человеческого поведения в социальном взаимодействии настолько неправомерны, что это вызывает критику со стороны очень многих авторов. Его также справедливо критикуют за слишком прямолинейную аналогию между социальной действительностью и театральным действием, за нестрогость методов анализа.

В последующих публикациях Гофман отошел от прямолинейной аналогии повседневного поведения в межличностном взаимодействии с театром, но продолжал скрупулезно, нестандартно анализировать повседневное взаимодействие людей лицом к лицу, выявляя неписанные правила и структуру поведения людей в различных ситуациях. Это в полной мере относится к монографии «Ритуал взаимодействия», вышедшей в 1967 и переизданной в 1982 г.

В предлагаемой книге объединены пять журнальных публикаций Гофмана, появившиеся в период с 1955 по 1964 г., а также специально написанная для этой книги работа «Где находится действие», занимающая почти половину общего ее объема.

В авторском предисловии подчеркивается, что раздел науки, изучающий межличностное взаимодействие лицом к лицу в естественных условиях (непродолжительное по времени и ограниченное по месту действия), еще не получил своего названия, хотя такое взаимодействие имеет свой ритуал, правила, нормы и структуру. Соответственно все главы книги, написанные в разное время для разных изданий на разные конкретные темы, объединены стремлением Гофмана вычленить в них определенные аспекты этого ритуала, правил, норм и структуры повседневного межличностного взаимодействия в ситуации коротких встреч различных людей, которые до того никто не пытался анализировать так, как это делает Гофман.

Книгу открывает глава «О работе лица. Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия», написанная еще в Чикагском университете в 1955 г. Гофман определяет «лицо» как «позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения. Лицо – это образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик» (с. 18). Исследовать работу лица, по Гофману, значит изучать нормы и правила взаимодействия в самых различных ситуациях. Он выделяет и тщательно анализирует основные способы сохранения лица: избегание и коррекцию, агрессивные способы сохранения лица, кооперацию в сохранении лица, ритуальные роли Я, природу ритуального порядка.

Особенность следующей главы «Природа почтительности и умения вести себя», написанной в 1956 г., заключается в том, что она построена на результатах проведенного Гофманом наблюдения за поведением пациентов психиатрической клиники. Гофман считает, что наблюдение за нарушениями правил поведения душевнобольными, которые не могут их соблюдать в силу своего

заболевания, поможет лучше понять природу этих правил в норме, то есть в обычной повседневной жизни.

В своем анализе Гофман выделяет два типа правил поведения людей в непосредственном взаимодействии: содержательные и церемониальные. К содержательным относятся правила, которые направляют поведение в соответствии с основаниями, ощущаемыми как значимые сами по себе. Церемониальные же правила направляют поведение в соответствии с основаниями, которые не ощущаются значимыми сами по себе. Их основное назначение – выступать в качестве общепринятых средств коммуникации, с помощью которых индивид выражает свой характер или сообщает о своем восприятии других участников ситуации. Базовыми компонентами церемониальных правил Гофман считает и умение вести себя (приличия).

Почтительность определяется Гофманом как высокая оценка другого человека, демонстрируемая индивидом через ритуалы избегания и преподнесения. Ритуал избегания заставляет индивида держаться на расстоянии от реципиента и определяет то, что делать не должно. Ритуал преподнесения включает акты поведения, через которые индивид дает реципиентам понять, как он будет к ним относиться и что делать надо.

Умение индивида вести себя (приличия) включает свойства, интерпретируемые другими как способ управления собой. С помощью манеры поведения индивид создает образ себя, предназначенный для других. Требования к индивиду соблюдать манеры поведения являются, как считает Гофман, необходимым условием для утверждения себя в качестве участника общения, на которого можно положиться и который владеет собой в коммуникации.

На примерах наблюдения за пациентами клиники, нарушающими ритуал общепринятых правил уважения и манеры вести себя, а также за персоналом клиники, со-

блюдающим эти правила, Гофман скрупулезно анализирует конкретные проявления выделенных им базовых элементов церемониального поведения людей. Этот анализ подкрепляется многочисленными ссылками на самые разнообразные источники из литературы по философии, истории, антропологии, социологии и т.д.

Глава «Смущение и социальная организация» посвящена анализу достаточно нетрадиционной для социологии проблемы. Гофман исследует характер и роль смущения, испытываемого человеком в связи с реальным или воображаемым присутствием других людей в кратковременных социальных встречах, в которых происходит взаимодействие лицом к лицу. Гофман специально останавливается на используемых им понятиях при исследовании смущения, а также анализирует причины и социальную функцию смущения в социальной интеракции.

Работа «Отчуждение от взаимодействия» первоначально была опубликована в 1957 г. В ней рассматриваются вовлеченность в беседу, и прежде всего – спонтанная совместная вовлеченность участников беседы как основная черта разговорного взаимодействия. Гофман подчеркивает, что беседа обладает своей системой и предъявляет к участникам определенные требования. Исследуя процесс вовлеченности в беседу, Гофман стремится выявить общие характеристики разговорного взаимодействия. На основе детального анализа он приходит к выводу, что успех разговорного взаимодействия зависит прежде всего от готовности людей к спонтанной вовлеченности в общий фокус внимания беседы.

Подчеркивая важность разговорного взаимодействия, Гофман утверждает, что общение между разными людьми в разных ситуациях является необходимым условием функционирования общества.

Глава «Психические симптомы и публичный порядок» была впервые опубликована в 1964 г. В ней доказывается неопределенность и расплывчатость существую-

щих критериев для выделения психических заболеваний в случаях, когда пациенты нарушают принятые в обществе правила поведения и взаимодействия лицом к лицу. В связи с этим Гофман пытается определить структуру взаимодействия лицом к лицу и соответствующие правила поведения в таком взаимодействии. Он, в частности, выделяет три основные единицы непосредственного взаимодействия: социальный случай, собрание двух или более человек, находящихся в непосредственном присутствии друг друга, социальную ситуацию. Он также выделяет сфокусированное и несфокусированное взаимодействие. По мнению Гофмана, правила поведения в присутствии других людей упорядочивают лингвистическую коммуникацию и являются руководящим принципом социальной организации.

Последний и самый большой раздел книги носит название «Где находится действие». Он был написан в 1967 г. специально для данной книги. Одно из назначений понятия «действие (action)» в английском языке – это добровольный рискованный поступок. Вся статья посвящена исследованию именно такого рода действий, в ней очень тщательно анализируются различные их аспекты: структура и динамика, вероятность выигрыша и проигрыша, фатальность, азартные практические игры в широком смысле, включая самые различные виды деятельности, связанные с риском, формы защиты от последствий риска, психологические особенности рискующих индивидов, внешне организованные условия, predisposing к рискованным действиям. С этой точки зрения подробно, с привлечением многочисленных примеров, рассматривается организация работы казино. Большое внимание уделяется психологическим особенностям людей, склонных к рискованным действиям в экстремальных ситуациях, и особенно к проявлениям ими характера, анализу рискованных действий как со-
стязанию характеров.

Подобно тому как нарушения неписаных правил межличностного взаимодействия пациентами психиатрических клиник помогают вычлениить и понять природу этих правил в норме, так и изучение особенностей поведения человека в экстремальных ситуациях, по мнению Гофмана, дает возможность исследователю осознать поведение и характер человека в повседневном взаимодействии.

В заключение хочется подчеркнуть, что Эрвин Гофман – необыкновенно эрудированный и весьма неординарный исследователь, как в постановке проблем, так и в выборе способов их анализа. Его исследования зачастую носят междисциплинарный характер. Работы Гофмана приобрели всемирную известность и оказали заметное влияние на развитие современного символического интеракционизма и феноменологической социологии.

*Н.Н. Богомолова
доктор философских наук,
профессор кафедры социальной психологии МГУ*

Введение

Изучение взаимодействия людей лицом к лицу в естественных условиях еще не имеет адекватного названия. Более того, остаются неясными аналитические границы этой области исследований. Приблизительно она задается короткой продолжительностью взаимодействия, его ограниченностью в пространстве и ограниченностью теми событиями, которые, если уж начались, должны продолжаться до полного завершения. Все это тесно связано с ритуальными способностями людей и с эгоцентрическими формами территориальности.

Однако предмет изучения все же можно определить: это класс событий, происходящих во время взаимного физического присутствия и благодаря ему. Основным поведенческим материалом здесь служат взгляды, жесты, позы и словесные высказывания, которые люди непрерывно вольно или невольно вносят в ситуацию. Это внешние знаки ориентации действия и вовлеченности – состояний души и тела, обычно не исследуемых в их соотношении с социальной организацией.

Тщательное систематическое изучение таких «малых эпизодов поведения» стало развиваться под впечатлением успехов современных исследований в области зоопсихологии и языка при поддержке исследований взаимодействия в «малых группах» и разных видов психотерапии.

Одной из целей работы с этими данными является описание строящихся из них естественных единиц взаимодействия, начиная с мельчайших (например, мимолетной гримасы, которой человек выражает свое отношение к происходящему) и заканчивая такими случаями, как многодневная конференция – этот мастодонт взаимодей-

ствия, который близок к пределу того, что может быть названо социальной ситуацией. Второй целью является раскрытие нормативного порядка, преобладающего внутри этих единиц и в отношениях между ними, то есть порядка поведения, обнаруживающегося во всех местах обитания людей, будь то публичные, полупубличные или частные, как в рамках организованной социальной ситуации, так и в более скучных рамках чисто рутинных социальных условий¹. Можно продвинуться в достижении обеих этих целей с основательным применением методов этнографии: необходимо выявить бесчисленные формы и естественные последовательности поведения, возникающие всякий раз, когда только люди оказываются в непосредственном присутствии друг друга. И нам надо увидеть эти события как своеобразный предмет изучения, аналитически отличный от соседних предметных областей, например, социальных взаимоотношений, малых социальных групп, коммуникативных систем и стратегического взаимодействия.

В центре внимания этой книги – социология случаев. Тема социальной организации остается ведущей, но это особая организация соединения людей при непосредственных контактах и вырастающие из него кратковременные события взаимодействия. Речь идет о некоей нормативно устойчивой структуре, «общественном собрании», но это подвижное образование, неизбежно недолговечное, возникающее при появлении действующих лиц и умирающее при их уходе.

Первые пять статей в этой книге идут в порядке их первоначальной публикации с небольшими редакционными изменениями; шестая статья, занимающая почти половину книги, публикуется впервые. Боюсь, на первый взгляд они мало связаны, но в их центре находится одна общая проблема, которая сохраняет интерес для этнографа и так или иначе всегда должна учитываться.

¹ Я сделал попытку продвинуться в этих направлениях в книге «Behavior in Public Places» (N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1966).

Я полагаю, что истинный предмет при изучении взаимодействия – не индивид и его психология, а скорее синтаксические отношения между поступками людей, находящихся в непосредственном присутствии друг друга. Тем не менее, так как именно действующие индивиды (акторы) поставляют первичные материалы для взаимодействия, всегда уместно задать вопрос, какими общими свойствами должны обладать эти индивиды, чтобы от них можно было ждать этого. Из какой минимальной модели свойств актора должны мы исходить, чтобы наполнить его жизнью, окружить ближними и добиться упорядоченности в картине его поведения? Какова требуемая модель, если, отталкиваясь от нее, исследователь должен предвосхитить направления, на которых индивид в качестве участника взаимодействия может быть эффективен или потерпит крах? Именно об этом – все статьи, включенные в данную книгу. Психология, конечно, неизбежно присутствует, но в усеченном и ограниченном виде, лишь сопровождая социологическое изучение разговоров, соревнований, банкетов, судебных заседаний и бесцельных шатаний по улицам.

Итак, не люди и переживаемые ими моменты, а, скорее, сами моменты и выражающие их люди.

Благодарности

Статья «О работе лица. Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия» (On Face-Work: An Analysis of Ritual Elements in Social Interaction) перепечатывается с разрешения из журнала *Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes*, Volume 18, Number 3, August 1955, pp. 213–231. Copyright © 1955 by the William Alanson White Psychiatric Foundation, Inc.

«Смушение и социальная организация» (Embarrassment and Social Organization) перепечатывается с разрешения из *The American Journal of Sociology*, Volume 62, Number 3, November 1956, pp. 264–274.

«Природа почтительности и умения вести себя» (The Nature of Deference and Demeanor) воспроизводится с разрешения из журнала *American Anthropologist*, Volume 58, June 1956, pp. 473–502. Copyright © 1956 by the American Anthropological Association.

«Отчуждение от взаимодействия» (Alienation from Interaction) воспроизводится с разрешения из журнала *Human Relations*, Volume 10, Number 1, 1957, pp. 47–59.

«Психические симптомы и публичный порядок» (Mental Symptoms and Public Order) воспроизводится с разрешения *Walter Reed Army Institute of Research*.

«Где находится действие» (Where the Action Is) готовилась при поддержке гранта *Youth Development Program of the Ford Foundation* и *Center for the Study of Law and Society, University of California, Berkeley*, по гранту Бюро несовершеннолетних правонарушителей и развития молодежи, отдел социального обеспечения Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения США в сотрудничестве с Президентским комитетом

по несовершеннолетним правонарушителям и молодежной преступности. Поддержка была также получена от Института развития человека Университета Калифорнии в Беркли и от Центра международных отношений Гарвардского университета. Эдвин Лемерт дал подробную критику, за которую я очень ему благодарен. Комментарии об азартных играх в казино Невады основаны на еще продолжающемся исследовании.

Первые четыре статьи были опубликованы, когда я был сотрудником Лаборатории социально-экологических исследований Национального института психического здоровья, и я благодарен этой лаборатории за поддержку. За поддержку в соединении вместе шести статей для публикации я благодарен Центру международных отношений Гарвардского университета.

О работе лица*

Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия

Каждый человек живет в мире социальных взаимодействий, вовлекающих его в личный или опосредованный контакт с другими участниками. В каждом из таких контактов он склонен разыгрывать то, что иногда называют *линией поведения*, то есть паттерн вербальных и невербальных актов, через которые выражается его видение ситуации и тем самым – оценка им участников контакта, особенно самого себя. Независимо от того, намерен ли человек придерживаться какой-либо линии поведения, он обнаруживает, что в итоге вел себя определенным образом. Другие же участники будут думать, что он выбрал свою позицию более или менее умышленно. Поэтому, если человеку приходится иметь дело с их ответной реакцией, ему необходимо учитывать впечатление, которое они, возможно, составили о нем.

Понятие «лицо» можно определить как позитивную социальную ценность, которую человек с успехом стремится придать себе, приняв в определенном контакте, как считают другие, некоторую линию поведения. Лицо – это образ себя, описываемый на языке одобряемых социальных характеристик, хотя он может одновременно распространяться и на других людей, например, если человек,

* Эта работа была написана в Чикагском университете; я благодарен за финансовую поддержку в ее написании гранту Департамента здравоохранения США (U.S. Public Health Grant), выделенному на исследование характеристик социального взаимодействия под руководством доктора Уильяма Соскина, факультет психологии Чикагского университета.

достойно представляя самого себя, тем самым достойно представляет свою профессию или религию¹.

Человек обычно непосредственно эмоционально реагирует на то лицо, которое диктует ему контакт с другими; он фиксируется на своем лице, его «чувства» становятся связаны с ним. Если в контакте воспроизводится тот образ, который человек долгое время считал самоочевидным, то его чувства, скорее всего, останутся мало затронуты. Если ход событий создает ему лицо более благоприятное, чем он ожидал, то он, вероятно, придет в «хорошее настроение»; если привычные ожидания не оправдываются, у человека, видимо, «испортится настроение», он почувствует себя уязвленным. В общем привязанность человека к конкретному образу, в сочетании с тем, насколько легко им самим и другими людьми может передаваться информация, нарушающая этот образ, служат причиной того, что человек считает участие в любом контакте налагающим на него некоторые обязательства. Человек также испытывает чувства по поводу лица, демонстрируемого другими участниками, и хотя эти чувства своей направленностью и выраженностью могут отличаться от тех, которые он испытывает к своему лицу, по этой причине его внимание к лицу других столь же непосредственно и спонтанно, как и к своему лицу. Собственное лицо и лицо других – это конструкторы одного порядка; именно от групповых норм и определения ситуации зависит то,

¹ Обсуждение принятого в Китае понятия лица можно найти в следующих источниках: *Hsien Chin Hu. The Chinese Concept of «Face» // American Anthropologist*, n.s. 46. 1944. P. 45–64; *Martin C., Yang A. Chinese Village. New York: Columbia University Press, 1945. P. 167–172; Macgowan J. Men and Manners of Modern China. London: Unwin, 1912. P. 301–312; Smith Arthur H. Chinese Characteristics. N.Y.: Felming H. Rewell Co., 1894. P. 16–18. О понятии лица у американских индейцев см.: *Mauss M. The Gift, tr. Ian Cunnison. London: Coher & West, 1954. P. 38 (рус. пер.: Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Наука, 1966. С. 147. – Ред.)*.*

насколько сильные чувства человек должен вкладывать в лицо и как эти чувства должны распределяться между лицами участников взаимодействия.

О человеке можно говорить, он что *имеет* лицо, *сохраняет* его или *находится в образе*, если линия поведения, которую он фактически проводит, представляет такой его образ, который внутренне непротиворечив и поддерживается суждениями и свидетельствами других участников, а также подтверждается сигналами, поступающими от безличных факторов ситуации. В таких случаях лицо человека явно предстает как нечто, расположенное не внутри или на поверхности тела, а, скорее, диффузно рассеянное в потоке событий взаимодействия. Оно становится видимым только тогда, когда эти события воспринимаются и толкуются с точки зрения выражаемых ими оценок.

Линия поведения, которой придерживается человек в контактах с другими людьми (и они в контактах с ним), обычно принимает легитимную и институционализированную форму. В контакте определенного типа участник взаимодействия, обладающий известными или наблюдаемыми качествами, вправе ожидать, что его конкретное лицо будет поддержано, ощущая это как морально правильное и должное. Заданность его качеств и конвенциональная природа контакта ведут к тому, что человек обнаруживает, что выбор открытых для него линий поведения невелик, так же как невелик выбор приемлемых вариантов лица. Далее, на основе нескольких известных качеств участнику контакта приписывается обладание множеством других. Маловероятно, что прочие участники взаимодействия осознают характер многих этих качеств, если своим наблюдаемым поведением участник взаимодействия явно не продемонстрирует, что не обладает ими; тогда все начинают осознавать эти качества и считать, что он намеренно имитировал их наличие.

Таким образом, хотя озабоченность своим лицом сосредоточивает внимание человека на текущей деятельности, ему, чтобы сохранить лицо в этой деятельности, необходимо учитывать свое место в социальном мире за ее пределами. Человек, способный сохранить лицо в конкретной ситуации, – это тот, кто в прошлом воздерживался от определенных действий, с последствиями которых впоследствии трудно было бы справиться. Кроме того, он боится потерять лицо в настоящем отчасти потому, что это может быть расценено другими участниками контакта как знак того, что в будущем с его чувствами можно не считаться. Однако такого рода взаимозависимость между текущей ситуацией и более широким социальным миром имеет свои пределы: встреча с людьми, с которыми человек никогда не встретится снова, позволяет ему принять более высокую линию поведения, которая будет развенчана в будущем, либо переносить унижения, которые сделали бы будущие контакты с этими людьми неприятными.

Можно сказать, что человек имеет *неподобающее лицо*, если каким-то образом становится известной информация о его социальной ценности, которая даже при известном усилии не может быть увязана с устойчиво присущей ему линией поведения. Можно сказать, что человек *лишен лица*, если он участвует в контакте с другими людьми, не обладая готовой линией поведения, которую обычно ожидают от участников подобной ситуации. Многие шутки и розыгрыши имеют целью принудить человека продемонстрировать неподобающее лицо или отсутствие лица, но, разумеется, бывают и серьезные обстоятельства, в которых он обнаруживает, что утратил экспрессивный контакт с ситуацией.

Чувствуя, что обладает подобающим лицом, человек, как правило, реагирует на это ощущением уверенности в себе. Твердо придерживаясь принятой им линии поведения, он чувствует, что может открыто, с высоко под-

нятой головой представлять себя другим. Он испытывает чувства некоторого облегчения и безопасности – и то же самое он может чувствовать, если другие считают его лицо неподобающим, но успешно скрывают от него свое впечатление.

Если человек имеет неподобающее лицо или лишен лица, то во взаимодействие вносятся такие экспрессивные элементы, которые нелегко вплести в экспрессивную ткань ситуации. Ощущая несоответствие своего лица или отсутствие лица, человек, по всей вероятности, будет испытывать стыд и унижение от того, что это случилось по его вине и что может пострадать его репутация как участника взаимодействия. Более того, он может быть огорчен тем, что контакт не обеспечил подтверждение его образа себя, к которому он эмоционально привязан и который теперь оказывается под угрозой. Отсутствие поддержки его оценок в ситуации контакта может обескуражить человека и временно лишить его способности к взаимодействию. Он может испытать замешательство, досаду и стыд. Впечатление – оправданное или нет, – что другим заметно его смятение и что он придерживается неудачной линии поведения, может усугубить эти его чувства. Смена переживания неподобающего лица или отсутствия лица переживанием стыда может внести еще большее расстройство в экспрессивную структуру ситуации. Следуя общепринятой практике, я использую понятие «самообладание» (*poise*) для обозначения способности подавлять и скрывать любые проявления замешательства в контактах с другими людьми.

В нашем англо-американском обществе, как и в некоторых других, выражение «потерять лицо» означает иметь неподобающее лицо, не иметь лица либо обнаружить смущение. Выражение «спасти, или сохранить, лицо», судя по всему, относится к процессу, с помощью которого человек поддерживает у других впечатление,

что он не потерял лицо. В китайском словоупотреблении «придать лицо» означает создать другому условия для принятия лучшей линии поведения, чем та, которую он мог бы избрать сам². Другой при этом получает данное ему лицо; это один из способов, которым другой может обрести его.

Одним из аспектов социального кодекса поведения в любом социальном кругу обычно является понимание того, насколько далеко человеку следует заходить, чтобы сохранить свое лицо. Поскольку он принимает на себя образ, выражаемый лицом, от него ожидают, что он будет жить в соответствии с ним. В различных обществах разными способами от него будут требовать демонстрацию самоуважения, отказ от некоторых действий (из-за того, что они выше или ниже его достоинства), а также принуждение себя к выполнению других действий, пусть даже это обойдется ему дорогой ценой. Включаясь в ситуацию, придающую ему лицо, которое он должен поддерживать, человек берет на себя ответственность за то, чтобы держать под контролем поток протекающих перед ним событий. Он должен обеспечить устойчивость конкретного *экспрессивного порядка*, регулирующего поток событий, больших и малых, таким образом, что все выражаемое ими будет соответствовать его лицу. Когда человек демонстрирует эту уверенность, руководствуясь главным образом долгом перед самим собой, в нашем обществе это называют гордостью; если он поступает так из чувства долга перед социальным окружением и получает от него поддержку, тогда принято говорить о чести. Когда эти переживания связаны с особенностями позы, с экспрессивными проявлениями, производными от манеры обращения со своим телом, эмоциями и объектами, с которыми он входит в физический контакт, тогда говорят

² См., например, *Smith Arthur H. Chinese Characteristics*. N.Y.: Felming H. Rewell Co., 1894. P. 17.

о достоинстве – аспекте экспрессивного контроля, который всегда восхваляют и никогда не исследуют. Так или иначе, хотя социальное лицо может быть наиважнейшим личным достоянием человека и средоточием его чувств безопасности и удовлетворенности, оно лишь одолжено ему обществом и будет отобрано, если он не станет вести себя подобающим образом. Ориентация на одобряемые качества, связанные с лицом, превращает каждого человека в собственного «тюремщика»; и это очень существенное социальное ограничение, хотя отдельному человеку может даже нравиться его «тюремная камера».

Точно так же как от члена любой группы ожидают проявлений самоуважения, от него ожидают, что он будет придерживаться норм деликатности. От него ждут, что он пойдет на определенные шаги для того, чтобы поберечь чувства и сохранить лицо других присутствующих, и что он будет делать это спонтанно и добровольно вследствие эмоциональной идентификации с ними и с их чувствами³. Поэтому люди не расположены быть свидетелями того, как другие теряют лицо⁴. Человека, способного сохранять

³ Разумеется, чем большей властью и престижем обладают эти другие, тем вероятнее человек проявит внимание к их чувствам, как об этом пишет Х.Э. Дэйл: «Доктрина “чувств” была разъяснена мне много лет назад одним крупным государственным чиновником с изрядной долей цинизма. Он объяснил, что значение, которое придается чувствам, находится в прямой зависимости от значимости чувствующей персоны. Если общественные интересы требуют отстранения от своего поста младшего клерка, совершенно не требуется принимать во внимание его чувства; если дело касается помощника министра, его чувства по возможности должны быть внимательно учтены; если же речь идет о министре, то его чувства – это принципиальный элемент ситуации, и только насущные общественные интересы могут заставить пренебречь ими» (*Dale H.E. The Higher Civil Service of Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1941*).

⁴ Торговцы, особенно уличные лоточники, хорошо знают, что, если они следуют линии поведения, которая потерпит крах, если упрямый покупатель откажется сделать покупку, покупатель может оказаться в ловушке сочувствия и совершит покупку ради сохранения лица торговца и предотвращения ожидаемой от продавца скандальной сцены.

спокойствие при виде унижения другого, в нашем обществе называют «бессердечным», а того, кто бесчувственно принимает собственное унижение, считают «бесстыдным».

Сочетание правил самоуважения и внимания к другим приводит к тому, что человек во взаимодействии стремится вести себя так, чтобы сохранять и свое лицо, и лицо других участников. Это означает, что каждому участнику обычно предоставляется возможность придерживаться принятой им линии поведения и разыгрывать ту роль, которую он, по-видимому, выбрал для себя. Тем самым создается положение, при котором каждый временно приемлет линию поведения всех остальных⁵. Такого рода взаимное принятие, судя по всему, является основной структурной характеристикой взаимодействия, особенно взаимодействия в разговоре лицом к лицу. Как правило, это «рабочее» принятие, а не «действительное», поскольку часто оно основано не на сходстве искренне выраженных и прочувствованных взаимных оценок, а на готовности высказывать сиюминутные неискренние суждения, с которыми сами участники на самом деле не согласны.

⁵ Поверхностное согласие в оценке социального достоинства участников контакта, разумеется, не подразумевает тождества этих оценок. Оценка, которая по соглашению приписывается одному участнику, может сильно отличаться от оценки, приписываемой другому. Такое согласие совместимо с выражением различных мнений двумя участниками, когда каждый из спорящих показывает «уважение» к другому, выражая несогласие таким образом, чтобы передавать этим путем оценку другого, которую тот сам желал бы сообщить о себе. Крайние случаи этого представляют собой войны, дуэли и драки, если они ведутся по-джентльменски и в рамках соглашения, когда каждый противник придерживается правил игры, так что его действия могут быть расценены как открытое столкновение с честным соперником. По сути дела, этикет и правила любой игры могут рассматриваться как средства для демонстрации образа честного игрока, а образ честного игрока можно рассматривать как средство поддержания этикета и правил игры.

Взаимное принятие линий поведения оказывает важное стабилизирующее влияние на ход контакта. Если человек изначально представляет некую линию поведения, то он и все остальные склонны выстраивать на ее основе свои последующие реакции и в некотором смысле фиксируются на ней. Если человек вдруг радикально изменит свою линию поведения либо она окажется несостоятельной, тогда все участники приходят в замешательство, поскольку они готовили себя к действиям, ставшим теперь неприемлемыми.

Как правило, сохранение лица – это условие взаимодействия, а не его цель. Обычные цели – такие как обретение собственного лица, свободное выражение своих подлинных убеждений, высказывание неодобрения в адрес других либо решение проблем и выполнение задач, – как правило, достигаются таким образом, чтобы не помешать сохранению лица. Исследовать сохранение лица – значит изучать нормы и правила социального взаимодействия; мы узнаем нечто о правилах, которых человек придерживается в своем движении среди разнонаправленных действий и намерений других людей, но не о том, куда он направляется или почему желает туда попасть. Остается даже непонятным, почему он готов следовать этим правилам, ведь множество различных мотивов могут в равной степени побуждать его к этому. Он может желать сохранить свое лицо из-за эмоциональной привязанности к тому образу самого себя, который это лицо выражает, из чувства гордости или чести, либо из-за влияния, которое его подразумеваемый статус позволяет распространять на других, и т.п. Он может стремиться сохранить лицо других вследствие своей эмоциональной привязанности к их образу, либо если он чувствует, что его партнеры имеют моральное право на его поддержку, либо если он желает избежать той враждебности, которую они обратят на него, случись им потерять лицо. Он, наконец, может ощущать,

что его считают человеком, который сочувствует и страдает другим, поэтому, чтобы сохранить свое лицо, он чувствует себя обязанным считаться с линией поведения, принятой другими участниками контакта.

Под *работой лица* я подразумеваю действия, предпринимаемые человеком для того, чтобы все, что он делает, соответствовало его лицу. Работа лица помогает нейтрализовать «инциденты» – события, символические следствия которых грозят потерей лица. Так, самообладание – это важная разновидность работы лица, поскольку благодаря самообладанию человек подавляет свое замешательство и тем самым – то общее замешательство, которое могло бы возникнуть в контакте вследствие его замешательства. Осознаются все последствия действий по сохранению лица или нет, они часто приобретают привычный, стандартный характер – подобно традиционным ходам в игре или традиционным па в танце. Похоже, что каждый индивид, субкультура или общество обладают своим характерным репертуаром приемов сохранения лица. Именно этот репертуар люди отчасти имеют в виду, когда спрашивают, каковы тот или иной человек или культура «на самом деле». Тем не менее определенный набор приемов, выделяемых конкретными людьми или группами, проистекает из единой логически связанной системы возможных приемов. Складывается впечатление, что лицо в силу своей природы может быть сохранено лишь несколькими определенными способами, и каждому социальному сообществу надо сделать свой выбор из этой единой матрицы возможных вариантов.

От членов любого социального круга можно ожидать некоторых знаний о работе лица, а также некоторого опыта применения этих знаний. В нашем обществе эту способность порой называют тактом, *savoir-faire*^{*}, дипло-

* Умение себя вести (фр.). – Примеч. перев.

матичностью или социальными навыками. Социальные навыки зависят больше от эффективности работы лица, чем от частоты их использования, поскольку почти все действия, затрагивающие других людей, вольно или невольно учитывают соображения сохранения лица.

Если человеку приходится пускать в ход свой репертуар приемов сохранения лица, то он, очевидно, в первую очередь должен осознавать, как другие будут интерпретировать его действия и как он сам, вероятно, станет интерпретировать их действия. Иными словами, он должен проявлять восприимчивость⁶. Но даже если он живо воспринимает символически выражаемые суждения и обладает социальными навыками, ему все равно необходимо стараться развивать свою восприимчивость и свои умения; короче говоря, ему необходимо проявлять гордость и тактичность. Правда, обладание восприимчивостью и социальными навыками столь часто ведет к их применению, что в нашем обществе такие слова, как вежливость и такт, плохо различают желание проявлять эти способности и само их наличие.

Я уже говорил, что участник контакта исходит из двух точек зрения – оборонительной ориентации на сохранение своего собственного лица и охранительной ориентации, направленной на спасение лица других. Некоторые социальные практики являются преимущественно обо-

⁶ Вероятно, социальные навыки и восприимчивость находятся на высоте в тех группах, члены которых часто выступают представителями более широких социальных единиц – таких как род или нация, ибо в этом случае игрок ставит на кон свое лицо, с которым увязаны чувства многих людей. Аналогично, можно предположить, что социальные навыки лучше развиты у тех, кто занимает высокое положение, а также у тех, с кем они имеют дело, поскольку чем значительнее лицо участника взаимодействия, тем шире круг явлений, которые могут этому лицу не соответствовать, и, следовательно, тем выше потребность в социальных навыках, направленных на предупреждение и нейтрализацию таких несоответствий.

ронительными, некоторые – преимущественно охранительными, хотя можно ожидать, что обе эти тенденции проявятся одновременно. Стараясь спасти лицо других, индивид должен выбрать курс, не ведущий к потере его собственного лица; пытаясь сохранить свое лицо, он должен учитывать, что какие-то его действия могут повлечь потерю лица другими людьми.

Во многих обществах принято различать три уровня ответственности человека за ту угрозу для лица, которую могут создать его действия. Во-первых, он может производить впечатление наивного; его проступок выглядит при этом непреднамеренным, и те, кто воспринимает его действия, могут считать, что он попытался бы их избежать, если бы предвидел их неприятные последствия. В нашем обществе такого рода промахи, грозящие потерей лица, называют *faux pas*, *gaffes*^{*}, оплошностями или глупыми выходками. Во-вторых, обидчик может показаться действовавшим злонамеренно, с явной целью нанести оскорбление. В-третьих, бывают нечаянные обиды, они возникают незапланированно, хоть иногда, может быть, предсказуемо, в качестве побочного результата действия – действия, которое обидчик осуществляет, несмотря на возможные неприятные последствия, хотя и не ради них. С точки зрения конкретного участника контакта, эти три вида угроз могут быть созданы участником – своему собственному лицу, им же – лицу других людей, этими другими – их собственному лицу и, наконец, другими – его лицу. Таким образом, человек может находиться в различных отношениях к угрозе лицу. Чтобы успешно ладить с собою и с другими людьми во всех обстоятельствах, ему необходимо обладать репертуаром приемов сохранения лица для каждого из этих возможных отношений.

* *Faux pas* – промах (фр.); *gaffes* – неловкость (фр.). – Примеч. перев.

Основные разновидности работы лица

Процесс избегания. Вернейший способ предотвратить угрозу своему лицу – избегать контактов, в которых такие угрозы могут возникнуть. В любом обществе это можно наблюдать в отношениях, построенных на избегании⁷, а также в тенденции привлекать посредников для определенных деликатных взаимодействий⁸. К тому же во многих обществах ценится добровольное и деликатное самоустранение из контакта раньше, чем может возникнуть предполагаемая опасность для лица⁹.

Если человек все же рискует вступить в контакт, в ход пускаются иные приемы избегания. В порядке самозащиты он воздерживается от тем и действий, которые привели бы к раскрытию информации, рассогласующейся с его линией поведения. При удобном случае он будет менять тему разговора или направление деятельности. Сначала он обычно выступает перед другими в крайне сдержанной манере, подавляя любое проявление чувств, пока не

⁷ В нашем обществе примеры такого избегания можно найти в поведении негров, принадлежащих к среднему и высшему классу. Они уклоняются от непосредственных личных контактов с белыми ради сохранения своей самооценки, которая выражается в их манере одеваться и вести себя. См., например, *Johnson C. Patterns of Negro Segregation. N.Y., 1943. Ch. 13.* Роль избегания контактов в сохранении родовой системы в небольших дописьюменных обществах может служить иллюстрацией того же общего положения.

⁸ Пример приводится в книге К. Латуретта: «Сосед или группа соседей могут выступить посредниками в улаживании конфликта, в котором каждый из спорящих рисковал бы своим лицом, если бы первым сделал шаг навстречу другому. Мудрое посредничество может привести к примирению, позволив обеим сторонам не уронить достоинства» (*Latourette K.S. The Chinese: Their History and Culture. N.Y.: Macmillan, 1942.*)

⁹ В своей неопубликованной работе Гарольд Гарфинкель (H. Garfinkel) указывает: если человек обнаруживает, что в ходе разговора он «потерял лицо», ему часто хочется исчезнуть, или «провалиться сквозь землю», причем это может быть желание не просто скрыть утрату лица, но и вернуться, как по волшебству, к тому моменту, когда еще было возможно сохранить лицо, уклонившись от данного контакта.

выяснит, какую линию поведения одобряют окружающие. Любые притязания его Я выражаются с преувеличенной скромностью, с большими оговорками либо с оттенком несерьезности; подстраховываясь таким образом, человек подготавливает для себя такой образ Я, который не будет разрушен разоблачением, личной неудачей или непредвиденными поступками других людей. И если он не будет осторожен в своих притязаниях, касающихся его Я, он по крайней мере постарается быть в них реалистичным, зная, что иначе ход событий может привести к его дискредитации и потере им лица.

Наряду с этими оборонительными приемами, существуют столь же распространенные охранительные приемы. Человек выказывает уважение и вежливость по отношению к другим людям, стремясь продемонстрировать то церемониальное обращение, которого они достойны. При этом он проявляет осторожность, не затрагивая факты, которые могли бы скрыто или явно войти в противоречие с притязаниями других людей и расстроить их¹⁰. Он прибегает к велеречивости и прямому обману, тщательно формулируя двусмысленные реплики, чтобы сохранить хотя бы лицо других, если не свое собственное благополучие¹¹. Он говорит любезности, под-

¹⁰ Если человек хорошо знает других людей, то ему известно, каких тем не надо касаться и в какое положение людей не следует ставить; во всех прочих сферах он волен в самовыражении. Если же он сталкивается с незнакомцами, то может действовать по обратной формуле, ограничивая себя рамками тех сфер, которые считает безопасными. В этих случаях, по мнению Г. Зиммеля, «осторожность ни в коем случае не заключается лишь в уважении к чужим секретам и к желанию других что-то от нас скрыть, но и в воздержании от знания того, что другой сам прямо не пожелает нам открыть». См. *The Sociology of Georg Simmel* / Transl. and ed. by Kurt H. Wolff. Glencoe (Ill.): Free Press, 1950. P. 320–321.

¹¹ Западные путешественники часто жалуются, что словам китайцев нельзя доверять, поскольку они говорят не то, что думают, а то, что, по их мнению, западный гость желает услышать. А китайцы обычно сетуют на то, что люди с Запада ведут себя грубо и невос-

страивает свои требования и оценки под мнения других людей, чтобы те могли определить для себя ситуацию как не угрожающую их самоуважению. Предъявляя другим заниженные требования или приписывая им нелестные качества, человек может делать это в шутливой манере, позволяя людям строить из себя славных малых, способных отдохнуть на время от привычных норм гордости и чести. А прежде чем пойти на потенциально оскорбительный шаг, он может разъяснить другим, почему им не стоит этого опасаться. Например, если человек знает, что ему понадобится уйти до окончания встречи, то он может заранее предупредить других, что ему придется уйти, и это поможет им сохранить лицо. Но потенциально оскорбительный поступок не обязательно нейтрализовать словами; к примеру, можно дождаться удобного момента или естественной паузы, допустим, перерыва в беседе, когда ни у кого из говорящих не будет повода для обиды, и только тогда покинуть собрание, таким образом, используя не слова, а контекст поступка как гарантию отсутствия оскорбительных намерений.

Если человеку не удастся предотвратить инцидент, он все же может попытаться сделать вид, что никакой угрозы чьему-либо лицу не было. Наиболее очевидный пример тому мы наблюдаем, когда человек ведет себя так, как если бы события, грозящего потерей лица, вовсе не было. Такого рода нарочитое неведение может относиться и к собственным действиям – например, когда человек вопре-

питанно. Вероятно, по китайским представлениям, поведение европейца настолько бесцеремонно, что создает напряженность, заставляющую азиата уклоняться от какого бы то ни было прямого ответа и поспешно вставлять замечания, которые позволили бы уберечь европейца от того неловкого положения, в которое он себя ставит. (См. *Smith A.H. Chinese Characteristics*. N.Y.: Felming H. Rewell Co., 1894. Ch. 8). В этом состоит суть особой категории недоразумений, которые возникают при встрече лиц, принадлежащих к группам с различными ритуальными нормами.

ки очевидности делает вид, будто у него вовсе не урчит в животе, – и к действиям других, когда он якобы «не замечает» чужую оплошность¹². Общение в психиатрических больницах во многом основано на этом приеме: пациенты «не замечают» своих собственных странностей, а посетители, часто сами в это не веря, – выходок пациентов. Обычно такого рода тактичная слепота применяется только по отношению к событиям, которые не могут быть восприняты иначе, как угроза лицу.

Более важный, хотя менее выразительный вид тактичной подслеповатости практикуется тогда, когда человек открыто признает инцидент событием, которое действительно произошло, но которое не содержит в себе ничего угрожающего. Если человек сам не несет ответственности за данный инцидент, то его «слепота» должна быть подкреплена его снисходительностью к другим. Если же именно он совершил угрожающий поступок, тогда его «слепота» должна подкрепляться готовностью искать пути решения возникшей проблемы, что ставит его в опасную зависимость от совместной снисходительности других.

Еще один вид избегания контакта наблюдается, когда человек в процессе взаимодействия теряет контроль над своими внешними проявлениями. В подобных случаях ему обычно важно не столько «закрыть глаза» на инцидент, сколько утаить и замаскировать каким-то образом свое поведение, тем самым позволяя другим избежать затруднений, созданных участником контакта, не сумевшим сохранить лицо. Соответственно, если человека застигли врасплох в тот момент, когда он не «держал лицо», не ожидая участия во взаимодействии или из-за того, что сильные чувства разрушили его экспрессивную маску, то другие на какое-то время могут милосердно отвернуться

¹² Прекрасный пример этого можно наблюдать в неписанных правилах поведения на учебном плацу: когда кто-то выбивается из строя, остальные делают вид, что его вообще не существует.

от него и не обращать внимания на его поведение, чтобы дать ему время взять себя в руки.

Процесс коррекции. Если участникам какого-то мероприятия или встречи не удастся предотвратить событие, в экспрессивном отношении несовместимое с поддерживаемыми ими критериями и оценками социального достоинства, и событие это таково, что на него трудно закрыть глаза, то они, скорее всего, придадут ему статус инцидента, дабы определить его как угрозу, заслуживающую внимания, и приступить к исправлению его последствий. В этом случае один или несколько участников оказываются в положении ритуального дисбаланса или бесчестия, и требуется предпринять усилия, чтобы восстановить для них удовлетворительный ритуальный статус. Я использую термин «ритуал», так как рассматриваю действия, символический компонент которых служит актору (субъекту) для демонстрации того, насколько он считает себя и других заслуживающими уважения. Образ равновесия уместен здесь потому, что продолжительность и интенсивность корректировочного усилия вполне соответствуют стабильности и силе угрозы¹³. Лицо человека, таким образом, является сакральным, и потому экспрессивный порядок (система выразительных средств), требуемый для его сохранения, имеет ритуальную природу.

Последовательность действий, которые приводятся в движение признанной угрозой лицу и прекращаются при восстановлении ритуального равновесия, я буду называть

¹³ Этот образ находят особенно подходящим социальные антропологи. Обратим, например, внимание на смысл следующего высказывания Маргарет Мид: «Если муж бьет жену, обычай требует, чтобы она оставила его, отправилась к своему брату, родному или названному, и оставалась у него на протяжении такого времени, какое сопоставимо со степенью перенесенного унижения» (*Mead M. Kinship in the Admiralty Islands // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. V. 34. P. 183–358*).

взаимообменом¹⁴. Определив сообщение или поступок как все, что демонстрирует актер (один из взаимодействующих субъектов), когда наступает его очередь действовать, можно сказать, что взаимодействие требует наличия двух или более акций и двух или более участников. В нашем обществе очевидные примеры этого можно наблюдать в последовательности фраз типа «простите» и «не стоит извинений», а также в обмене визитами и подарками. Взаимообмен представляется нам основной реальной единицей социальной активности, которая открывает нам естественный эмпирический способ изучения взаимодействия любого рода. Приемы сохранения лица можно классифицировать согласно их положению в естественной последовательности шагов, составляющих эту единицу. Вне зависимости от события, повлекшего необходимость корректировочного взаимодействия, в эту последовательность входят, видимо, четыре классических шага.

Это, во-первых, вызов (*challenge*), делая который участники берут на себя ответственность за привлечение внимания к неадекватному поступку. Тем самым они подразумевают, что находящиеся под угрозой ценности должны остаться непоколебимыми, а само угрожающее событие должно быть нейтрализовано.

Второй шаг – искупление (*offering*), когда одному из участников, обычно провинившемуся, дают шанс исправить положение и восстановить экспрессивный порядок. Имеется несколько классических способов сделать этот шаг. С одной стороны, может быть предпринята попытка изобразить дело так, что событие, внешне восприни-

¹⁴ Понятие взаимодействия отчасти заимствовано из работ: *Chapple Eliot D. Measuring Human Relations // Genetic Psychol. Monographs. № 3. 1940. V. 22. P. 147; Horsfall A.B., Arensberg C.A. Teamwork and Productivity in a Shoe Factory // Human Organization. № 13. 1949. V. 8. P. 25.* Более подробно о взаимодействии см. *Goffman E. Communication Conduct in an Island Community. Unpublished Ph.D. Dissertation. Department of Sociology, University of Chicago, 1953, особенно гл. 12, 13. P. 165–195.*

маемое как угрожающее, на самом деле незначительное, либо нечаянное, либо представляет собой шутку, которую не надо принимать всерьез, либо является неизбежным, «понятным» следствием неких вполне простительных обстоятельств. С другой стороны, значение поступка может быть признано, но внимание сосредоточено на том, кто его совершил. Может быть найдена информация в подтверждение того, что этот человек действовал не сам, а под давлением обстоятельств либо подчиняясь кому-то другому. Если кто-то утверждает, что поступок совершен не всерьез, то он может пойти еще дальше и утверждать, что личность, которая, видимо, стоит за этим поступком, также проявляет себя не всерьез. Если человек неожиданно сталкивается с тем, что он явно продемонстрировал отсутствие у себя способностей, на которые он претендует и которые приписываются ему другими, – например, способности соблюдать приличия, правильно и без ошибок писать, говорить и т.п., – то он может тут же сообщить в более или менее серьезной манере, что он считает подобные слабости частью самого себя. Значение инцидента как угрожающего при этом сохраняется, но теперь его можно безболезненно интегрировать в общий поток экспрессивных событий в ходе взаимодействия.

В дополнение или взамен этой стратегии переопределения заново своего проступка или самого себя, виновник инцидента может использовать два других приема: либо предоставить обиженному компенсацию, если под угрозой оказалось не его собственное лицо, либо покаяться и наложить искупительное наказание на самого себя. Это важные шаги, или фазы, ритуального взаимообмена. Даже если провинившемуся не удастся доказать свою невиновность, то с помощью этих средств он способен убедить других, что он уже обновленный человек, расплатившийся за свое прегрешение перед установленным экспрессивным порядком, и ему опять можно доверять. Он может

также показать, что не пренебрегает чувствами других и если все же нанес им урон, пусть даже не нарочно, то готов понести ответственность за свои действия. Таким образом он убеждает других, что они могут принять его объяснения, и такое принятие не является с их стороны признаком слабости или недостаточной гордости. Кроме того, своим самобичеванием человек показывает, что он ясно осознает, насколько серьезный проступок он совершил бы, если бы произошедший инцидент был действительно таков, каким показался на первый взгляд, и какого рода наказание должно было бы постичь совершившего такой проступок. Тем самым подозреваемый демонстрирует, что он вполне способен посмотреть на свои действия глазами других, что к нему все-таки можно относиться как к ответственному участнику ритуального процесса и что правила поведения, которые он, по видимости, нарушил, для него святы и непоколебимы. Предосудительный поступок может вызвать у других беспокойство за сохранность кодекса ритуального поведения; провинившийся смягчает это беспокойство, показывая, что и этот кодекс, и он сам как его приверженец по-прежнему функционируют нормально.

После вызова и искупления может быть сделан третий шаг: люди, которым адресована искупительная жертва, могут принять ее как удовлетворительный способ восстановления экспрессивного порядка и лица участников взаимодействия, опирающегося на этот порядок. Лишь после этого нарушитель может в значительной мере ослабить ритуальные искупительные действия.

В качестве заключительного, четвертого шага во взаимобмене прощенный человек выказывает знаки признательности тем, кто даровал ему прощение.

Фазы корректировочного процесса – вызов, искупление, принятие и благодарность – предлагают некоторую модель межличностного ритуального поведения, однако

от нее возможны значительные отклонения. Например, пострадавшие могут предоставить нарушителю возможность самому инициировать искупление, прежде чем предъявить ему вызов и расценить его проступок как инцидент. Это обычная любезность, основанная на допущении, что человек сам спохватится. Далее, после того как пострадавшие приняли искупительную жертву, виновный может заподозрить, что это сделано ими неохотно, лишь из соображений тактичности, и потому он может добровольно предпринять дополнительные искупительные жесты, не позволяя замять дело, пока не получит второго или третьего подтверждения принятия своих извинений. Или же пострадавшие могут тактично войти в положение виновного и подыскать ему приемлемые для них в силу сложившихся обстоятельств извинения.

Существенный отход от стандартного корректировочного цикла наблюдается тогда, когда нарушитель, которому предъявлен вызов, явно отказывается внять предупреждению и продолжает вести себя неподобающим образом вместо того, чтобы исправиться. Такой шаг требует новой реакции бросивших вызов. Если они мирятся с таким отказом, становится ясно, что их вызов был блефом и так он и был воспринят. Это слабая позиция, не позволяющая им сохранить лицо, и им остается лишь сотрясать воздух. Чтобы этого избежать, они могут предпринять некоторые классические шаги: могут, отбросив приличия, начать жестко мстить, тем самым разрушая либо себя, либо того, кто отверг их предостережение. Они могут и воздержаться от внешних угроз, будучи охваченными праведным возмущением и гневом и уверенными в неотвратимом возмездии. Оба эти пути приводят к лишению обидчика статуса партнера по общению и тем самым к признанию недействительными выраженных им оскорбительных суждений. Обе стратегии служат спасению лица, но их цена высока для всех участников взаимодействия.

Отчасти ради предотвращения подобных сцен обидчик, как правило, спешит извиниться; он не хочет, чтобы уязвленные персоны были вынуждены прибегнуть к исключительным мерам.

Ясно, что в этих циклах взаимных реакций играют роль эмоции, например, когда выражается сильное огорчение тем, что пострадало лицо другого, или гнев из-за того, что произошло с собственным лицом. Хочу подчеркнуть: эти эмоции сами являются своеобразными актами взаимодействия и настолько точно вписаны в логику ритуальной игры, что вне ее их было бы трудно понять¹⁵. По сути дела, спонтанно выраженные чувства должны точнее встраиваться в формальную схему ритуального обмена, чем сознательно изображенные.

Набирание очков: агрессивные приемы работы лица

Любая практика нейтрализации конкретной угрозы сохранению лица открывает возможность намеренного злоупотребления этой угрозой, чтобы гарантированно извлечь из нее максимум выгоды. Так, если индивид знает, что его скромность встретит одобрение со стороны окружающих, он может напрашиваться на это; если его самооценка поддерживается определенными инцидентами, то он может сам подстроить инцидент, позволяющий ему проявиться в благоприятном свете; если окружающие готовы терпимо отнестись к его вызывающим действиям либо принять извинения, то он может воспользоваться

¹⁵ Даже когда ребенку отказывают в каком-то его требовании, его плач и плохое настроение, вероятно, служат не только иррациональным проявлением раздражения, но своего рода ритуальным актом, сигнализирующим о том, что он уже имеет собственное лицо, которое можно потерять, и что он не допустит легкой его потери. Сочувствующие родители могут даже разрешить ему подобную демонстрацию, усматривая в таких незрелых приемах зачатки социальной личности ребенка.

этим как основанием для безнаказанного нанесения им обиды. Своим внезапным уходом он может поставить других в ритуально неловкое положение, заставив их выпутываться из ситуации незавершенного взаимообмена. Наконец, с некоторыми издержками для себя, человек может спровоцировать других как-то задеть его чувства, тем самым заставив их ощутить вину, раскаяние и продолжительную утрату ритуального равновесия¹⁶.

Если человек расценивает работу лица не как свою задачу, которую он должен быть готов выполнять, а, скорее, как то, в исполнении или принятии чего можно положиться на других, тогда взаимодействие начинает меньше походить на взаимный обмен любезностями и больше – на состязание, разворачивающееся на спортивной арене. Цель этой игры – сохранить линию поведения каждого от непоправимого конфликта и в то же время набрать для себя как можно больше очков по сравнению с соперниками и получить как можно больше выгод. Для такого состязания наличие публики почти обязательно. Основной прием состоит в том, что человек преподносит факты, благоприятные для него, а также факты, неблагоприятные для других, таким образом, что этим другим ничего не остается, как свести взаимообмен к ворчанию, пустым извинениям, благопристойному хихиканью («Я понял вашу шутку...») или к ничего не значащим стереотипным репликам («Неужели?», «В самом деле...» и т.п.) В подобных случаях проигравшим приходится смириться с потерей очков и попытаться выиграть в следующем взаимообмене. Когда очки набирают за счет намеков на социальное положение, такое поведение иногда называют

¹⁶ Стратегия постановки другого в положение, когда он не может загладить причиненный им вред, используется очень широко, но нигде так явно не наблюдается ее связь с ритуальной моделью поведения, как в случае самоубийства по мотивам мести. См., например, *Jeffreys M.D.W. Samsonic Suicide, or Suicide of Revenge Among Africans // African Studies. № 11. 1952. P. 118–122.*

снобизмом; если в ход идут намеки на моральную нечистоплотность, это обычно называют «вставлять шпильки»; в обоих случаях приходится иметь дело с качеством, известным как «стервозность».

В агрессивном взаимообмене победителю не только удается представить информацию, благоприятную для себя и неблагоприятную для других, но и продемонстрировать, что в общении он владеет собой лучше, чем соперники. Проявление этой способности зачастую более важно, чем вся прочая информация, передаваемая человеком во взаимообмене. Поэтому тот, кто вставляет в разговор колкости, стремится показать, что он лучше способен маневрировать, чем те, кто вынужден выслушивать его замечания. Однако если им удалось успешно парировать удар и нанести ответный, то инициатор рискованной игры не только испытывает унижение перед лицом других, но и вынужден признать, что его подразумевавшееся превосходство не подтвердилось. Он поставлен в глупое положение, он теряет лицо. Поэтому обмен колкостями всегда подобен азартной игре. Роли могут поменяться, и агрессор проиграет больше, чем мог бы выиграть, если бы его ход принес результат. Удачный ответный ход партнера может, как говорится, «отшить» или «срезать» его; теоретически возможно, что такая реплика будет в свою очередь «отшита», и ответный удар будет парирован новым контрударом, но в реальной жизни этот третий уровень успешного действия встречается редко¹⁷.

¹⁷ При игре в шашки, шахматы или карты игрок обычно учитывает возможные реакции партнера на свои ходы, более того – игрок предполагает, что партнер, в свою очередь, учитывает такой ход его рассуждений. По сравнению с этими играми словесная игра на удивление импульсивна; люди, как правило, отпускают замечания в адрес присутствующих, не позаботившись о предотвращении эффективной отповеди. Аналогично, хотя ложные выпады и упреждающие удары теоретически возможны в разговоре, на практике они, похоже, используются редко.

Выбор подходящих способов работы лица

При возникновении инцидента человек, чье лицо подверглось угрозе, может попытаться восстановить ритуальный порядок с помощью одной стратегии, тогда как другие участники контакта могут желать или ожидать, что будет использована другая стратегия. Например, при незначительном промахе, результатом которого мгновенно становится потеря лица или неподобающее лицо, другие участники часто более, нежели сам оплошавший, склонны закрывать глаза на такое несоответствие. Зачастую они предпочли бы, чтобы он сохранял самообладание¹⁸, тогда как сам он чувствует, что не может пренебречь тем, что случилось с его лицом, и начинает смущаться и извиняться, если инцидент произошел по его вине, либо становится избыточно критичным, если ответственность лежит на других¹⁹. В ином случае человек может демонстрировать

¹⁸ Фольклор приписывает изрядное самообладание представителям высших классов. Если это убеждение содержит в себе истину, то она, вероятно, основана на том факте, что представитель высшего класса обычно оказывается в ситуациях взаимодействия, когда он превосходит других участников не только своим социальным положением. Участник, превосходящий других, часто довольно независим от их мнения; он находит возможным вести себя самоуверенно, не беспокоиться о своем лице, даже если окружающие его не поддерживают. С другой стороны, тот, кто находится во власти другого участника, как правило, весьма озабочен его мнением; ему трудно допустить даже малейший ущерб своему лицу без смущения и извинений. Следует также добавить, что люди, плохо осознающие символическое значение мелочей, могут сохранять спокойствие в сложных обстоятельствах, демонстрируя самообладание, которое на самом деле им не присуще.

¹⁹ Так, например, в нашем обществе, если человек чувствует, что окружающие ожидают от него соответствия принятым стандартам чистоплотности, опрятности, честности, гостеприимства, щедрости и т.п., либо считает себя обязанным поддерживать такие стандарты, то он может досаждать окружающим преувеличенными извинениями за свои промахи, хотя другие не придают такого значения стандартам, или не считают, что человек им не соответствует, или убеждены, что он им не соответствует, и воспринимают его извинения как тщетную попытку набить себе цену.

самоуверенное спокойствие, хотя другие ожидают, что он рассыплется в извинениях, – тем самым он игнорирует их доброжелательную готовность к прощению. Бывает, что человек сам не может решить, какой тактики придерживаться, и этим ставит окружающих в неловкое положение, поскольку они не понимают, каким курсом им следовать. Таким образом, когда человек допускает небольшую *неловкость*, и он сам и окружающие его люди теряются не столько из-за неспособности справиться с этим затруднением, сколько из-за того, что никто не понимает – намерен ли виновник проигнорировать инцидент, либо обратиться к нему в шутку, либо использовать какой-то иной прием спасения лица.

Взаимопомощь в работе лица

Если лицо подвергается угрозе, требуются усилия по его сохранению. При этом не имеет значения, кто инициирует и осуществит эти усилия – пострадавший, виновник или просто свидетель²⁰. Недостаточные усилия со стороны одного стимулируют компенсаторные усилия со стороны других; вклад одного человека освобождает других от решения этой задачи. В жизни случается много незначительных инцидентов, в которых и обидчик и обиженный одновременно стремятся достичь примирения²¹.

²⁰ Так, одна из функций секундантов как в реальной дуэли, так и в символической состоит в том, чтобы обеспечить такой повод прекращения поединка, который может быть принят обоими соперниками.

²¹ См., например, работу Джексона Тоби (Jakson Toby): «У взрослых гораздо меньше вероятность возникновения конфликта по тривиальному поводу. Извинение, автоматически произносимое двумя незнакомцами, столкнувшимися на многолюдной улице, иллюстрирует интегративную функцию этикета. В результате каждый участник столкновения как бы говорит: “Не уверен, что ответственность за создавшуюся ситуацию лежит на мне, но *если* это так, вы вправе рассердиться на меня, чего вы, надеюсь, не сделаете”. Определив ситуацию как ту, в которой обе стороны должны извиниться, общество позволяет обоим сохранить самоуважение. Каждый в глубине души может ду-

Разрешение ситуации ко всеобщему удовлетворению является главным требованием; выяснение, кто и в какой мере виноват, как правило, выступает вторичным соображением. Поэтому понятия «такт» и «хороший тон» не различают ситуаций сохранения своего лица и дипломатичного спасения лица других людей. Аналогично, понятия «промах» и «неловкость» не определяют, подвергается ли угрозе лицо самого действующего субъекта или других участников. Понятно, что если человек оказывается не в силах сохранить свое лицо, то другие всячески стремятся защитить его. Например, в приличном обществе не принято отвергать протянутую руку, даже если рукопожатие неуместно. Таким образом, каждый рассчитывает на соблюдение принципа *noblesse oblige* (положение обязывает), ограничивающего для вышестоящих возможность смутить тех, кто стоит ниже²²; при этом ущемленные часто

мать: “Отчего этот неуклюжий осел не смотрит, куда идет?” Но внешне каждый исполняет роль провинившегося, независимо от того, считает ли он себя таковым или нет» (*Toby J. Some Variables in Role Conflict Analysis // Social Forces. № 30. 1952. P. 325*).

²² Независимо от относительного социального положения человека, он в каком-то смысле обладает властью над другими участниками и им приходится полагаться на его предупредительность. Когда другие по отношению к нему ведут себя определенным образом, они подразумевают некоторое социальное отношение к нему, поскольку один из аспектов, выражаемых во взаимодействии, – это отношения между участниками. Поэтому эти другие всегда рискуют, ибо ставят партнера в положение, позволяющее ему отвергнуть их претензии на его особое отношение к ним. Тем не менее от любого человека – высокого социального положения или низкого – в ответ на предъявляемые социальные требования ждут, что он будет придерживаться *хорошего тона* и воздержится от того, чтобы воспользоваться неловким положением других.

Поскольку социальные отношения отчасти определяются понятием добровольной взаимопомощи, отказ на просьбу о помощи становится шекотливым моментом, потенциально деструктивным для лица просителя. Честер Холкомб в своей книге приводит такой пример из жизни китайцев: «Лживость и лицемерие, которые приписывают китайскому народу, в большой степени являются следствиями требований этикета. Прямой, откровенный отказ выступает верхом неприличия.

вынуждены принимать такие знаки внимания, без которых им было бы лучше.

Поскольку каждый участник взаимодействия озабочен, пусть и по разным причинам, сохранением своего лица и лица окружающих, постольку естественным образом зарождается негласное сотрудничество, в ходе которого участники могут достичь общих, хоть и по-разному мотивированных целей.

Одним из распространенных типов молчаливой взаимопомощи в сохранении лица является соблюдение такта в самой работе лица. Человек не просто защищает собственное лицо и оберегает лицо других, но и ведет себя так, чтобы обеспечить и максимально облегчить другим их работу по сохранению их и его лица. Он помогает им помогать и себе и ему. Так, светский этикет не рекомендует молодым людям слишком задолго приглашать девушек на традиционные предновогодние вечеринки, поскольку в таком случае девушке было бы трудно найти благовидный предлог для отказа. Другим примером подобной тактичности второго порядка может служить широко распространенная практика представления другим своих недостатков. Человек, обладающий не сразу заметным негативно оцениваемым качеством, порой считает предпочтительным начать общение – особенно с людьми, которые его мало знают, – с ненавязчивого намека на свое слабое место. Такое предостережение позволяет другим воздержаться от пренебрежительных замечаний

Любое отрицание или отказ должны быть смягчены и преобразованы в выражение простительной невозможности. Нежелание оказать услугу никогда не высказывается. Вместо этого выражается чувство сожаления в связи с тем, что неумолимые, но вполне объяснимые обстоятельства делают выполнение просьбы совершенно невозможным. Такая уклончивость, культивировавшаяся веками, сделала китайцев исключительно изобретательными по части уверток. Редко случается, чтобы кому-то не хватило воображения прикрыть нежелательную правду благовидным вымыслом» (*Holcomb Ch. The Real Chinaman. N.Y.: Dodd, Mead, 1895. С. 274–275*).

о его личности и избавляет их от внутреннего конфликта собственной неосознанной враждебности и необходимости вести себя дружелюбно по отношению к нему. Эта стратегия также предупреждает поспешные автоматические заключения о нем со стороны других участников, способные поставить его в ложное положение, и избавляет его от болезненной необходимости терпеть или смущенно оправдываться.

Проявления такта в практике работы лица часто основываются на негласном соглашении вести дела на языке намеков – языке недомолвок, двусмысленностей, продуманных пауз, изящно сформулированных шуток и т.п.²³ Относительно такого неформального общения существует правило: посылающий сигнал не должен вести себя так, словно официально передает информацию, на которую намекает; а получатели сообщения вправе вести себя так, словно они формально его и не получали. Таким образом, то, что сообщается посредством намеков, можно отрицать; его не обязательно замечать. Этим обеспечиваются средства, с помощью которых человек может быть предупрежден, что его текущее поведение или положение чревато потерей лица; при этом, однако, само предостережение не превращается в инцидент.

Другая форма негласной взаимопомощи, которая, похоже, широко распространена во многих обществах, – это обоюдное самоуничужение. Зачастую человек не имеет ясного представления, каково было бы приемлемое и справедливое распределение оценок в данной ситуации, поэтому он добровольно принижает себя и одновременно превозносит других, в обоих случаях без риска вынося

²³ Важные комментарии о некоторых структурных ролях, исполняемых при неформальном общении, можно найти в рассуждении об иронии и поддразнивании в статье: *Burns T. Friends, Enemies, and the Polite Fiction // American Sociology Review, 18. 1953. P. 654–662.*

суждения, выходящие за рамки того, что с очевидностью можно признать справедливым. Благоприятные суждения о себе он принимает со стороны других, неблагоприятные – высказывает сам. Этот метод, разумеется, срabатывает, поскольку в своем самоуничтожении человек может рассчитывать, что его похвалят другие. Какое бы распределение любезностей ни установилось в итоге, всем участникам изначально дается шанс показать, что они не сосредоточены всецело на своих желаниях и ожиданиях, что в самооценке они довольно скромны и что от них можно ожидать поддержки в соблюдении ритуального порядка. Негативные сделки, в которых каждый участник старается создать для другой стороны более выгодные условия, – еще одна форма взаимопомощи и обмена, распространенная в сфере личного общения, пожалуй, даже шире, чем в экономике.

Выполнение индивидом работы лица, к которой добавляется молчаливое согласие помогать другим в их аналогичной работе, демонстрирует его готовность считаться с основными правилами социального взаимодействия. В этом состоит критерий его социализации как участника взаимодействия. Если бы сам человек и окружающие не усвоили этих социальных умений, то в большинстве ситуаций общение было бы гораздо более чревато рискованными последствиями для их чувств и лиц. Человек не считал бы нужным ориентироваться на символически сообщаемые ему оценки социального достоинства или владеть своими чувствами, то есть чувствительность к ритуальной стороне взаимодействия казалась бы ему непрактичной. В этом случае, могу предположить, общение не могло бы быть организовано так, как это бывает в действительности. Неудивительно, что человек, не вызывающий доверия как умелый исполнитель в игре сохранения лица, всегда порождает затруднения в общении.

Ритуальные роли Я

До сих пор я имплицитно использовал двойственное определение понятия Я (*self*): Я как образ, складывающийся из мозаики экспрессивных значений всего потока происходящих в ходе контакта событий, и Я как своего рода игрок в ритуальной игре, который может вести себя достойно или недостойно, дипломатично или недипломатично в зависимости от оцениваемых им условий ситуации. Действует двойной стандарт. Считаясь объектами священными и неприкосновенными, люди, тем не менее, подвергаются пренебрежительным выходкам, так сказать, профанации. Поэтому как участники ритуальной игры они вынуждены вступать в своего рода поединки и, лишь дождавшись, когда ряд выстрелов пройдет мимо цели, могут снова обмениваться рукопожатиями с противником. Различение двух Я подобно различению между функцией руки, перемещающей карты, и способностями игрока, которому она принадлежит. Такое различение всегда надо иметь в виду, даже в случае, когда заработанная однажды репутация хорошего или плохого игрока стала частью лица человека, которое ему впоследствии приходится поддерживать.

Разделив две роли Я, рассмотрим теперь имплицитно заложенный в работе лица ритуальный кодекс, чтобы понять, как эти роли связаны. Если по вине человека возникает угроза чужому лицу, он может, хотя и в известных пределах, попытаться выйти из этого затруднения путем самоуничтожения. Когда оно добровольно, такое самоуничтожение не вредит его образу. Все выглядит так, словно он вправе обособить две свои ипостаси и критиковать себя как игрока, не причиняя вреда себе как сверхценному объекту. Благодаря этому разделению человек может принижать себя и скромно преуменьшать свои достоинства, будучи уверен, что никто не воспримет подобные утверждения как подлинное выражение его священного и неприкосновенного Я. С другой стороны, если он

принужден вести себя так против своей воли, его лицо, его честь и достоинство подвергаются серьезной угрозе. Таким образом, по неписаному ритуальному кодексу человек, по-видимому, имеет особое право принижать сам себя, но не должен терпеть такое обращение со стороны других людей. Это довольно безопасное правило, поскольку человек вряд ли станет чрезмерно пользоваться этим правом, тогда как другие люди, будь у них это право, могли бы им злоупотребить.

Более того, в известных пределах человек вправе простить другим участникам общения выпады против его свято оберегаемого образа. Он может терпимо отнестись к легким уколам, а в случае более серьезных оскорблений только он вправе принять оправдания других от имени своего сакрального Я. Это сравнительно безопасная привилегия человека по отношению к самому себе, поскольку она используется в интересах других, а также в интересах самого общения. Интересно, что когда человек допускает оплошность во вред самому себе, то он не может, так сказать, «простить себе» это событие; только другие участники обладают этой прерогативой, безопасной для них, поскольку использована она может быть только в интересах допустившего неловкость или в интересах общения. Таким образом, вырисовывается некая система сдержек и противовесов, наделяющая каждого участника правом пользоваться только теми приемами, которыми он мало склонен злоупотреблять. Короче говоря, права и обязанности участника взаимодействия оформлены так, чтобы не дать ему злоупотреблять своим статусом сакрального сверхценного объекта.

Речевое взаимодействие

Большая часть сказанного выше относится как к непосредственным, так и к опосредованным контактам, хотя во втором случае взаимодействие обычно тоньше и линия

поведения каждого участника проявляется в его письменных высказываниях, рабочих записях и т.п. При прямых личных контактах, однако, существуют уникальные возможности обмена информацией, и значение социального лица становится особенно явным. Присущая человеку тенденция пользоваться знаками и символами подразумевает, что данные о социальной значимости людей и их взаимные оценки будут передаваться при помощи мелких деталей поведения и эти детали будут замечены, как и тот факт, что они были замечены. Неосторожный взгляд, мгновенное изменение интонации, занятое или не занятое место в пространстве – все это может придать разговору другой смысл. И как не бывает разговора, в котором вольно или невольно не могли бы возникнуть неадекватные впечатления, не бывает и разговора столь тривиального, чтобы от каждого участника не требовалось проявлять серьезную озабоченность своим поведением и поведением присутствующих. Ритуальные факторы, действующие в опосредованных контактах, в прямом контакте проявляются особенно выпукло.

В любом обществе, как только появляется физическая возможность речевого взаимодействия, вступает в силу система практических условностей, приемов и процедурных правил, функционирующая как средство направления и упорядочивания потока сообщений. Существует взаимопонимание в том, когда и где приемлемо начинать беседу, с кем и на какие темы. Множество значащих жестов используется, чтобы начать процесс общения между людьми, а также в качестве средств признать друг друга в качестве полноправных участников общения²⁴. Когда

²⁴ Значение этого статуса становится ясным при рассмотрении случаев нелегитимного или непризнанного участия в речевом взаимодействии. Человек может подслушать разговор других людей без их ведома; он может подслушать их разговор, и им это станет известно, и тогда они делают выбор – повести себя так, словно он ничего не подслушал, либо подать ему неформальный знак, что им

осуществлен этот процесс взаимного признания, индивиды, утвержденные таким образом в правах, оказываются в своеобразном *состоянии беседы*; это означает, что они официально провозгласили свою открытость друг другу ради достижения целей разговора и совместного поддержания потока слов. При этом также используется набор значащих жестов, посредством которых один или несколько новых участников могут официально присоединиться к разговору, а также один или несколько полномочных участников могут выйти из разговора либо сообщить о прекращении состояния беседы.

В беседе наблюдается тенденция к сосредоточению внимания и мысли на едином предмете, к поддержанию определенного течения разговора, и это всеми признается как характерное для прямого контакта. Общее зрительное внимание участников мягко переключается посредством формальных и неформальных пояснительных намеков, которыми говорящий сигнализирует о своей готовности уступить очередь, а намеревающийся говорить следом сигнализирует о желании взять слово. Общее понимание существует и относительно того, как часто и как надолго каждый участник может брать слово. Слушатели соответствующими жестами сообщают говорящему, что они уделяют ему внимание. Участники ограничивают свой интерес к материям, внешним для данной беседы, и соблюдают меру включенности в любое из высказываемых

известно: он подслушивает. Во всех этих случаях постороннего держат на известной дистанции как того, кто формально не принимает участия в общении. Разумеется, ритуальный порядок требует различного отношения к партнеру полномочному и неполномочному. К примеру, со стороны полномочного участника лишь незначительное оскорбление может быть проигнорировано без того, чтобы такая тактика нанесла ущерб лицу оскорбленного; по достижении известного предела необходимо противостоять обидчику и требовать, чтобы он загладил свою вину. Однако во многих обществах словесные оскорбления неполномочных участников могут быть проигнорированы без потери лица оскорбленным.

сообщений или тем, подтверждая этим, что могут следовать в любом направлении, которое примет разговор. Перерывы и паузы регулируются таким образом, чтобы не нарушать поток сообщений. Сообщения, выпадающие из общего течения разговора, подаются так, чтобы не войти в серьезное противоречие с принятым участниками предметом разговора. Люди, находящиеся поблизости и не участвующие в беседе, стараются не использовать выгоды своей позиции, и если они тоже общаются между собой, так изменяют свое общение, чтобы беседы не пересекались. Доминирует особый этос, или эмоциональная атмосфера. Обычно соблюдаются правила вежливости, и участники, которые по сути могут быть не согласны друг с другом, временно на словах демонстрируют взаимное согласие по принципиальным вопросам. Принято следовать определенным правилам плавного перехода с одной темы разговора на другую²⁵.

Описанные правила беседы относятся не к речевому общению как непрерывному процессу, а к единичной беседе или эпизоду общения как естественно ограниченной единице. Эта единица включает в себя всю активность, протекающую в том отрезке времени, когда конкретный кружок участников признал друг друга в качестве собеседников и утвердил единый подвижный фокус внимания²⁶.

Условности, относящиеся к событийной структуре разговора, – это эффективное решение проблемы организации потока речевых сообщений. Пытаясь понять, как эти условности живут и сохраняются в качестве руко-

²⁵ Дополнительный анализ структуры речевого взаимодействия см. в *Goffman E. Communication Conduct in an Island Community. Unpublished Ph.D. Dissertation. Department of Sociology, University of Chicago, 1953.*

²⁶ Сюда я включаю и формальные беседы, в которых правила процедуры явно предписаны, официально поддерживаются и в которых лишь некоторым категориям участников дозволено держать слово, и неформальные разговоры без оговоренных правил, где очередность высказываний свободно регулируется участниками.

водства к действию, можно обнаружить свидетельства в пользу предположения о существовании функциональной связи между структурой личности и структурой речевого общения.

Социально зрелый (социализированный) участник общения должен относиться к речевому взаимодействию как и к любому другому, то есть рассматривать его как нечто такое, что следует осуществлять с известной ритуальной тщательностью. Автоматически ориентируясь на сохранение лица, он понимает, как вести себя в разговоре. Он постоянно задает себе вопрос: «Если я поступлю или не поступлю вот так-то, не приведет ли это к потере лица мною или другими?» – и в каждый конкретный момент осознанно или неосознанно решает, как себя повести. Например, вмешательство в разговор может быть воспринято как символическое выражение близости либо преследования важной цели, поэтому человек ради сохранения своего лица должен воздерживаться от включения в беседу с данным кругом партнеров, если обстоятельства не будут оправдывать то, что такое вмешательство сообщает о нем. Когда к человеку подходят с намерением поговорить, он, ради сохранения лица других людей, должен вступить с ними в разговор. Уже втянутый в разговор, индивид должен претендовать лишь на ту степень внимания, какая является адекватным выражением его относительной социальной значимости. Поскольку чрезмерные паузы считаются потенциальными признаками разобщенности говорящих или недостаточной для создания своего высказывания собранности, их следует избегать. Аналогично, перебивание собеседников и невнимательность могут быть расценены как неуважение к ним, и от этого надо воздерживаться, если только некоторое имплицитное неуважение не подразумевается контекстом разговора. Видимость согласия должна поддерживаться благоразумными уступками и приемлемой

(«белой») ложью, чтобы не разрушить презумпцию взаимного доверия как предпосылку взаимодействия. Уход должен быть подан так, чтобы не повлечь неадекватной оценки²⁷. Следует также быть эмоционально сдержанным, чтобы не демонстрировать отсутствие самоконтроля и достоинства.

Связь личности и речевого общения становится еще более очевидной, если рассматривать ритуальный взаимообмен. В ходе беседы взаимодействие обычно осуществляется рывками, порциями взаимообмена в конкретный отрезок времени, и поток информации и действий подразделяется на относительно самостоятельные ритуальные единицы²⁸. Пауза между такими отдельными взаимообменами обычно длится дольше, чем паузы при поворотах в разговоре в рамках одного взаимообмена. Смысловая взаимосвязь высказываний в двух последовательных взаимообменах также меньше, чем между двумя последовательными высказываниями в одном взаимообмене.

Когда человек высказывает утверждение или сообщение, пускай даже самое банальное, он в известном смысле ставит себя и других в рискованное положение. В связи с этим выявляется структурный аспект разговора. Сказав что-то, человек создает возможность того, что потенциальный адресат не станет слушать и тем самым оскорбит его либо воспримет сказанное как назойливость или

²⁷ Люди, уже имеющие опыт общения друг с другом, часто заканчивают свои беседы, так или иначе показывая, что все участники независимо друг от друга намерены разойтись одновременно. Происходит общее взаимное расставание, при котором, возможно, никто не сознает, какие сигналы были посланы ими друг другу для благополучного достижения одновременности этого действия. Таким образом, каждый участник огражден от попадания в компрометирующее положение, когда он демонстрировал бы готовность и дальше проводить время с тем, кто уже, возможно, не так этого хочет.

²⁸ Эмпирическую дискретность единиц взаимообмена иногда трудно уловить, если один и тот же человек кладет конец одному взаимообмену и делает первый шаг в следующем. Аналитическое значение взаимообмена как единицы, тем не менее, сохраняется.

глупость. Столкнувшись с таким восприятием, человеку придется предпринять определенные действия для сохранения своего лица. Более того, говоря что-либо, человек предоставляет слушателям возможность воспринять его высказывание как самоуверенное, претенциозное, требовательное, оскорбительное и вообще являющее собой вызов либо слушателям, либо их представлению о нем; вследствие этого им придется предпринять против говорящего какие-то действия в защиту ритуального порядка. А если говорящий вдруг начнет хвалить слушателей, им, вероятно, придется скромно отнекиваться, дабы показать, что они не придерживаются о себе столь высокого мнения и не жаждут привилегий, которые поставили бы под угрозу их надежность и гибкость в качестве участников общения.

Таким образом, когда человек посылает сообщение, оно так или иначе может послужить угрозой ритуальному равновесию, и кто-то из присутствующих должен показать, что сообщение принято и его содержание приемлемо для всех заинтересованных лиц либо может быть допустимым способом оспорено. Такое подтверждение, конечно, может содержать тактичное отрицание исходного сообщения наряду с просьбой о его корректировке. В этом случае может потребоваться несколько обменов сообщениями, пока взаимобмен не будет завершен на основе взаимно скорректированных линий поведения. Взаимобмен подходит к концу, когда это становится позволительно, то есть тогда, когда каждый из присутствующих подтвердил, что он ритуально удовлетворен в приемлемой для себя степени²⁹. Допустима кратковременная пауза между взаи-

²⁹ Существование единицы взаимобмена – это эмпирический факт. В дополнение к его ритуальному объяснению могут быть предложены и другие. Например, когда человек высказывает утверждение и тут же получает ответ, это позволяет ему понять, что утверждение принято и принято правильно. Такая «метакоммуникация» необходима по функциональным причинам, даже если не является необходимой по причинам ритуальным.

мообменами, если она наступает в такой момент, когда не будет воспринята как неуместная.

В целом человек определяет, как ему вести себя в очередном эпизоде разговора, сверяя потенциальный символический смысл своих действий с теми представлениями о себе, которые получают поддержку. Этим он невольно подчиняет свое поведение принятому экспрессивному порядку и вносит свой вклад в установленный порядок обмена сообщениями. Его цель – сохранение лица; результат – сохранение ситуации. С точки зрения сохранения лица хорошо, что речевому взаимодействию придается конвенциональная организация; с точки зрения поддержания упорядоченного течения речевых сообщений хорошо, что личность имеет ритуальную структуру.

Не берусь, однако, утверждать, будто иной тип личности нельзя увязать с иным типом организации сообщений. И что еще более важно, я не утверждаю, будто данная система лишена недостатков; они существуют и должны учитываться, так как повсюду в общественной жизни механизм функциональной взаимосвязи, который решает определенный круг проблем, обязательно в свою очередь создает собственные потенциальные затруднения и издержки. Так, характерная проблема в ритуальной организации личных контактов состоит в том, что, хотя человек может сохранить лицо, начав ссору или с негодованием прервав общение, он достигает этого ценой разрушения взаимодействия. Более того, чрезмерная щепетильность человека в вопросах сохранения его лица делает его уязвимым: другие люди могут не только ставить цель задеть его в неформальном порядке, но и попытаться в официальном взаимодействии разрушить его лицо. Вдобавок, боязнь возможной потери лица нередко удерживает человека от того, чтобы завязать контакты, в которых может быть осуществлен обмен ценной информацией или налажены важные отношения; возможно, он предпочтет

безопасное уединение рискованным социальным контактам. Он может поступать так, даже если другие считают, что им движет «ложная гордость», внушающая ему, будто этот ритуальный кодекс возвышает тех, кто ему следует. К тому же комплекс взаимных уступок может затруднить завершение взаимобмена. Если каждый участник считает, что должен принести бóльшую жертву, чем принесенная ему, то может возникнуть порочный круг взаимных любезностей (подобно тому как возникает порочный круг враждебности, способный привести к открытым столкновениям), когда каждый участник получает то, чего не желает, и отдает взамен то, что он предпочел бы оставить себе. В тех случаях, когда люди находятся в формальных отношениях, особенно много энергии тратится на то, чтобы застраховаться от происшествий, которые могут создать неуместное впечатление. Если же несколько человек находятся в приятельских отношениях и не считают нужным церемониться друг с другом, то взаимная невнимательность и перебивания возникают часто, а разговор может скатиться к пустой и беспорядочной веселой болтовне.

Сам по себе ритуальный кодекс опирается на тонкое равновесие, легко нарушаемое любым участником, который следует ему излишне усердно либо недостаточно с точки зрения норм и ожиданий его группы. Чуть-чуть недостает восприимчивости, достоинства, самообладания и хороших манер – и человек утрачивает доверие как партнер, способный принять в свой адрес намек или послать намек, спасительный для других. Такой человек становится поистине социально опасным: с ним невозможно поладить, он все время поступает по-своему. Небольшой избыток чувствительности и гордости – и человек становится уязвимым, окружающие вынуждены обходиться с ним с большей деликатностью, чем он, по их мнению, заслуживает. Чуть-чуть больше, чем надо, хороших манер и предупредительности – и человек становится чересчур

официальным, заставляя других ощутить свое неумение вести себя с ним, непонимание того, что следует делать, чтобы с ним поладить.

Несмотря на все эти «аномалии», присущие организации разговора, функциональное соответствие социализированной личности требованиям речевого взаимодействия – фактор жизненно важный и практичный. Ориентация человека на сохранение лица, особенно своего собственного, – это то в нем, что служит опорой ритуальному порядку, а готовность соблюдать ритуальную обходительность с социальным лицом встроена в саму структуру разговора.

Лицо и социальные отношения

Когда человек вступает в опосредованный или прямой контакт, он уже находится в определенных социальных отношениях с другими его участниками; он рассчитывает оставаться в данных отношениях с ними и после того, как этот конкретный контакт закончится. Это, разумеется, лишь один из возможных видов связи социальных контактов с более широким общественным контекстом. Многие виды деятельности в ходе контакта можно понять как взаимные усилия партнеров с целью преодолеть без ущерба для взаимоотношений создавшуюся ситуацию со всеми непредвиденными и непреднамеренными событиями, способными выставить участников в нежелательном свете. Если же эти отношения претерпевают изменения, то целью будет привести контакт к удовлетворительному завершению, не нарушая ожидаемого развития событий. Такой подход хорошо объясняет, например, церемонии приветствия и прощания в начале речевого взаимодействия и при выходе из него. Приветствие демонстрирует, что отношения сохранились такими же, какими они были на момент окончания предыдущей встречи, и что, как правило, в этих отношениях враждебность между участ-

никами подавлена в достаточной мере, чтобы они были готовы к доброжелательной беседе. Прощание подводит итог вкладу данного контакта в поддержание прежних взаимоотношений и показывает, чего участникам ждать друг от друга при следующей встрече. Энтузиазм приветствий компенсирует временное ослабление отношений из-за только что завершившейся разлуки, тогда как энтузиазм прощания компенсирует ущерб, который нанесет отношениям предстоящее расставание³⁰.

Судя по всему, для многих социальных отношений характерны обязательства всех их участников поддерживать лицо других участников в социальных ситуациях. Таким образом, чтобы не нарушать этих отношений, каждому участнику необходимо воздерживаться от посягательств на лицо других. В то же время именно социальные отношения с другими людьми заставляют человека участвовать в определенных контактах с ними, в которых сохранение его лица может непредвиденно оказаться в зависимости от них. Более того, во многих видах социальных отношений людям приходится защищать общее лицо, поэтому в присутствии третьей стороны неверный шаг одного человека приводит в замешательство других. Следовательно, социальные отношения

³⁰ Приветствия, безусловно, служат для прояснения и установления ролей, которые примут участники в данной ситуации разговора, и утверждают участников в этих ролях; прощания обеспечивают возможность недвусмысленного завершения взаимодействия. Приветствия и прощания также могут быть использованы с целью называния и оправдания извинительных обстоятельств – в случае приветствия это обстоятельства, препятствовавшие до сего момента взаимодействию участников, а в случае прощания это обстоятельства, не позволяющие участникам продолжить демонстрировать взаимную сплоченность. Такие оправдания позволяют поддерживать впечатление более теплых отношений между участниками, чем на самом деле. Позитивный акцент, в свою очередь, создает уверенность, что они с большей готовностью вступят в контакт; чем они, вероятно, склонны, тем самым гарантируя открытость разветвленных каналов для потенциальной коммуникации.

можно рассматривать как такие, в которых человек больше, чем обычно, вынужден полагаться при сохранении своего лица и самооценки на такт и доброжелательность других людей.

Природа ритуального порядка

Ритуальный порядок, скорее всего, организован в основном по типу приспособления, и потому к нему мало подходят образы, используемые в рассуждениях о других типах социального порядка. К этим другим типам применима своего рода модель поведения школьника: если человек желает поддерживать определенный образ самого себя и связывает с ним соответствующие чувства, ему надо упорно работать, чтобы заслужить оценки, приносящие такое самоощущение; если он попытается достичь этих целей неподобающими средствами – обманом или кражей, – то будет наказан, исключен из процесса или по крайней мере будет принужден проделать все снова с самого начала. Это – образ довольно трудной и скучной игры. На самом деле общество и индивид вступают в иную игру, более легкую для обоих, в которой, тем не менее, таятся свои опасности.

Независимо от своего положения в обществе, человек отгораживается от него слепотой к окружающим, полуправдами, иллюзиями и рационализациями. Он «приспосабливается», убеждая себя при тактичной поддержке близкого круга друзей, что он таков, каким и хочет быть, и что ради достижения своих целей он не станет делать то же, что делают другие для достижения своих. Что касается общества, то если человек склонен подчиняться неформальному общественному контролю – если он готов определять по тактичным репликам, взглядам и намекам, каково его место в обществе, и держаться его, – ничто не мешает ему обустроить это место по своему вкусу, со всеми удобствами и изысками, которые подскажет ему во-

ображение. Ради защиты этого убежища ему не требуется прилагать больших усилий или с кем-то сотрудничать – надо лишь быть осмотрительным в выражении суждений, которые ставят его в положение свидетеля. Определенных ситуаций, действий и людей надо избегать; с другими – менее опасными – надо обращаться аккуратно. Социальная жизнь становится упорядоченной и несуетной, если человек добровольно избегает тех мест и событий, где его не ждут и где его появление осудят. В заботе о сохранении своего лица человек обнаруживает, что этому способствует избегание всякого риска.

Мир фактов – это мир школьника: их можно изменить упорным усилием, но от них нельзя уклониться. Но то, что человек защищает в себе и во что он вкладывает свои чувства, – это представление о самом себе, а на представления влияют не факты, а коммуникация с другими. Коммуникация (сообщение) действует менее принудительно, чем факты, ибо от нее можно уклониться, ее можно игнорировать, дать ей удобоваримое ложное толкование или тактично видоизменить при передаче. И даже если человек поведет себя неправильно и нарушит соглашение, заключенное им с обществом, наказание последует не обязательно. Если оскорбление таково, что оскорбленные могут пережить его без большого ущерба для собственного лица, то они, скорее всего, поведут себя снисходительно, станут убеждать себя, что другим способом и в другое время смогут поладить с обидчиком, хотя такой момент может вообще никогда не настать, а если и настанет, его не удастся соответствующим образом использовать. Если оскорбление значительно, оскорбленные могут прервать контакт или избегать подобных контактов в будущем из страха перед теми, кто нарушает ритуальный порядок. Либо они могут изгнать обидчика, так что любое общение в будущем станет невозможным. Но так как обидчик в подобных случаях в значительной степени сохраняет

лицо, изгнание часто служит не столько неформальным наказанием за оскорбление, сколько просто средством его прекращения. Вероятно, основа ритуального порядка – не справедливость, а принцип сохранения лица, и обидчик получает не то, что заслуживает, а то, что в данный момент подкрепляет линию поведения, которой он связал себя раньше, а следовательно, и линию, которой следует взаимодействие.

Все рассуждения в этом очерке неявно исходили из того, что, несмотря на культурные различия, люди повсюду одинаковы. Если человеческая природа универсальна, то не надо искать объяснение этому в самих людях. Следует обратить внимание на тот факт, что любое общество, если оно является обществом, должно уметь мобилизовать своих членов в качестве самостоятельно регулирующих свое поведение участников социальных контактов. Один из способов такой мобилизации – ритуал; он учит человека чуткости, привязанности к своему Я и выражению Я посредством лица, учит гордости, чести и чувству собственного достоинства, самообладанию, такту и осмотрительности. Таковы некоторые элементы поведения, которые должны быть встроены в личность человека, если он намерен выступать в качестве партнера по общению; и именно эти элементы отчасти имеются в виду, когда говорят об универсальной человеческой природе.

Универсальная человеческая природа не слишком человечна. Обретая ее, индивид конструирует себя не из внутренних психических склонностей, а из моральных правил, навязанных ему извне. Эти правила, если им следовать, определяют оценку, которую человек дает себе и другим участникам общения, определяют направленность его переживаний в ходе контакта, а также практики, используемые им для поддержания конкретной и обязательной формы ритуального равновесия. Вполне

возможно, что общая способность руководствоваться моральными предписаниями принадлежит индивиду, но конкретный набор правил, превращающих его в человека, вытекает из требований ритуальной организации социальных встреч. И если определенный человек, группа или общество кажутся обладающими уникальным собственным характером, то это потому, что стандартный набор элементов человеческой природы в данном случае сгруппировался в уникальное сочетание. Может встречаться как избыток гордости, так и ее недостаток. Вместо следования правилам могут возникать попытки их безнаказанного нарушения. Но если какая-то встреча или мероприятие приобретают форму жизнеспособной системы взаимодействия, организованной на ритуальных принципах, то размах этих вариаций должен удерживаться в определенных границах, а сами они уравниваются видоизменениями некоторых других правил и понятий взаимодействия. Аналогично, человеческая природа определенной группы лиц может специально подбираться в соответствии с требованиями мероприятий, в которых они участвуют, но тем не менее каждый из этих людей должен обладать определенным балансом свойств, необходимых участнику любой ритуально организованной системы общественной деятельности.

Природа почтительности и умения вести себя

Многие исследователи современного общества, испытывавшие влияние Э. Дюркгейма и А. Рэдклифф-Брауна, привыкли искать в любой социальной практике символический смысл, а также вклад, который данная практика вносит в поддержание целостности и сплоченности использующей ее группы. Однако, переместив свое внимание с индивида на группу, эти исследователи упускают из виду идею, представленную Э. Дюркгеймом в главе о душе книги «Элементарные формы религиозной жизни»¹. В ней высказано предположение, что личность индивида может рассматриваться как частица коллективной *тана* (души) и что обряды, исполняемые для подкрепления коллективных представлений, могут порой исполняться и для самого индивида.

В данной работе я намерен исследовать некоторые из возможных смыслов, посредством которых человек в нашем урбанизированном и секуляризованном мире наделяется своеобразным сакральным статусом, который находит выражение и утверждение через символические акты. Будет предпринята попытка построить концептуальный каркас, расширяя и видоизменяя некоторые общеизвестные антропологические понятия. Цель этого построения – обоснование двух понятий, которые я считаю центральными для исследований в данной области: почтительность и умение вести себя. Посредством такой переформулировки я попытаюсь показать, что вариант

¹ Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life / Trans. by J.W. Swain. Glencoe (Ill.): Free Press, 1954. P. 240–272.

дюркгеймовской социальной психологии может быть эффективным в современной трактовке.

Данные для этой работы в основном получены в ходе непродолжительного целенаправленного наблюдения за психически больными в современной исследовательской клинике². Эти данные я использую по тем соображениям, что приличия разумнее всего изучать, находясь среди людей, изолированных вследствие очевидной неспособности придерживаться этих приличий. Нарушение ими приличий ограничено стенами больничного отделения, но нарушаемые правила – довольно общие, что позволяет нам выйти в нашем исследовании за пределы отделения и обратиться к англо-американскому обществу в целом.

² Отделение А формально было отведено для фармакологических исследований. В нем содержались двое контрольных испытуемых – нормальные девятнадцатилетние юноши, уклоняющиеся от воинской службы вследствие своей принадлежности к секте меннонитов; две женщины в возрасте около пятидесяти лет, страдавшие гипертонией, а также две женщины в возрасте за тридцать с диагнозом шизофрения в удовлетворительной стадии ремиссии. В течение двух месяцев автор принимал участие в жизни отделения в официальном статусе нормального контрольного испытуемого, ведя жизнь пациента на протяжении дня, а иногда и ночью в комнате, предназначенной для больного. Отделение Б было отведено для исследования девушек, страдавших шизофренией, и их так называемых шизофреногенных матерей: семнадцатилетняя Бетти и ее мать миссис Баум; пятнадцатилетняя Грейс и тринадцатилетняя Мери, чьи матери посещали палату почти каждый день. Автор проводил несколько дней в неделю в отделении Б в качестве штатного социолога. В известных пределах отделение А может рассматриваться как обычная нормальная выборка, а отделение Б – как выборка психически больных пациентов с известными нарушениями. Следует пояснить, что данные рассматриваются лишь в одном определенном аспекте и что каждому описанному событию может быть дана дополнительная интерпретация, например психоаналитическая.

Я благодарен администраторам отделений доктору Сеймуру Перлину и доктору Мюррею Боуэну, а также персоналу за их помощь в моей работе; выражаю также благодарность доктору Джону А. Клаузену и Шарлотте Грин Шварц, в то время работавшим в Национальном институте психического здоровья, за их критические замечания.

Введение

Правило поведения может быть определено как руководство к действию, рекомендуемое не потому, что оно приятно, экономично или эффективно, а потому, что оно уместно или справедливо. Нарушения правил обычно порождают ощущение неловкости и негативные общественные санкции. Правила поведения пронизывают все сферы деятельности и поддерживаются от имени почти всего, что есть в обществе. Всегда, однако, нужна какая-то группировка их приверженцев, а то и развитая форма корпоративной общественной жизни, что делает поддержание правил привычной темой социологических исследований. Приверженность правилам обеспечивает постоянство и упорядоченность поведения; хотя это не единственный источник регулярности в человеческих отношениях, он, безусловно, очень важен. Разумеется, бывает и так, что одобряемые обществом правила поведения неявно нарушают, обходят или используют в неблагоприятных целях. Однако такие отклонения служат лишь дополнением к тем случаям, когда правила регламентируют по крайней мере внешнюю сторону поведения.

Правила поведения влияют на индивида двояко: прямо, как *обязанности*, устанавливающие для его поведения моральные ограничения, и косвенно, как *ожидания*, предусматривающие моральную обязанность других вести себя определенным образом по отношению к нему. Например, медицинская сестра обязана следовать врачебным предписаниям по отношению к пациентам; с другой стороны, она ожидает, что пациенты пойдут ей навстречу, позволяя проделать с ними назначенные процедуры. Такая уступчивость, в свою очередь, может рассматриваться как обязанность пациентов по отношению к медсестре, и она подчеркивает межличностный, актор–реципиентный характер многих правил: то, что для одного человека – обязанность, для других часто оборачивается ожиданием.

Поскольку обязанности подразумевают определенные ограничения действия, мы порой рассматриваем их как обременительную необходимость, которую если и надо исполнять, то с осознанной решимостью, стиснув зубы. В действительности же большинство действий, предписанных правилами поведения, выполняются бездумно; на вопрос о своих побуждениях человек обычно отвечает: «Просто так» или «Захотелось». И лишь когда привычная рутина чем-то нарушена, человек может осознать, что его мелкие нейтральные действия все время подчинялись правилам приличия его группы, а неспособность их выполнить грозит ему стыдом и унижением. Аналогично, он может воспринимать как само собой разумеющееся свои ожидания относительно других людей, и лишь когда дела неожиданно расстраиваются, обнаруживает, что имеет основания для недовольства.

Поскольку ясно, что человек может исполнять обязанности, даже не сознавая этого, нетрудно догадаться, что обязанности, осознаваемые как то, что *должно* быть сделано, могут восприниматься им как нечто или желанное, или тягостное, точнее, как приятный или неприятный долг. В жизни одна и та же обязанность может казаться желанным долгом с одной точки зрения и нежеланным – с другой. Например, медсестра обязана обеспечить прием лекарств пациентами. Она может быть этим довольна, когда пытается таким образом установить социальную дистанцию между собой и простыми сиделками (на которых медсестры нередко смотрят как на «недостойных» участвовать в такой деятельности), в то же время ее может раздражать эта же обязанность, если дозировку приходится определять по неразборчиво написанным рецептам. Аналогично, ожидание может восприниматься ожидающим человеком как нечто желательное или нежелательное: например, когда один человек ожидает заслуженного повышения по службе, а

другой – заслуженного увольнения. Обычно правило, которое актер (действующий субъект) или реципиент (объект действия) воспринимают как желательное, независимо от его характера, называют правом или привилегией. Этим пониманием воспользуемся и мы, подчеркнув, что данные термины могут иметь и дополнительный смысл, подразумевая особый класс правил, которыми индивид может воспользоваться, но не обязан это делать. Следует также отметить, что приятная обязанность актора может порождать приятное ожидание реципиента (например, когда принято, что муж по возвращении с работы целует жену), однако, как видно из этого примера, здесь возможны любые комбинации.

Вовлекаясь в процесс исполнения правила, индивид также постепенно связывает себя определенным образом Я. Под углом зрения обязанностей индивид становится для себя и для других личностью, которая следует определенным правилам поведения, личностью, от которой этого естественно ожидать. Под углом зрения ожиданий он становится зависим от допущения, что другие должным образом будут исполнять свои обязательства, касающиеся его, поскольку это их обращение с ним выразит их представление о нем. Утверждая себя в качестве личности, которая обращается с другими определенным образом и с их стороны испытывает соответствующее обращение, индивид должен обладать уверенностью в своей способности быть такой личностью и соответственно себя вести. Например, для некоторых психиатров наступает момент, когда их обязанность обеспечить психотерапевтическое лечение своим пациентам перерождается в что-то такое, что они вынуждены делать, если хотят сохранить тот образ себя, который они себе создали. Результат этого перерождения можно иногда наблюдать на ранних этапах их карьеры, когда им приходится изворачиваться, столкнувшись с необходимостью исследовательской или

административной работы либо с необходимостью лечить тех, кого лучше было бы оставить в покое.

В общем, при нарушении какого-либо правила поведения мы видим двух индивидов, рискующих оказаться в сомнительном положении: того, кто имеет обязанность и должен вести себя в соответствии с правилом, и того, кто имеет ожидание, вследствие этого правила с ним будут обращаться определенным образом. Опасность нависает как над актором, так и над реципиентом.

Действие, подчиняющееся правилу, становится, таким образом, актом коммуникации, ибо через него получают свое подтверждение социальные *Я* участников – и то *Я*, для которого правило выступает обязательством, и то, для которого оно оборачивается ожиданием. Действие, которое регулируется правилами, но не соответствует им, также является актом коммуникации, зачастую даже в большей степени, поскольку нарушения передают новую информацию, нередко отрицающую прежние *Я* участников. В общем, правила поведения превращают и действие и бездействие в форму выражения, и, следует ли индивид правилам или нарушает их, этим сообщается нечто важное. Например, в больничных отделениях, где проводились исследования, каждый психиатр-исследователь склонен ожидать, что пациенты будут регулярно посещать сеансы психотерапии. Если пациенты выполняют эту обязанность, они демонстрируют понимание того, что лечение необходимо, а их психиатр – человек, способный наладить «хорошие отношения» с пациентами. Если пациент отказывается посещать терапевтические сеансы, все остальные в отделении могут счесть, что он «слишком болен», чтобы понимать, что для него хорошо, и что, возможно, его психиатр не умеет налаживать отношения с пациентами. Посещает больной сеансы или не посещает – в любом случае нечто важное о нем и его психиатре фактически сообщается персоналу и другим пациентам в отделении.

Рассматривая участие индивида в социальном действии, мы должны понимать, что в известном смысле он участвует не как личность в целом, а, скорее, как носитель определенной способности или статуса; короче говоря, в виде какого-то специализированного Я. Например, пациенты-женщины могут быть обязаны отбросить стыдливость перед врачами мужского пола, поскольку соответствующее ситуации отношение официально определяется как врачебное, а не сексуальное. В той же клинике как среди персонала, так и среди пациентов были негры, однако официально (и даже в основном неофициально) их активность не определялась принадлежностью к расовому меньшинству. Разумеется, в непосредственных межличностных контактах индивиды могут официально выступать не только в одном качестве. Кроме того, очень часто неофициально ценятся качества, официально определяемые как несущественные, и репутация, обретенная на основе одного качества, может в определенной степени повлиять на репутацию, которую индивид обретает на основе других своих качеств. Однако эти вопросы требуют более тонкого анализа.

Правила поведения удобно подразделять на два класса – симметричные и асимметричные³. Симметричное правило предписывает индивиду те же обязанности или ожидания в отношении других людей, какие они имеют относительно него. Например, в двух упомянутых отделениях, как и в большинстве других мест в нашем обществе, существовало понимание, что нельзя ничего красть у другого, независимо от его статуса, и что каждый вправе ожидать, что другие у него ничего не украдут. Правила, которые мы называем общепринятыми приличиями, и нормы общежития обычно симметричны, как, например, библейские заповеди: не возжелай жены ближнего

³ *Thouless R.H. General and Social Psychology. London: University Tutorial Press, 1951. P. 272–273.*

и т.п. Асимметричное правило заставляет других людей вести себя с индивидом не так, как тот ведет себя с ними, и наоборот: врачи отдают распоряжения медсестрам, но медсестры не отдают распоряжений врачам (в некоторых американских больницах даже принято, чтобы медсестра вставала при появлении врача, хотя врачи обычно не встают, когда в комнату входит медсестра).

Исследователи человеческого общества предприняли несколько попыток подразделения правил на типы, например, на формальные и неформальные правила; однако для нашей работы важно различать содержательные и церемониальные правила⁴. Содержательное правило направляет поведение в том, что ощущается важным само по себе, независимо от того, что означает факт соблюдения или нарушения правила для участвующих индивидов. Так, когда индивид воздерживается от кражи, он следует правилу, которое в основном служит для защиты собственности других людей и лишь побочно может служить защите его образа себя как лица с правами собственности. Экспрессивное значение содержательных правил официально считается вторичным. Вешние проявления необходимо поддерживать, даже если в некоторых конкретных ситуациях все чувствуют, что участники слишком озабочены внешним выражением.

⁴ Это различие я заимствую у Дюркгейма (*Durkheim E. The Determination of Moral Facts // Sociology and Philosophy / Trans. by D.F. Pocock. Glencoe (Ill.): Free Press, 1953, особенно p. 42–43 (рус. пер.: Дюркгейм Э. Определение морального факта. М.: Директмедиа Паблшинг, 2007. – Примеч. ред.)*); см. также *Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. Glencoe, Ill.: Free Press, 1952, p. 143–144 (рус. пер.: Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2001. – Примеч. ред.)*; *Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y.: McGraw-Hill, 1937. P. 430–433 (рус. пер.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. – Примеч. ред.)*; иногда эта дихотомия представлена в противопоставлении «внутреннего», или «инструментального», «экспрессивному», или «ритуальному».

Церемониальное правило направляет поведение в вопросах, которые сами по себе ощущаются как вторичные или вовсе не значимые; их основное значение – по крайней мере, официально – в том, что они выступают конвенциональными средствами коммуникации, посредством которых индивид выражает свой характер или сообщает о своем восприятии других участников ситуации⁵. Такое словоупотребление расходится с обыденным, когда под «церемонией» обычно понимают детализированную развернутую последовательность символических действий,

⁵ Хотя содержательное значение церемониальных актов воспринимается как вторичное, оно, тем не менее, может быть весьма ощутимым. Примером служат свадебные подарки, принятые в американском обществе. В некоторых случаях можно даже сказать, что, если требуется церемониально передать другому определенное чувство, необходимо задействовать некоторые знаки-средства, имеющие определенную материальную ценность. Так, в низших слоях американского среднего класса считается, что если мужчина дарит своей невесте обручальное кольцо невысокой стоимости, то, значит, он невысоко ценит и саму невесту, хотя никто и не думает, будто женщины и кольца – предметы сопоставимые. В тех случаях, когда очевидно, что содержательная ценность церемониального акта – единственная забота участников, например, когда девушка или чиновник получает подарок от кого-то, не заинтересованного в «законных» отношениях, сообщество может ощутить, что его символической системой злоупотребляют.

Интересное частное проявление церемониального компонента деятельности мы находим в феномене «галантного благородства», например, когда во время кораблекрушения мужчина уступает свое место в спасательной шлюпке незнакомой даме или когда фехтовальщик на дуэли поднимает выбитое из рук противника оружие и протягивает ему. Здесь поступок, который в обычных условиях служит церемониальным жестом незначительной содержательной ценности, совершается в обстоятельствах, где всем понятна его исключительно высокая содержательная значимость. В подобных случаях церемониальные формы соблюдаются за пределами необходимости.

Таким образом, в целом мы можем сказать, что все церемониальные жесты различаются по их содержательному значению и что это содержательное значение может систематически использоваться как часть коммуникативного значения данного действия. Тем не менее отличие церемониального порядка от содержательного все равно существует и вполне понимается.

исполняемую важными особами в торжественных случаях, когда, по всей вероятности, пробуждаются и религиозные чувства. Пытаясь выделить общее в таких практиках, как приподнимание шляпы и коронация, я поневоле игнорирую различие между ними, причем в такой степени, какую многие антропологи могут не одобрить.

Во всех обществах правила поведения обычно организованы в кодексы, гарантирующие, что все ведут себя подобающим образом и получают по заслугам. В нашем обществе кодекс, который предписывает содержательные правила поведения и внешних самопроявлений, охватывает закон, этику и мораль, тогда как кодекс, определяющий церемониальные правила и церемониальные формы самовыражения, включен в то, что мы называем этикетом. Во всех наших социальных институтах действуют оба вида кодексов, но в данной работе внимание будет сосредоточено на церемониальном кодексе.

Поступки или события, то есть знаки-средства или символы, передающие церемониальные сообщения, удивительно разнообразны по характеру. Они могут быть языковыми, когда индивид высказывает одобрение или неодобрение в отношении себя или другого, используя определенный язык и интонацию⁶; жестовыми, как в случае, когда поза индивида выражает высокомерие или раболепие; пространственными, когда индивид пропускает кого-то в дверь впереди себя или садится справа, а не слева от него; встроенными в задачу, как в случае, когда индивид благосклонно принимает задачу и решает ее в присутствии других уверенно и умело; могут быть частью структуры коммуникации, как в случае, когда индивид чаще других берет слово или получает больше внимания. Важно подчеркнуть, что церемониальная деятельность, как и содержательная деятельность, – это

⁶ *Garvin P.L., Riesenberг S.H. Respect Behavior on Pronapc: An Ethnolinguistic Study // American Anthropologist. 1952. V. 54. P. 201–220.*

категория анализа, характеризующая компонент или функцию действия, а не конкретное эмпирическое действие как таковое. В то время как деятельность, имеющая очевидный церемониальный компонент, кажется нам лишенной существенной содержательной функции, в любой деятельности, обладающей преимущественно содержательным значением, мы обнаруживаем, тем не менее, определенное церемониальное значение, при условии, что ее выполнение так или иначе воспринимают другие люди. Манера исполнения данной деятельности или кратковременные паузы, делаемые для того, чтобы обменяться мелкими любезностями, наполняют инструментально ориентированную ситуацию церемониальным значением.

Все знаки и символы, которые данная социальная группа использует для церемониальных целей, можно рассматривать как ее церемониальный диалект. Обычно мы различаем общества по количеству церемониальных элементов в данном историческом периоде и в данном виде взаимодействия либо по распространенности и детализации церемониальных форм. Возможно, было бы лучше различать общества по тому, исполняются ли принятые церемонии как неприятная обязанность либо как естественная – безразличная или даже приятная.

Церемониальная деятельность, по-видимому, содержит определенные базовые компоненты. Как уже говорилось, основная задача данной работы – описать два таких компонента: почтительность и умение вести себя, и прояснить различие между ними.

Почтительность

Почтительностью я буду называть такой компонент деятельности, который функционирует как некое символическое средство, с помощью которого *реципиенту* регулярно выражается признательная оценка *его самого*,

или чего-либо, символом, частью или представителем чего⁷ этот реципиент считается. Такими знаками почитания актер подчеркивает и подтверждает свое отношение к реципиенту. Иногда и актер и реципиент не являются индивидами, как, например, два корабля, которые приветствуют друг друга при встрече четырьмя короткими гудками. Бывает также, что актер является индивидом, а реципиент – каким-либо объектом или идолом, например, когда моряк, причаливая, салютует пристани или когда католик преклоняет колени перед алтарем. Однако я буду говорить только о таком виде почитательности, которая имеет место, когда и актер и реципиент являются индивидами, пусть даже они могут выступать от имени чего-то другого по отношению к ним. Такую церемониальную деятельность, возможно, проще всего наблюдать в кратких приветствиях, комплиментах и извинениях, которые сопровождают всякое общение и которые можно назвать «статусными ритуалами» или «межличностными ритуалами»⁸. Я использую термин «ритуал» потому, что такая деятельность, какой бы светской и неофициальной она ни была, представляет собой способ, которым индивид вынужден охранять и выстраивать символический подтекст своих действий в непосредственном присутствии объекта, который имеет для него особую ценность⁹.

⁷ Некоторые концептуальные материалы о феномене почитательности, использованные в этой работе, были взяты из исследования социальной стратификации, проведенного профессором Э.А. Шилзом из Чикагского университета при поддержке Фонда Форда. Я очень благодарен мистеру Шилзу за помощь в изучении почитательности. Он не несет ответственность за возможные ошибки в использовании мною его концепции.

⁸ Техника исполнения этих церемониальных обязанностей рассмотрена в очерке «О работе лица».

⁹ В этом определении я следую А.Р. Рэдклифф-Брауну (цит. раб., р. 123), за исключением того, что я расширил его термин «уважение», включив в него и другие проявления внимания: «Ритуальное отношение существует всегда, когда общество навязывает своим членам

Очевидно, существуют два основных направления, в которых может разворачиваться изучение ритуалов почитательности. Один из способов состоит в том, чтобы выделить определенный ритуал и попытаться выявить факторы, общие для всех социальных ситуаций, в которых этот ритуал исполняется. Именно с помощью такого анализа мы можем установить «значение» ритуала. Другой способ заключается в собирании воедино всех ритуалов, исполняемых вокруг данного реципиента, независимо от того, от кого они исходят. Каждый из этих ритуалов затем можно проинтерпретировать с целью выявления того символически выраженного значения, которое в нем заключено. Логически связав эти значения, мы сможем прийти к той концепции реципиента, которую окружающие обязаны поддерживать о нем и для него.

Индивид может желать, зарабатывать или заслуживать почитания, но, вообще говоря, ему не позволительны проявления самопоклонения, и он вынужден искать поклонения и почитания у других. В этом поиске он находит новые резоны для обращения к другим; общество же, в свою очередь, получает дополнительные гарантии того, что его члены будут вступать во взаимодействие и в какие-то отношения друг с другом. Если бы индивид мог сам обеспечить себе то почитание, которое он хочет, существовала бы тенденция к дезинтеграции общества на островки, населенные одинокими людьми, служителями собственного культа вечного самопоклонения.

Высокая оценка другого, проявляемая в акте почитательности, предполагает, что актер испытывает чувство уважения к реципиенту, которое зачастую основано на общей его оценке. Уважение – нечто такое, что индивид всегда готов предъявить окружающим и о чем он доста-

определенную установку по отношению к объекту, каковая установка требует известной доли уважения, выражаемого в традиционном способе поведения в отношении этого объекта».

точно хорошо знает, чтобы уметь при необходимости его сымитировать. Хотя с другой стороны, действительно уважая кого-либо, индивид не может детально определить, что именно он имеет в виду.

Те, кто выказывают человеку почтение, могут, конечно, чувствовать, что делают это только потому, что он принадлежит к какой-либо категории или является представителем чего-то, и что они воздают ему должное не из-за того, что они думают о нем «лично», а, скорее, вопреки этому. Некоторые организации, такие как военные, открыто подчеркивают такого рода обоснование соответствующего ритуала почитания, вследствие чего то, что непосредственно указывает на данного человека, получает безличное подкрепление. С готовностью демонстрируя уважение, которого он в действительности не испытывает, актер может чувствовать, что сохраняет подобие внутренней автономии, эмоционально отстраняясь от церемониального порядка в самом акте его поддержания. И конечно, скрупулезно соблюдая соответствующие формы приличия, он может найти способы выражать любые оттенки неуважения, слегка видоизменяя интонацию, произношение, походку и т.д.

Обычно, рассуждая о почитании, в качестве модели используют ритуалы послушания, подчинения и успокоения, которые подчиненные выполняют по отношению к вышестоящим. Почтение мыслится как некий долг подчиненного начальнику. Это чрезвычайно ограниченный взгляд на феномен почитательности по двум причинам. Во-первых, существует множество форм взаимной почитательности, которые обязаны выказывать друг другу индивиды, находящиеся на одной ступени социальной иерархии. В некоторых обществах, например в Тибете, обмен приветствиями между двумя равно высокопоставленными людьми может превратиться в затянутую демонстрацию ритуального поведения, превышающую по

продолжительности и экспансивности те знаки почтения, которые подчиненный должен выказывать своему руководителю в менее ритуализированных обществах. Точно так же существуют обязательные формы почтительного обращения вышестоящих к нижестоящим. Так, вероятно, во всем мире священнослужители высокого ранга обязаны, реагировать на пожертвования формулой «Благословляю тебя, сын мой!» или ее эквивалентом. Во-вторых, внимание, которое актер оказывает реципиенту, не обязательно должно быть благоговейным преклонением. Существуют другие формы уважения, которые часто выражаются с помощью межличностных ритуалов, например, оказание доверия, когда индивид приглашает неожиданно появившегося незнакомца в дом, или высокая оценка способностей, когда индивид прибегает к техническому совету другого. Чувство уважения, которое играет важную роль в почтении, связано с чувством привязанности и принадлежности. Крайнее проявление этого мы можем увидеть в том, что молодой человек в нашем обществе обязан обращаться со своей женой с нежной почтительностью при любой возможности, превращая повседневное поведение в ее демонстрацию. Гораздо чаще мы это можем увидеть как компонент многих ритуалов прощаний в нашем обществе среднего класса, когда актер должен придать своему голосу оттенок горечи и сожаления, оказывая таким образом почтение статусу реципиента как человека, к которому остальные очень тепло относятся. В «прогрессивных» психиатрических учреждениях уважительная демонстрация принятия, привязанности и заботы иногда образует постоянный и значительный аспект той позиции, с которой врачи вступают в контакт с пациентами. В отделении Б два самых молодых пациента, судя по всему, накопили столь большой опыт в получении такого рода демонстраций и столько сомнений в их искренности, что

зачастую отвечали с насмешкой, вероятно, пытаясь восстановить интеракцию на том уровне, который казался этим пациентам более искренним.

Очевидно, считающее поведение в целом сочетается с оценкой по достоинству и вежливостью, выражая такую оценку реципиента, которая сплошь и рядом является более комплиментарной для него, чем могли бы быть истинные чувства актора по отношению к нему. Реципиенту обычно принадлежит привилегия сомнения, и актер может даже компенсировать свое недостаточное уважение преувеличенной церемонностью. Таким образом, акты почтительности часто свидетельствуют об идеальной линии поведения, к которой и актер и реципиент могут обратиться в своей реальной деятельности. В конечном счете, реципиент может прямо обратиться к почтительным определениям ситуации, основав на них свои притязания, однако, если он сделает это необдуманно, его отношения с актором могут впоследствии резко измениться. Люди понимают, что реципиент должен не понимать актора буквально или добиваться от него правды, а довольствоваться высказанной оценкой, не требуя чего-либо более существенного. Следовательно, многие автоматически выполняемые акты почтительности содержат некий остаточный смысл, связанный с деятельностью, которой уже никто более не занят, и подразумевающий оценку, которой давно уже не ждут, и все же мы знаем, что не можем безнаказанно отказаться от приношения этой древней дани.

Помимо чувства уважения, акты почтения обычно содержат некоторое обещание, выражающее в усеченной форме намерение и обязательство актора так же обращаться с реципиентом и в дальнейшем. Это обязательство подтверждает, что ожидания и обязанности реципиента, как содержательные, так и церемониальные, будут одобрены и поддержаны актором. Актор, таким образом,

обещает поддерживать образ себя, выстроенный реципиентом в соответствии с правилами, по которым он играет. (Возможно, прототипом этого был публичный акт приношения вассальной клятвы, где клявшийся официально подтверждал свою подчиненность господину в некоторых вопросах.) Обязанность почтительности часто реализуется в речи при помощи формы обращения, в которое включаются обозначения статуса реципиента. Так, например, когда медсестра отвечает на выговор в операционной словами «Да, доктор», она посредством интонации и обращения сообщает, что критику она поняла, и хотя ей было неприятно, она не будет протестовать. Когда предполагаемый реципиент не получает ожидаемый акт почтения или когда актер ясно дает понять, что он оказывает почтение без большой охоты, реципиент может почувствовать, что положение дел, которое ему казалось само собой разумеющимся, становится нестабильным и что актер может предпринять попытку, нарушив субординацию, изменить задачи, отношения и распределение сил. Если удастся добиться установленного акта почтения, пусть даже после того, как актеру напомнят о его обязанностях и предупредят о возможных последствиях невежливости, очевидно, что если и произойдет бунт, он будет незаметным и подспудным. Если же реципиенту однозначно отказывают в акте почтения, ему обычно таким образом сообщают о начале открытого противостояния.

Следует сказать и об еще одном усложнении. Актер, выступающий в данном качестве, обязан оказать реципиенту, выступающему в данном качестве, определенный акт почтительности. Однако эти два индивида, вероятно, связаны друг с другом не только этими своими функциями; другие их функции, скорее всего, также получают церемониальное выражение. Следовательно, один и тот же акт почтительности может относиться к разным видам уважения, например, когда доктор отече-

ским жестом выражает власть над медсестрой в ее функции подчиненного и в то же время расположенность к ней как к молодой женщине, зависящей от него в его функции поддерживающего старшего мужчины. Точно так же медбрат, радостно называющий врача «Док!», может иногда выказывать уважение его медицинской роли и в то же время мужскую солидарность с человеком, который ее выполняет. На протяжении этой статьи мы должны тем самым помнить, что поток почтительного поведения – это не отдельная нота, выражающая отдельное взаимоотношение между двумя индивидами, действующими в отдельной паре своих функций, а, скорее, ансамбль голосов, свидетельствующих о том, что субъект и реципиент находятся во множестве сложных отношений друг с другом, ни одному из которых, как правило, не может быть приписана исключительная и непрерывная детерминация церемониального поведения. Интересный пример этой сложности, касающийся взаимоотношений господин–слуга, приводится в книге XIX в. об этикете:

Отдавайте свои приказы слугам веско и мягко, в сдержанной манере. Пусть ваш голос будет спокойным, но избегайте фамильярности и сочувствия им. Обращаясь к ним, лучше использовать более высокий тон голоса и не позволять ему слишком опускаться в конце предложения. Человек с самыми лучшими манерами из тех, кого мы имели удовольствие знать, обращаясь к слугам, использовал такие обороты речи, как: «Я был бы благодарен вам за то-то и то-то», «Вот так, будьте любезны», – с мягкими интонациями, но высоким голосом. В этом случае совершенство манер состоит в том, чтобы с помощью слов показать, что исполнение является одолжением, а с помощью тона – что оно является само собой разумеющимся¹⁰.

¹⁰ *Anonimous*. The Laws of Etiquette. Philadelphia: Carey, Lee and Blanchard, 1836. P. 188.

Почтительность может иметь много форм, из которых я рассмотрю только две обширные группы: ритуалы избегания и ритуалы преподнесения.

Термин «ритуалы избегания» может использоваться по отношению к тем формам почтительности, которые заставляют актора держаться на расстоянии от реципиента и не нарушать того, что Г. Зиммель назвал «идеальной сферой», окружающей реципиента:

В эту сферу, хотя и разной протяженности в разных направлениях и в зависимости от человека, с которым поддерживают отношения, нельзя проникнуть без того, чтобы тем самым не разрушить личностную ценность индивида. Такая сфера образует вокруг человека его честь. Язык остроумно обозначает оскорбление чести человека как «зайти слишком далеко»; радиус этой сферы отмечает, так сказать, дистанцию, нарушение которой другими оскорбляет человека¹¹.

Любое общество могло бы быть с пользой исследовано как система приспособлений для почтительного удержания общающихся на расстоянии друг от друга, и большинство исследований дают нам те или иные свидетельства этого¹². Избегание личного имени другого человека является, возможно, наиболее общим примером из антропологии, и столь же общим он должен быть в социологии.

Нужно сказать, что здесь заключается одно из важных различий между социальными классами в нашем обществе: различаются не только некоторые из символов проявления уважения к уединению других, но также очевидно, чем выше класс, тем более обширны и сложны табу относительно контактов. Например, при исследова-

¹¹ *Simmel G.* The Sociology of Georg Simmel / Trans. ed. by K. Wolff. Glencoe (Ill.): Free Press, 1950. P. 321.

¹² *Hodge F.W.* Etiquette: Handbook of American Indians. Washington (D.C.): Government Printing House, 1907. P. 442.

нии шетландской общины автор обнаружил, что по мере движения от обжитых средним классом городских центров в Британии к сельскому населению низших классов на островах уменьшается расстояние между стульями за столом, так что на самых дальних Шетландских островах реальный телесный контакт во время трапез и подобных социальных ситуаций не рассматривается как посягательство на обособленность и для оправдания его не нужно делать никаких усилий. И еще: каким бы ни был ранг участников действия, актер, скорее всего, чувствует, что у реципиента есть некоторые обоснованные ожидания неприкосновенности.

Там, где актору не надо демонстрировать внимание к сохранению обычной личной заповедной зоны реципиента и не нужно бояться осквернить его нарушением его обособленности, мы говорим, что актер находится в фамильярных отношениях с реципиентом. (Крайним примером этого служит мать, которая свободно вытирает нос своему ребенку.) Там, где актер должен демонстрировать осмотрительность в своем подходе к реципиенту, мы говорим об отсутствии фамильярности, или уважении. Правила, управляющие поведением двух индивидов, могут, хотя не обязательно, быть симметричными в отношении либо фамильярности, либо уважения.

Между церемониальной дистанцией и другими видами социологических дистанций обнаруживается некоторая типичная связь. Между равными по статусу мы можем ожидать взаимодействие, руководимое симметричной фамильярностью. Между начальником и подчиненным мы можем ожидать асимметричные отношения, где начальник имеет право проявлять некоторую фамильярность, на которую подчиненному не позволено отвечать взаимностью. Так, в исследовательской клинике принято, что врачи называют медсестер по имени, но сестры отвечают вежливыми и формальными обращениями. Анало-

гично, в американских бизнес-организациях босс может заботливо расспросить лифтера о его детях, но подобный вход в личную жизнь руководителя закрыт для лифтера, который может принимать заботу, но не отвечать тем же. Возможно, наиболее яркая форма этого обнаруживается в отношениях психиатр–пациент, где психиатр имеет право касаться таких аспектов жизни пациента, которых пациент не может позволить коснуться даже самому себе, и, конечно, эта привилегия не предполагает взаимности. (Некоторые психоаналитики верят, что желательно «анализировать контрперенос^{*} с пациентом», но эта и любая другая форма фамильярности со стороны пациента строго осуждается официальным психоаналитическим корпусом.) Пациенты, особенно психиатрические, часто даже не имеют права спрашивать своего врача о его мнении относительно их собственной болезни; прежде всего, это привело бы пациентов к излишнему соприкосновению с областью знаний, в которой врачи предпочитают особую отделенность от непрофессионалов, которым они служат.

Хотя корреляции между церемониальной дистанцией и другими видами дистанций типичны, мы должны ясно представлять тот факт, что часто обнаруживаются другие взаимоотношения. Так, равные по статусу, но малознакомые могут находиться в отношениях взаимного уважения, но не фамильярности. Далее, в Америке есть много организаций, где различия в ранге рассматриваются как столь значительная угроза равновесию системы, что церемониальный аспект поведения функционирует не как способ традиционного выражения этих различий, а как метод тщательного противовеса им. В упомянутой исследовательской клинике психиатры, психологи и социологи были частью одной церемониальной группы в том, что

* Контрперенос – перенос психотерапевтом на пациента эмоционального отношения к значимым для него людям. – *Примеч. ред.*

касается обращения друг к другу по имени, и эта симметричная фамильярность, очевидно, служила смягчению некоторого ощущения психологами и социологами того, что они не являются равными членами команды, как это и было в действительности. Аналогично, при изучении менеджеров малого бизнеса автор¹³ обнаружил, что служащие бензозаправочных станций имеют право прерывать своего босса, хлопнуть его по спине, подшучивать над ним, разговаривать по его телефону и пользоваться другими вольностями и что эти ритуальные вольности обеспечивают способ, которым менеджер поддерживает мораль и обеспечивает честность работников. Мы должны осознавать, что вполне сходные по структуре организации могут обладать совершенно разными стилями почтительности и что структуры почтения отчасти обусловлены меняющимися веяниями.

В нашем обществе правила сохранения дистанции многообразны и сильны. Они имеют тенденцию фокусироваться вокруг определенных аспектов: физическое место и имущество, определяемое как «собственность» реципиента, сексуальные части тела и т.д. Важным фокусом почтительного избегания является обязательная для актора вербальная забота о том, чтобы не обсуждать вещи, которые могут быть болезненными, смущающими или унижительными для реципиента. Говоря словами Г. Зиммеля:

Такого же рода круг, окружающий человека, – хотя он ценностно акцентирован в совершенно ином смысле – наполнен его делами и характерными чертами. Вторжение в этот круг путем замечания означает насилие над личностью. Подобно тому как материальная собственность является, так сказать, расширением эго, и по этой причине вторжение в собственность воспри-

¹³ Неопубликованная статья, подготовленная для Social Research, Inc., 1952.

нимается как насилие над личностью, существует и интеллектуальная частная собственность, нарушение которой наносит ущерб самой сердцевине эго. Осмотрительность – это не что иное, как ощущение, что существует право на сферу непосредственного содержания жизни. Конечно, осмотрительность различается по своим масштабам у разных личностей точно так же, как сферы чести и собственности обладают разными радиусами в отношении «близких», посторонних и безразличных людей.¹⁴

Упомянутое избегание можно проиллюстрировать с помощью результатов исследований, полученных в отделении А, где правила в этом отношении были хорошо институционализированы¹⁵. Тот факт, что у двоих пациенток был опыт пребывания в психиатрической больнице государственного типа, не поднимался ни в серьезных беседах, ни в шуточных, за исключением случаев, когда разговор начинали они сами; не поднимался и вопрос о возрасте этих пациенток (обеим было за тридцать). Никогда не упоминалось, что два мужчины-пациента отказывались выполнять воинскую повинность, даже ими самими. То, что один пациент был слепым, а другой – цветным, никогда не упоминалось другими в их присутствии. Когда бедная пациентка отказалась участвовать в экскурсии, демонстрируя безразличие, ее объяснение как бы было принято, ее выдумку уважали, хотя и знали, что она хотела бы пойти, но стыдилась того, что у нее не было подходящей одежды. Пациентов, которым должны были в порядке эксперимента дать лекарства или только что дали их, не расспрашивали об их ощущениях, пока они сами не поднимали эту тему. Незамужних пациенток и медсестер прямо не расспрашивали об их парнях. Информация о

¹⁴ *Simmel G. The Sociology of Georg Simmel / K. Wolff (Ed.). Glencoe (Ill.): Free Press, 1950. P. 322.*

¹⁵ Я благодарен доктору Сеймуре Перлину за привлечение моего внимания к некоторым из этих видов избегания и за указание на их значимость.

религиозной принадлежности давалась добровольно, но о ней редко спрашивали.

Нарушение принятых правил частной жизни и уединения может подробно изучаться на примере психиатрических отделений, так как подобные нарушения часто совершаются пациентами и персоналом. Иногда они проистекают из содержательных, или инструментальных, требований ситуации. Когда психиатрический пациент помещается в больницу, обычно делается подробная опись всего, что принадлежит ему. Это подразумевает его подчинение другим, которое он может определить как унижительное. Периодически обыскиваются его вещи в целях удаления из палаты острых предметов, напитков, наркотиков и другой «контрабанды». Дополнительное вторжение (но существующее только в новейших больницах) – скрытые в каждой комнате пациентов микрофоны, соединенные с динамиком на посту медсестры; есть еще цензура исходящей корреспонденции. Еще одно такое вторжение – психотерапия, особенно когда пациент понимает, что другие врачи узнают о достигнутом им прогрессе и даже получают детальный отчет о его случае; то же относится и к составлению медсестрами и сиделками графиков ежедневных изменений эмоционального состояния и активности пациента. Еще один пример – усилия персонала по «формированию отношений» с пациентами, разрушение в интересах терапии периодов «ухода в себя». Обнаруживаются классические формы «безличного лечения», когда медики столь мало считаются со стремлением к избеганию, что обсуждают интимные детали жизнедеятельности пациента в его присутствии, как будто его нет. В туалете может отсутствовать дверь или она не запирается. Еще одним посягательством на частную жизнь являются спальни на несколько человек, особенно для пациентов, принадлежащих к среднему классу. Уход за пациентами с «силь-

ными нарушениями» во многих больших бесплатных больницах происходит в условиях, расцениваемых как унижительные, в числе которых, например, принудительный прием лекарств, компрессы на обнаженное тело или помещение обнаженного пациента в пустую палату для буйных, куда могут заглядывать персонал и пациенты. Другой пример – принудительное кормление, когда испуганный, лишенный возможности высказать протест пациент противопоставлен сиделке, которая должна следить, чтобы пациент был накормлен.

Можно провести параллель между вторжениями в частную жизнь, имеющими инструментальное техническое обоснование, и другими, в большей степени чисто церемониального характера. Так, от «отреагирующих» или «психопатических» пациентов можно ожидать нарушения границ вежливости и вызывающих замешательство вопросов о других пациентах и персонале, произнесения комплиментов, делать которые обычно не принято, или демонстрации неподобающих физических жестов типа объятий и поцелуев. Так, в отделении Б мужскому персоналу досаждали репликами типа: «Почему ты так побрился?», «Почему ты всегда носишь одни и те же брюки, меня от них тошнит», «Посмотри, сколько у тебя перхоти». Когда рядом садится один из пациентов, мужчина-представитель персонала все время может быть вынужден отодвигаться, чтобы сохранять подобающее безопасное расстояние между собой и пациентом.

Некоторые из способов, с помощью которых индивиды в отделении А сохраняли свою дистанцию, позволяют по контрасту прояснить, почему это не удавалось делать пациентам отделения Б. В отделении А соблюдалось правило, следуя которому пациенты не приходили на пост медсестры. Они ожидали приглашения войти или, что было чаще, оставались в дверях, так что могли разговаривать с находящимися на посту, но не злоупотреблять этим.

Персоналу не было нужды запирать двери поста, когда медсестры находились внутри. В отделении Б троих пациентов было невозможно удержать от вторжения на пост с помощью одних лишь просьб, поэтому для сохранения уединения нужно было держать двери запертыми. Даже в этом случае стены поста не могли заглушить непрерывный шум. Другими словами, в отделении А пациенты уважали защитное кольцо, которое медсестры и сиделки очерчивали вокруг себя, уходя в помещение поста, в отделении Б этого уважения не было.

Можно привести вторую иллюстрацию. Пациенты отделения А испытывали сложные чувства к некоторым из врачей, но каждый пациент знал одного или двух врачей, которые ему нравились. Так, если пациент ел, когда мимо проходил любимый доктор, они просто обменивались приветствиями и, с точки зрения церемонии, больше ничего. Никто не считал правильным гнаться за врачом, приставать к нему и в общем нарушать его право на отдаленность. В отделении же Б приход врача очень часто был сигналом для некоторых пациентов бросаться к нему, с чувством хватать его за руку, приобняв его, идти с ним по коридору, вовлекая в шуточный любовный разговор. И часто, когда врач скрывался за дверью кабинета, пациент стучал в нее, заглядывал в окошко и другими путями отказывался сохранять ожидаемую дистанцию.

Одна из пациенток отделения Б, миссис Баум, оказалась особенно талантливой в изобретении способов вторжения в частную жизнь других людей. Например, было известно, что во время похода по магазинам она зайдет за прилавок или будет разглядывать содержимое корзинки с покупками у незнакомых людей. В других случаях она садилась в машину незнакомою человека на перекрестке и просила подвезти. В общем, наблюдение за ней могло бы дать исследователю перечень множества различных поступков и предметов, посредством которых

устанавливаются границы частной жизни. Это дает основание полагать, что при определенных психических расстройствах симптоматика, связанная с несоблюдением социальных дистанций, является специфичной, а не просто случайной.

Не всегда избегание является почтительным. Есть другой вид церемониального избегания – самозащитный, который может походить на почтительное отстранение, но при анализе оказывается совершенно отличным от него. Подобно тому как индивид может избегать объект, чтобы не осквернить и не запачкать его, он может избегать другой объект, чтобы не запачкаться и не быть оскверненным им. Например, в отделении Б миссис Баум, будучи в параноидальном состоянии, не разрешила своей дочери принять спичку от служителя-негра, чувствуя, по-видимому, что контакт с представителем группы, против которой она предубеждена, может запачкать; поэтому же, когда она в день рождения, будучи в экспансивном настроении, целовала врачей и медсестер, создавалось впечатление, что она пыталась, но не могла заставить себя поцеловать этого служителя. В общем, оказывается, что можно избегать человека с высоким статусом из уважения к нему и избегать человека с более низким статусом по мотивам самозащиты. Возможно, социальная дистанция, порой тщательно поддерживаемая между равными, может быть связана с обоими видами избегания с двух сторон. В любом случае, сходство двух видов избегания не очень глубокое. У медсестры, держащейся поодаль от пациента из-за сочувственного принятия его желания побыть одному, будет одно выражение лица и телесная экспрессия; когда же она поддерживает такую же физическую дистанцию с пациентом из-за его несдержанности и запаха, у нее, скорее всего, будет другое выражение лица. Кроме того, дистанции, которые субъект сохраняет из уважения к другим, уменьшаются, когда возрастает

его собственный статус, а самозащитные дистанции в этом случае увеличиваются¹⁶.

Ритуалы избегания были описаны здесь в качестве одного из главных типов почтительности. Второй тип, называемый *ритуалом преподнесения*, включает акты, через которые индивид дает реципиенту понять, как он рассматривает его действия и как будет к ним относиться в предстоящем взаимодействии. Правила, касающиеся этой ритуальной практики, включают специфические предписания, а не запрещения. В то время как ритуалы избегания определяют, что делать не следует, ритуалы преподнесения определяют, что следует делать. Некоторые примеры этого можно наблюдать в социальной жизни отделения А во взаимодействии пациентов, сиделок и медсестер. Думаю, что эти ритуалы преподнесения не будут сильно отличаться от тех, что обнаруживаются во многих других организациях нашего общества.

Проходя мимо друг друга, обитатели отделения обычно обмениваются приветствиями. Длительность приветствия зависит от времени, прошедшего с последнего приветствия, и периода, предполагаемого до следующей встречи. За столом, встречаясь взглядами, обмениваются

¹⁶ Исследования шкал социальной дистанции часто на удивление упускали из виду тот факт, что индивид может сохранять свою дистанцию от других, потому что он слишком их почитает, а также потому, что он почитает их недостаточно. Причины этой постоянной ошибки составляют проблему в социологии знания. В общем, вслед за студентами Рэдклифф-Брауна, мы должны различать «хорошую сакральность», подразумевающую что-то слишком чистое, чтобы вступать с ним в контакт, и «плохую сакральность», подразумевающую что-то слишком грязное для контакта с ним, при этом противопоставляя оба этих сакральных состояния и объекта ритуально нейтральным вещам (см. *Srinivas M.M. Religion and Society Among the Coorgs of South India*. Oxford: Oxford University Press, 1952. P. 106–107). Рэдклифф-Браун (цит. раб.) не предупреждает, что в некоторых обществах различие между хорошей и плохой неприкосновенностью гораздо менее отчетливо, чем в нашем собственном.

ся короткими улыбками узнавания. Когда кто-то уходит на уикенд, происходит прощание, включающее паузу в текущей деятельности и короткий обмен словами. В любом случае было понятно, что, если обитатели отделения оказывались в подходящей физической позиции для вступления в некоторый контакт взглядами, этот контакт осуществлялся. Видимо, что-либо меньшее означало бы недостаточное уважение к тем отношениям, которые связывали обитателей отделения.

С приветствиями была связана практика «замечания» любых изменений во внешности, статусе или репутации индивида так, как будто эти изменения представляли собой нечто важное не только для него, но и для всей группы. Новая одежда, новые прически, «принаряженность» вызывали серию комплиментов, как бы члены группы ни относились к «усовершенствованиям». Аналогично, любые старания со стороны пациента сделать что-либо в комнате трудотерапии, выполнить что-то новыми способами с готовностью одобрялись другими. Представителям персонала, участвовавшим в больничных любительских спектаклях, говорились комплименты, а когда одна медсестра собралась выйти замуж, все рассматривали и одобряли фотографии ее жениха и его семьи. Эти способы служили тому, чтобы спасти пациента отделения от замешательства в случае преподнесения себя как того, чья ценность возросла, но получающего в то же время реакцию на себя как на человека, чья ценность снизилась или осталась такой же.

Другой формой почтительности через преподнесение была практика, когда персонал и пациенты подчеркнуто предлагали всем пациентам участвовать в прогулках, трудотерапии, любительских концертах, беседах во время еды и других формах групповой активности. Отказы принимались, но не было пациента, которому бы это не предлагали.

Еще одной стандартной формой почтительности через преподнесение в отделении А были распространенные мелкие услуги и помощь. Медсестры могли делать небольшие покупки для пациентов в городе, пациенты, возвращаясь после посещения дома, могли подвозить других пациентов на машине, чтобы тем не надо было добираться общественным транспортом; пациенты-мужчины могли чинить что-либо, а пациентки могли оказывать какие-то услуги взамен. Пища поступала с кухни, уже распределенная по индивидуальным подносам, но за каждой трапезой происходил оживленный обмен едой и прямые подарки различных блюд от тех, кто был к ним безразличен, тем, кто их любил. Большинство пациентов отделения по очереди переносили подносы с едой с кухонной тележки на стол, а также тосты и кофе со столика у стены. Этими услугами обменивались не в соответствии с каким-то формальным графиком, выработанным для поддержания справедливости; это, скорее, было незапланированными поступками, посредством которых актер выражал сочувствующее участие реципиенту от имени присутствующих.

Я упомянул четыре самые общие формы почтительности через преподнесение: приветствия, приглашения, комплименты и небольшие услуги. С помощью всего этого реципиенту сообщают, что он не одинок, существует не сам по себе, но что другие интересуются или стремятся заинтересоваться им и его личными частными заботами. Вместе взятые, эти ритуалы непрерывно символически подчеркивают, что эго реципиента не отгорожено от других.

Были проиллюстрированы два основных типа почтительности: ритуалы преподнесения, посредством которых актер конкретно демонстрирует свою высокую оценку реципиента, и ритуалы избегания, принимающие формы запретов, ограждений и табу, и подразумевающие акты,

от которых субъект должен воздерживаться, чтобы не нарушить право реципиента держаться на расстоянии. Мы знакомы с таким различием из классификации Э. Дюркгейма, подразделявшего ритуалы на позитивные и негативные обряды¹⁷.

Предполагая, что есть вещи, которые нужно говорить и делать для реципиента, и вещи, которые говорить и делать нельзя, мы сознаем, что между этими двумя формами почтительности существует конфликт, выражающий присущую им противоположность. Поинтересоваться здоровьем человека, благополучием его семьи или состоянием его дел – значит преподнести ему знаки сочувствующего внимания, но в определенном смысле сделать такое – значит вторгнуться в личную заповедную сферу человека. Это становится очевидным, если подобные вопросы человеку задает актер неподобающего статуса или если недавние события сделали ответы на эти вопросы болезненными. Как полагал Э. Дюркгейм: «Человеческая личность – священная вещь; нельзя рисковать осквернить ее и нарушить ее границы, но в то же время величайшее благо состоит в единении с другими»¹⁸. Приведу две иллюстрации характерной оппозиции между двумя формами почтительности на примере отделений больницы.

В отделении А, как и в других отделениях больницы, была «система прикосновений»¹⁹. Определенные категории персонала имели привилегию выражения своей

¹⁷ *Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life / Trans. by J.W. Swain. Glencoe (Ill.): Free Press, 1954. P. 299.*

¹⁸ *Durkheim E. The Determination of Moral Facts // Sociology and Philosophy / Trans. by D.F. Pocock. Glencoe (Ill.): Free Press, 1953. P. 37.*

¹⁹ Единственный известный мне источник по системам прикосновений – очень интересная работа Эдуарда Гросса (*Gross E. Informal Relations and the Social Organization of Work. Unpublished Ph.D. Dissertation, Department of Sociology, University of Chicago, 1949*), посвященная праву шипать девушек секретарского ранга в коммерческих офисах.

приятности и близости к другим посредством ритуальных телесных контактов с ними. Актор мог обнимать рукой талию реципиента, массировать рукой заднюю часть шеи реципиента, гладить волосы и лоб или держать реципиента за руку. Естественно, сексуальный подтекст официально исключался. Наиболее частая форма, которую принимал этот ритуал, – поддерживающее прикосновение медсестры к больному. Тем не менее санитары, пациенты и медсестры образовывали единую группу в отношении правил прикосновений: их права были симметричными. Любой из этих людей имел право прикасаться к любому человеку той же категории, что и он, и к людям других категорий. (В действительности некоторые формы прикосновений, например в шуточной борьбе или играх, где меряются силой рук, по природе симметричны.) Конечно, некоторым членам отделения не нравилась эта система, но это не отменяло прав других включать их в нее. Фамильярность, подразумеваемая в таких обменах, подтверждалась другими путями, например, симметричным обращением по имени. Можно добавить, что во многих психиатрических больницах пациенты, санитары и медсестры не образуют единую группу в церемониальном отношении, и обязанность пациентов принимать дружеский физический контакт от персонала не реципрокна.

В придачу к этим отношениям симметричных прикосновений в отделении были и асимметричные. Врачи прикасались к людям других рангов для сообщения дружеской поддержки и комфорта, но представители других рангов чувствовали, что с их стороны было бы излишней вольностью отвечать таким же прикосновением врачу, не говоря уже о том, чтобы быть инициатором таких контактов с врачом²⁰.

²⁰ Главный санитар в то время, мужчина, начинал обниматься с врачом, служившим администратором отделения. Это, по-видимому,

Разумеется, если система прикосновений должна сохраняться, как это имеет место во многих больницах Америки, и члены отделения должны получать подтверждение и поддержку, которые обеспечивает эта ритуальная система, то другие люди, помимо врачей, приходящие жить или работать в отделении, должны быть дружески доступными другим присутствующим. В этом отношении приходится отказаться от прав на отделенность и неприкосновенность, которые требуются и предоставляются во многих других учреждениях нашего общества. Короче говоря, система прикосновений возможна только в той степени, в какой индивиды отказываются от права держать других на физической дистанции.

Вторая иллюстрация того, как две формы почтительности противодействуют друг другу, указывает на социальное участие. В отделении А у всех, кроме врачей, – у медсестер, санитаров и пациентов – существовало сильное чувство внутригрупповой солидарности. Пути выражения ее различны – через совместное участие в трапезах, карточных играх, экскурсиях, посещения комнат других пациентов, просмотр телепередач, трудотерапию. Обычно индивиды были готовы не только участвовать в этом, но и делать все с видимым удовольствием и энтузиазмом. Человек отдавался совместной деятельности, и это давало возможность группе успешно функционировать.

В контексте этого паттерна участия и несмотря на его важность для группы, все понимали, что пациенты

создало диссонанс и было чересчур. Санитару, что интересно, пришлось оставить работу. Следует добавить, что в одном отделении клиники, отведенном для глубинного изучения небольшого числа сильно делинквентных мальчиков, пациенты и весь персонал, включая врачей, образовали единую церемониальную группу. Членов группы связывали симметричные правила фамильярности, так что для восьмилетнего мальчика было допустимо звать администратора отделения по имени, шутить над ним и ругаться в его присутствии.

имеют право на отстраненность. Хотя опоздание на завтрак воспринималось как нарушение групповой солидарности, опоздавших за это только мягко журили. Оказавшись за столом, пациент был обязан ответить на приветствия, но затем, если его настроение и манеры ясно выражали желание быть оставленным в покое, не делалось попыток втянуть его в разговор за едой. Если пациент брал еду со столика и возвращался в свою комнату или в пустой телевизионный зал, никто не следовал за ним. Если пациент отказывался идти на прогулку, над этим немного подшучивали, напоминая индивиду о том, что он теряет, и этим дело кончалось. Если пациент отказывался играть в карты, лишая остальных четвертого партнера, могли высказываться шуточные протесты, но без продолжения. И в любом случае, если пациент казался подавленным, угрюмым или чем-то расстроенным, старались этого не замечать или приписать потребности в физическом уходе и отдыхе. Эти виды деликатности и ограничения требований, видимо, служили социальной функции поддержания неформальной жизни, свободной от необходимости «терапевтической» или «прописанной», и означали, что в определенных отношениях пациент имел право препятствовать вторжению в личную жизнь там, тогда и так, как хотел это сделать. Однако очевидно, что право ухода в свою частную жизнь предоставлялось за счет поступков, через которые индивид показывает свою связанность с другими в отделении. Между демонстрацией желания включить человека и демонстрацией уважения к его частной жизни существует неизбежное противоречие.

Как следствие этой дилеммы, социальные отношения предполагают постоянную диалектику ритуалов преподнесения и ритуалов избегания. Должно поддерживаться своеобразное напряжение, ибо эти противоположные требования поведения необходимо как-то

удерживать отдельно друг от друга, но в то же время осуществлять вместе в одном и том же взаимодействии: жесты, которыми актер преподносит себя реципиенту, должны также означать, что взаимодействие не пойдет слишком далеко.

Умение себя вести

Мы предположили, что церемониальный компонент конкретного поведения содержит по меньшей мере два базовых элемента: почтительность и умение себя вести. Мы рассмотрели почтительность, определяемую как высокая оценка другого человека, которую индивид демонстрирует ему через ритуалы преподнесения и ритуалы избегания. Теперь рассмотрим умение вести себя.

Под умением себя вести я буду иметь в виду тот элемент церемониального поведения индивида, который обычно передается через осанку, одежду и умение держаться, что служит для него средством демонстрации присутствующим своих определенных желательных или нежелательных качеств. В нашем обществе «хорошо» или «должным образом» ведущий себя человек проявляет такие свойства, как благоразумие и искренность, скромность в своих притязаниях, порядочность, контроль над речью и движениями, власть над своими эмоциями, аппетитами и желаниями, выдержку под давлением и т.д.

Пытаясь проанализировать качества, характеризующие умение вести себя, мы замечаем, что человек с хорошими манерами обладает свойствами, которые, по общему мнению, вырабатываются «тренировкой характера» и «социализацией», теми правилами, что внушаются неопиту, желающему быть допущенным в общество. Правильно или нет, другие склонны использовать эти качества как диагностический показатель того, на что актер способен вообще и в выполнении различных

видов деятельности. Кроме того, должным образом ведущий себя человек закрыл множество путей доступа к нему со стороны других, уменьшив риск заражения. Наиболее важно, может быть, что требование от актора уметь себя вести – необходимое условие для утверждения его в качестве участника общения, на которого можно положиться, владеющего собой в коммуникации и действующего так, чтобы другие, представляя себя ему в качестве участников общения, не подверглись опасности.

Еще раз отметим, что умение вести себя включает свойства, выводимые другими из интерпретации ими способа управления собой, используемого индивидом в общении с людьми. Нельзя путем словесного заявления утвердить за собой эти качества, хотя порой индивид может опрометчиво пытаться так сделать. (Однако можно ухитриться вести себя так, что другие через собственную интерпретацию его поведения будут приписывать человеку все те свойства, которые он бы хотел, чтобы другие видели в нем.) В общем, через манеру вести себя индивид создает образ себя, но образ, не предназначенный для его собственных глаз. Это не мешает нам видеть, что индивид, хорошо умеющий себя вести, придает этим себе ощутимую ценность. Тот же, кому не удастся вести себя должным образом, может быть обвинен в «отсутствии самоуважения» или в том, что он не ценит себя в собственных глазах.

Как и в случае почтительности, исследование умения вести себя предполагает составление перечня всех церемониальных актов, выполняемых конкретным индивидом в присутствии каждого из нескольких человек, с которыми он вступает в контакт, и интерпретацию этих актов как символически выражающих умение вести себя, а затем соединение их значений в целостный образ индивида, образ его в глазах других.

Правила поведения, как и правила почтительности, могут быть симметричными или асимметричными. Между социально равными часто оказываются предписаны симметричные манеры поведения. Между неравными можно обнаружить много вариаций. Например, на собраниях персонала в психиатрических подразделениях больницы врачи обладали привилегией ругаться, менять тему разговора и сидеть в расслабленных позах; с другой стороны, служители имели право посещать собрания персонала и задавать на них вопросы (в соответствии с ориентацией этих исследовательских подразделений на средовую терапию), но от них безоговорочно требовалось вести себя с большей осмотрительностью, чем это требовалось от врачей. (На это указала одна восприимчивая врач-трудотерапевт, заявившая, что тот факт, что одна молодая женщина-психиатр пользовалась этими прерогативами неформальной манеры поведения, ей всегда напоминал о том, что она действительно доктор медицины.) Возможно, крайность здесь – отношения господин–слуга, что заметно в случаях, когда от прислуги требуется исполнять лишённые достоинства обязанности с достойной манерой поведения. Подобным образом, врачи имели право заходить на пост медсестры, небрежно присаживаться на раздаточную стойку, шутить с медсестрами; представители других категорий участвовали в таком неформальном общении с врачами, но только после того, как врачи проявляли в этом инициативу.

В отделении А поддерживались стандарты поведения, типичные, по-видимому, для американского общества среднего класса. Установленный за столом темп еды предполагал, что присутствующие не слишком нетерпеливы, достаточно хорошо контролируют импульсы и не настолько ревниво относятся к своим правам, чтобы как волки накидываться на еду или брать более одной порции. При игре в пинокль – любимой карточной игре – каждый

игрок мог предложить зрителям заменить его (а зрители – тактично от этого отказаться, выражая этим, что страсть к игре их отнюдь не переполняет). Иногда пациент появлялся в комнате отдыха или за едой в халате (практика, разрешенная пациентам везде в больнице), но обычно носили опрятную уличную одежду, подчеркивая отсутствие недопустимой небрежности в манерах и чрезмерной откровенности в презентации себя. Было мало ругательств и никаких открыто сексуальных реплик.

В отделении Б достаточно обычными были плохие манеры поведения (по стандартам среднего класса). Это может быть проиллюстрировано поведением во время еды. Часто пациент тянулся за дополнительным куском еды или, по крайней мере, алчно смотрел на дополнительный кусок. Даже когда каждому за столом позволялось получить добавку, сверхмотивация проявлялась в привычке брать все причитающееся сразу, не ожидая, когда будет съедена уже положенная порция. Пациенты порой приходили к столу полуодетыми. Иногда происходили беспорядочные манипуляции пищей. Обычными были сквернословие и ругательства. Время от времени пациенты поспешно отодвигали свои стулья от стола и уходили в другую комнату, затем возвращаясь к столу столь же резко. Иногда они издавали громкие звуки, высасывая остатки через соломинку из пустой бутылки. Всем этим пациенты подтверждали персоналу и друг другу, что их *Я* не обладает должными манерами.

Эти формы плохого поведения заслуживают изучения потому, что они заставляют нас осознать некоторые аспекты умения вести себя, которые мы обычно считаем само собой разумеющимся; в поисках аспектов, считающихся еще более само собой разумеющимся, нам надо исследовать отделение умственно отсталых в обычной психиатрической больнице. Пациенты там несдержаны, могут обнажаться, открыто мастурбируют; они сильно

чешутся, могут пускать слюни, у них может течь из носа; может внезапно вспыхивать враждебность и проявляться «параноидное» бесстыдство; речевая и моторная активность могут протекать в маниакальном либо депрессивном ритме, неприлично быстро или медленно; мужчины и женщины могут вести себя так, будто они другого пола или недостаточно взрослые, чтобы иметь какой-то пол. Конечно, такие отделения – классические ситуации плохих манер поведения.

В заключение упомянем, что каковы бы ни были мотивы создания видимости хорошего поведения перед другими, предполагается, что индивид проявляет собственную волю поступать так или что он будет сотрудничать с тем, кому выпадает жребий помогать ему в этом деле. В нашем обществе человек следит за своими волосами до тех пор, пока они не становятся слишком длинными, затем идет к парикмахеру и следует его инструкциям, пока их стригут. Здесь добровольное подчинение является решающим, ибо личные услуги такого типа приближаются к самому центру неприкосновенности человека и легко могут вести к нарушениям поведения; чтобы этого не произошло, обслуживающий и обслуживаемый должны тесно сотрудничать. Если, однако, индивид не способен поддерживать то, что другие рассматривают как необходимые внешние приличия, и если он отказывается сотрудничать с теми, кому вменено в обязанность поддерживать их для него, то задача сделать его презентабельным против его воли, вероятно, будет стоить ему в этот момент значительной доли достоинства и почтения, что, в свою очередь, может вызывать сложные чувства у тех, кто обнаруживает, что должен заставить его платить эту цену. Это одна из профессиональных дилемм тех, чьей работой является поддерживать в приличном состоянии внешний вид детей и психиатрических пациентов. Легко приказать санитару «нарядить» и побрить пациентов-мужчин в день посеще-

ний, и, несомненно, когда это сделано, пациенты производят более благоприятное впечатление, но пока их приличный вид находится в процессе создания, – например, в душевой или у парикмахера, – пациенты могут подвергаться крайним оскорблениям.

Почтительность и умение вести себя

Почтительность и умение вести себя – аналитические термины; эмпирически действия, в которых проявляются одно и другое, во многом пересекаются. Поступок, через который человек выражает другим свою почтительность или отказывает в ней, как правило, служит способом выражения того факта, что он хорошо или плохо умеет себя вести. Можно привести некоторые примеры этого пересечения. Во-первых, выполняя акт почтительности через преподнесение, например, предлагая гостю стул, актер обнаруживает, что это может быть выполнено с непринужденностью и апломбом, выражающими самоконтроль и уверенность, или с неуклюжестью и неуверенностью, выражающими нерешительный характер. Это, так сказать, случайная и непредусмотренная связь между почтительностью и умением вести себя. Другой пример можно найти в материалах, посвященных отношениям врач–пациент, где указывается, что одна из жалоб, высказываемых врачами, заключается в том, что пациенты не моются перед приходом на обследование²¹. В то время как мытье служит средством проявления почтения к врачу, оно одновременно является для пациента способом представить себя как чистоплотного человека с хорошими манерами. Еще один пример – громкая речь, крик или пение. Эти поступки посягают на право других быть в тишине, но одновременно

²¹ *Dichter E.* A Psychological Study of the Doctor-Patient Relationship. California Medical Association, Alameda County Medical Association, 1950. P. 5–6.

демонстрируют плохое умение себя вести с дефицитом контроля над своими чувствами.

Та же связь между уважением и манерой вести себя проявлялась в церемониальных сложностях, связанных с межгрупповым взаимодействием: почтительные жесты, ожидаемые представителями одного общества, иногда оказывались несовместимыми со стандартами поведения, поддерживаемыми представителями другого. Например, в XIX в. дипломатические отношения между Британией и Китаем осложнялись тем, что низкие поклоны до земли, которые должны были выполнять послы, посещающие китайского императора, воспринимались некоторыми британскими послами как несовместимые с их самоуважением²².

Вторая связь между почтительностью и умением вести себя выражается в том, что готовность оказывать другим подобающее почтение – одно из качеств, которое обязанный его проявлять человек выражает своим поведением, точно так же как готовность достойно вести себя – это, в общем, способ демонстрации почтительности к присутствующим.

Несмотря на эти связи между почтительностью и умением вести себя, аналитические отношения между ними – отношения взаимодополнения, а не тождества. Образ себя, который индивид обязан поддерживать перед другими, – не то же самое, что его образ, который должны поддерживать другие. Проявления почтительности имеют тенденцию указывать на более широкое сообщество за пределами ситуации взаимодействия, на место, которого достиг индивид в иерархии этого сообщества. Проявления умения вести себя имеют тенденцию привлекать внимание к тем качествам, которые позволено выразить в ходе взаимодействия индивидам любого социального положения, ибо эти качества имеют большее отношение к

²² *Douglas R.K. Society in China. London: Innes, 1895. P. 291–296.*

способу, которым индивид управляет своим положением, чем к рангу и месту этого положения относительно положения других.

Далее, образ себя, который индивид морально обязан выражать своим поведением, – это своего рода оправдание и компенсация его образа, который другие должны поддерживать своим уважением к нему. Фактически каждый из двух образов может выступать как гарантия и проверка другого. Во взаимообмене, обнаруживаемом во многих культурах, индивид почтительно уступает дорогу гостям, чтобы показать, как он рад их видеть и как высоко он их ценит; в свою очередь, гости по крайней мере один раз отклоняют предложения, показывая своей манерой поведения, что им не присуща самонадеянность, нескромность или чрезмерная готовность получения одолжения. Аналогично, мужчина начинает вставать, когда появляется дама, демонстрируя уважение к ее полу; она прерывает и останавливает его жест, демонстрируя, что она не настаивает на этом, но определяет ситуацию как происходящую между равными. Так, проявляя почтительность к другим, человек предоставляет им возможность использовать эту привилегию, проявляя умение себя вести. Благодаря этому разграничению в символизирующей функции мир наполняется образами значительно лучшими, чем кто-либо заслуживает, поскольку практически полезно обозначать высокую оценку других, предоставляя им привилегии почтительности, зная при этом, что некоторые из этих привилегий будут отклонены, что будет служить проявлением умения себя вести.

Между почтительностью и умением вести себя есть и другие комплементарные отношения. Если индивид чувствует, что ему надо продемонстрировать должное умение вести себя, чтобы обеспечить почтительное обращение со стороны других, то он должен быть в состоянии делать это. Например, он должен уметь скрывать от

других те свои стороны, которые обесценили бы его в их глазах, и скрывать себя от них, когда он находится в недостойном виде, касается ли это одежды, психики, позы или действий. Ритуалы избегания, выполняемые другими по отношению к нему, предоставляют ему пространство для маневра, позволяющее ему представлять только такого себя, который заслуживает почтения; в то же время это избегание облегчает другим уверение себя в том, что их почтительность, выказываемая ему, оправдана.

Чтобы продемонстрировать различие между почтительностью и умением вести себя, я подчеркнул комплементарные отношения между ними, но даже такого рода связь может быть преувеличена. Неспособность человека продемонстрировать должное почтение к другим совсем не обязательно освобождает их от обязанности проявлять умение себя вести в его присутствии, с каким бы недовольством они это ни делали. Аналогично, неспособность человека вести себя должным образом не всегда освобождает присутствующих от отношения к нему с должной почтительностью. Именно различая понятия почтительности и умения вести себя, мы можем правильно оценить, например, тот факт, что группа людей может обладать превосходной репутацией в одном отношении и плохой репутацией – в другом. Таким образом, нам становятся понятны суждения, подобные высказыванию Де Куинси²³, что англичанин выказывает большое самоуважение, но малое уважение к другим, а француз – большое уважение к другим, но малое – к себе.

Итак, приходится видеть много случаев, когда для индивида было бы неприличным сообщать о себе то, что другие готовы сообщить ему о нем, так как каждый из этих образов является оправданием и подтверждением

²³ *De Quincey T. French and English Manners: Collected Writings of Thomas De Quincey / D. Mason (Ed.). Edinburgh: Adams and Charles Black, 1890. V. XIV. P. 327–334.*

другого, а не зеркальным его отражением. Утверждение Дж. Мида, что человек принимает то отношение к себе, которое проявляют к нему другие, оказывается очень сильным упрощением. Скорее, индивид должен полагаться на других в завершении своего портрета, в котором ему самому позволено нарисовать только определенные части. Каждый человек отвечает за свой образ умения себя вести и за почтительный образ других, так что, чтобы выразить образ человека полностью, индивиды должны взяться за руки в цепи церемоний, где каждый выражает стоящему справа с почтительностью и должным умением вести себя то, что получает с почтением от стоящего слева. Хотя, возможно, человек действительно обладает уникальным собственным Я, доказательство этого обладания является продуктом совместной церемониальной работы, а часть его, выражающаяся в умении индивида вести себя, не более значима, чем часть, передаваемая другими через их почтительное поведение по отношению к нему.

Церемониальное осквернение

Есть много ситуаций и способов, которыми может нарушиться справедливость церемонии. Бывают случаи, когда человек обнаруживает, что ему оказывают неадекватное почтение, помещая его выше или ниже, чем он, по его мнению, заслуживает. Случается, что он обнаруживает более безличное и бесцеремонное отношение к себе, чем должно быть, по его мнению, и чувствует, что его отношение должно выражаться более подчеркнутыми актами почтительности, пусть даже они привлекут внимание к его подчиненному статусу. Часто церемониальные трудности случаются в ситуациях межгрупповых контактов, так как различные общества и субкультуры обладают разными способами выражения почтительности и умения вести себя, различными церемониальными значениями

одних и тех же поступков и разной степенью заботы о таких вещах, как уравниженность и частная жизнь. Книжки о путешествиях, например книги миссис Троллоп²⁴, полны автобиографических материалов о таких случаях неверного понимания, и иногда кажется, что они были написаны главным образом для оповещения о них.

Из многих видов церемониальных нарушений есть один, который нельзя не рассмотреть в предварительной статье о церемонии, – это намеренное и сознательное использование языка церемонии, чтобы сказать то, что запрещено. Идиома, через которую устанавливаются способы должного церемониального поведения, обязательно создает идеально эффективные формы осквернения, ибо только по отношению к определенным приличиям можно научиться оценивать, что будет наихудшей возможной формой поведения. Осквернения ожидаемы, ибо каждая религиозная церемония создает возможность «черной мессы»²⁵.

При изучении людей, находящихся в фамильярных отношениях друг с другом и не нуждающихся в особых церемониях, мы часто обнаруживаем случаи использования стандартных церемониальных форм, не применимых к ситуации, в которых чувствуется подшучивание, видимо, над социальными кругами, использующими ритуалы всерьез. Находясь среди своих, медсестры в исследовательской клинике иногда шутливо обращались друг к другу «мисс...»; врачи в подобных ситуациях иногда называли друг друга «доктор» в том же шутливом тоне. Сходным образом, между актором и реципиентом, ко-

²⁴ *Mrs. Trollope. Domestic Manners of the Americans.* London: Whittaker, Treacher, 1832.

²⁵ По-видимому, есть разновидность церемониального осквернения по отношению к содержательным правилам. Иллюстрацией служит то, что в юриспруденции иногда называется «враждебными действиями», а также феномен вандализма. Но, как указывалось ранее, это способы нарушения одержательного порядка ради церемониальных целей.

которые на самом деле находятся в отношениях симметричной фамильярности, иногда происходит церемонное предложение стула или пропускание в дверь. В Британии, где речь и социальный стиль четко стратифицированы, можно обнаружить большое количество таких несерьезных профанаций ритуалов, когда представители высшего класса передразнивают церемониальные жесты низшего класса, а представители низшего класса, находясь среди своих, отвечают тем же. Практика эта, возможно, достигает наивысшего проявления в ревю мюзик-холлов, когда исполнители из низших классов прекрасно имитируют церемониальное поведение высшего класса перед аудиторией с промежуточным статусом.

Некоторая разновидность игровой профанации оказывается направленной не столько на посторонних, сколько на самого реципиента, путем легкого поддразнивания его или проверки ритуальных границ по отношению к нему. Нужно сказать, что в нашем обществе этот вид забавы адресуется взрослыми к представителям менее церемониальных категорий – детям, старикам, слугам и т.д., – например, когда санитар ласково ерошит волосы пациента или позволяет себе более сильные виды поддразнивания²⁶. Антропологи описали крайнюю форму этого типа вольности на материале «сводных братьев и сестер, которые потенциально являются дополнительными супругами»²⁷. Какими бы очевидными ни были агрессивные обертоны этой формы поведения, реципиенту дается возможность действовать так, как будто серьезно оскорбления его чести не произошло или, по крайней мере, все оскорбление сводится к тому, что его сочли тем,

²⁶ Cp. *Taxel H.* Authority Structure in a Mental Hospital Ward, Unpublished Master's Thesis, Department of Sociology, University of Chicago, 1953. P. 68; *Willoughby R.H.* The Attendant in the State Mental Hospital. Unpublished Master's Thesis, Department of Sociology, University of Chicago, 1953. P. 90.

²⁷ *Murdock G.P.* Social Structure. N.Y.: Macmillan, 1949. P. 282.

с кем дозволено шутить. В отделении Б, когда миссис Баум дали слишком маленькую для ее постели простыню, она использовала ее для шуточного захвата в плен одного из служителей. Ее дочь иногда в шутку лопала пузыри жвачки как можно ближе к лицу сотрудника отделения, не касаясь его, или поглаживала руку мужчины-сотрудника, пародируя любовные жесты, шутливо предлагая вступить с ним в сексуальные отношения.

Менее игривый вид ритуального осквернения обнаруживается в практике очернения реципиента в такой манере и под таким углом, что у реципиента остается право поступать так, будто он не получал унижающего сообщения. В отделении Б, где в профессиональные обязанности персонала входило «устанавливать контакт» с пациентами и отвечать им дружелюбно, медсестры иногда могли вполголоса бормотать ругательства, когда пациенты оказывались беспокойными и трудными. В свою очередь, пациенты использовали то же оружие. Когда медсестра поворачивалась спиной, пациенты иногда показывали язык, приставляли большой палец к носу или корчили ей рожи. Это, естественно, стандартные формы ритуального презрения в нашем англо-американском обществе, образующие своего рода почтительность со знаком «минус». Можно привести другие примеры. Один раз миссис Баум, на забаву остальным присутствующим, повернулась задом к окошку поста, наклонилась и задрала юбку в акте ритуального презрения, который явно некогда был более распространен, чем теперь. Во всех этих случаях видно, что хотя церемониальные вольности и применяются по отношению к реципиенту, но его не настолько презирают, чтобы оскорблять «в лицо». Это разграничение между тем, что сообщается о реципиенте во время разговора с ним, и тем, что может быть сообщено о нем во время разговора не с ним, является в нашем обществе базовым церемониальным ин-

ститутом, гарантирующим, что взаимодействие лицом к лицу будет, вероятно, взаимно одобрительным. Степень глубины этого разграничения можно оценить в психиатрических отделениях, где наблюдается сотрудничество пациентов с тяжелыми нарушениями с персоналом, что служит поддержанию видимости сохранения этого разграничения.

Но, конечно, есть ситуации, где актер выражает ритуальное оскорбление реципиента, будучи официально вовлечен в разговор с ним или таким образом, что оскорбление нельзя не заметить. Вместо описания и классификации этих ритуальных оскорблений исследователи склонны все их подводить под психологическую «крышу», нацепляя ярлычок «агрессии» или «враждебных вспышек» и переходя к другим аспектам исследования.

В некоторых психиатрических отделениях ритуальное оскорбление лицом к лицу – постоянное явление. Пациенты могут оскорблять персонал или других пациентов, плюя в них, давая пощечины, бросая в них фекалии, срывая с них одежду, сталкивая со стула, отбирая еду из рук, крича им в лицо, сексуально приставая и т.д. В отделении Б Бетти иногда могла шлепать и бить свою мать по лицу, наступать на босые ноги матери тяжелыми башмаками, оскорблять ее за столом теми словами из четырех букв, которые дети среднего класса обычно избегают употреблять в отношении своих родителей, тем более в их присутствии. Повторю, что хотя с точки зрения актера это осквернение может быть продуктом слепого импульса или иметь особый символический смысл²⁸, с точки зрения общества в целом и его церемониального языка это не случайные импульсивные нарушения. Наоборот, эти поступки как раз рассчитаны на то, чтобы через симво-

²⁸ *Schwartz M.S., Stanton A.H. A Social Psychological Study of Incontinence // Psychiatry, 13. 1950. P. 319–416.*

лическое значение передать полное неуважение и презрение. Что бы ни было на уме у пациента, швыряние фекалий в санитаря – это использование идиомы нашего церемониального языка, которая является столь же посвоему утонченной, как грациозный и пышный поясной поклон. Знает это пациент или нет, он говорит на том же ритуальном языке, что и держащие его в неволе; он просто выражает то, что они не хотят слышать, ибо поведение пациента, не несущее ритуального значения в понятиях повседневного церемониального языка персонала, не будет восприниматься персоналом вообще.

Помимо осквернения других, индивиды по разнообразным причинам и в разных ситуациях создают видимость осквернения самих себя, поступая таким образом, который кажется специально придуманным для разрушения их образа в глазах других как людей, заслуживающих почтения. Церемониальное умерщвление плоти было характерной чертой многих социальных движений. По-видимому, дело не в неумении себя вести, а в напряженных усилиях индивида, чувствительного к высоким стандартам поведения, поступать вопреки собственным интересам и использовать церемониальные средства для представления себя по возможности в наилучшем свете.

Во многих психиатрических отделениях типично то, что кажется персоналу и другим пациентам самоосквернением. Например, наблюдаются пациентки, которые систематически выдирают из головы все свои волосы, представляя себя в гарантированно гротескном виде. Крайнюю для нашего общества степень самоосквернения, видимо, можно обнаружить в пациентах, мажущих себя своими фекалиями и поедающих их²⁹.

²⁹ Wittkower E.D., *La Tendresse J.D.* Rehabilitation of Chronic Schizophrenics by a New Method of Occupational Therapy // *British Journal of Medical Psychology*, 28. 1955. P. 42–47.

Самоосквернение, конечно, случается и на вербальном уровне. Так, в отделении А высокие стандарты манеры поведения нарушались слепой пациенткой, которая за столом иногда навязывала остальным присутствующим обсуждение своего физического недостатка, с жалостью к себе твердя о том, насколько она для всех бесполезна и что, как бы вы ни относились к этому, она слепа. Аналогично, в отделении Б Бетти имела обыкновение говорить, насколько она уродлива, толста и что никто не захотел бы иметь такую своей подружкой. В обоих случаях это самоуничижение, выходящее за пределы вежливого самообесценивания, воспринималось как бремя для других: они были готовы осуществлять защитное избегание в отношении недостатков индивида и ощущали несправедливым насильственное вовлечение себя в неприятное столкновение с чужими проблемами.

Заключение

Правила поведения, связывающие актора и реципиента, – это скрепы общества. Но многие поступки индивидов, руководствующихся этими правилами, происходят нечасто или требуют для своего завершения много времени. Следовательно, редкими могут быть возможности для подтверждения морального порядка, принятого в общества. Именно здесь церемониальные правила выполняют свою социальную функцию, ибо многие поступки, вытекающие из этих правил, длятся только короткий момент, не влекут существенных затрат и могут выполняться в каждом социальном взаимодействии. Какова бы ни была деятельность, сколь бы она ни являлась грубо инструментальной, в ней содержится много возможностей для небольших церемоний, коль скоро в ней присутствуют другие люди. Через эти обряды, руководимые церемониальными обязанностями и ожиданиями, в

обществе все время распространяется поток индульгенций, а другие присутствующие постоянно напоминают индивиду, что он должен в общении с ними проявлять хорошие манеры, подтверждая священное достоинство других людей. Жесты, которые мы иногда называем пустыми, возможно, на самом деле являются самой наполненной вещью из всех.

Поэтому важно видеть, что *Я* – это отчасти церемониальная вещь, сакральный объект, к которому нужно относиться с должной ритуальной заботой и который, в свою очередь, должен представляться другим в правильном свете. Средством, с помощью которого формируется это *Я*, служат должные манеры поведения индивида при контакте с другими людьми и почтительность с их стороны. Пожалуй, столь же важно, что если индивиду приходится играть в этот вид сакральной игры, то для нее должно быть обеспечено подходящее поле. Окружающая среда должна гарантировать, что индивид не будет платить слишком высокую цену за хорошие манеры и что ему будет оказано почтение. Практики почтительности и умения вести себя должны быть институционализированы так, чтобы индивид был в состоянии проявить жизнеспособное, сакральное *Я* и остаться в игре на должной ритуальной основе.

Окружающая среда в понятиях церемониального компонента деятельности – это место, где легко либо сложно играть ритуальную игру обладания *Я*. Там, где церемониальные практики вполне институционализированы, как в отделении А, окажется легко быть человеком. Почему одно отделение становится местом, в котором легко иметь *Я*, а другое отделение – местом, где это трудно, отчасти зависит от типа набранных пациентов и режима, который пытается поддерживать персонал.

Одно из оснований, по которому психиатрические больницы во всем мире разделяют своих пациентов, – это

совокупность видимых проявлений психического заболевания. В общем это значит, что пациентов сортируют по степени, в которой они нарушают церемониальные правила социальных взаимоотношений. Существуют весьма серьезные практические основания для разделения пациентов таким способом, но на самом деле эта система часто нарушается, если никто не заботится о том, чтобы так делать. Однако такая классификация очень часто означает, что люди, проявляющие невежливость в одних областях поведения, помещаются в тесную компанию с теми, кто невежлив в других областях. Так, индивиды, менее всего готовые демонстрировать постоянно поддерживаемое Я, помещаются в среду, где практически невозможно это делать.

Именно в этом контексте мы можем повторно рассмотреть некоторые интересные аспекты влияния принуждения и ограничения на индивида. Если индивиду надо действовать с должными манерами поведения и демонстрировать должную почтительность, то ему будут необходимы области самоопределения, а также расходуемый запас небольших индulgенций, которые окружающий социум использует в своей метафоре уважения, – таких как сигареты для угощения, стул для предложения, еда для угощения и т.д. Он должен обладать свободой движений, чтобы он мог принять позу, передающую должную почтительность к другим и надлежащее умение себя вести со своей стороны. Для пациента, привязанного к кровати, оказывается практически невозможным не очернить себя, не говоря уже о том, чтобы встать в присутствии дамы. У человека должен быть запас подходящей чистой одежды, если он собирается появляться в том виде, которого ожидают от человека, умеющего себя вести. Чтобы выглядеть пристойно, могут потребоваться галстук, ремень, шнурки, зеркало, бритвенные лезвия – все то, что администрация может

считать неблагоприятным давать пациенту. Он должен иметь доступ к столовым приборам, которые его общество определяет как подходящие для употребления, и может обнаружить, что мясо невозможно аккуратно есть картонной ложкой. И, наконец, он должен быть в состоянии отклонить без чрезмерных издержек для себя определенные виды работы, теперь иногда называемые «трудовой терапией», которые его социальная группа считает *infra dignitatem**.

Когда индивид подчиняется чрезмерным ограничениям, он автоматически выталкивается из круга приличий. Знаковые средства или физические символы, через которые выполняются привычные церемонии, ему недоступны. Другие могут демонстрировать церемониальное внимание к нему, но для него становится невозможным отвечать взаимностью или поступать так, чтобы показать себя достойным получения его. Ему доступны только неуместные церемониальные заявления.

История ухода за психиатрическими пациентами – это история ограничивающих приспособлений: ограничительные перчатки, смирительные рубашки, цепи на полу или на сиденьях, наручники, «намордник», мокрые простыни, наблюдение за туалетом, обливание водой, больничная одежда, еда без вилок и ножей и т.д.³⁰ Использование этих приспособлений дает важные сведения о способах, которыми можно отнять церемониальную почву у личности. Косвенно мы можем извлечь из сказанного информацию об условиях, которые должны удовлетворяться, чтобы люди могли обладать Я. К несчастью, сегодня еще существуют психиатрические учреждения, где то,

* Ниже своего достоинства (лат.). – *Примеч. перев.*

³⁰ См. *Thomas W.R. The Unwilling Patient // Journal of Medical Science*, 99. 1953, особенно с. 193; *Walk A. Some Aspects of the 'Moral Treatment' of the Insane up to 1854 // Journal of Medical Science*, 100. 1954. P. 191–201.

что для других больниц уже в прошлом, можно эмпирически изучать еще сейчас. Исследователям межличностных церемоний следует разыскивать эти учреждения так же упорно, как исследователи родовых отношений разыскивали исчезающие культуры.

В этой главе я предположил, что мы можем многое узнать о церемониях, исследуя современную светскую ситуацию, ситуацию человека, который отказался использовать церемониальный язык своей группы в приемлемой манере и был госпитализирован. С кросс-культурной точки зрения удобно рассматривать это как продукт нашего сложного разделения труда, которое соединяет пациентов вместо того, чтобы оставить каждого в его локальном кругу. Далее, это разделение труда также соединяет вместе тех, чья задача состоит в уходе за этими пациентами.

Таким образом, мы приходим к особой дилемме больничного работника: как член более широкого общества он должен предпринимать действия против психиатрических пациентов, нарушивших правила церемониального порядка, но профессиональная роль обязывает его ухаживать за этими самыми людьми и защищать их. Когда акцент ставится на «терапию средой», эти обязанности требуют от него проявлять тепло в ответ на враждебность, внимание в ответ на отчуждение.

Мы видели, что сотрудники клиники должны наблюдать неприличное поведение, не применяя обычных негативных санкций, и тем не менее они вынуждены использовать неуважительное принуждение по отношению к своим пациентам. Третья особенность заключается в том, что сотрудники могут быть обязаны оказывать пациентам такие услуги, как смена носков, завязывание шнурков или подстригание ногтей, которые вне больницы обычно означают крайнюю степень почтительности. В больничных условиях такие поступки, очевидно, передают нечто

неадекватное, так как санитар в то же время выказывает определенную власть и моральное превосходство по отношению к своему питомцу.

Заключительная особенность церемониальной жизни психиатрической больницы состоит в том, что индивиды терпят крах в качестве единиц минимальной церемониальной сущности, и другие узнают, что то, что они считали само собой разумеющимся, на самом деле поддерживается правилами, которые могут быть нарушены с некоторой безнаказанностью. Такое понимание, подобно пониманию, приходящему на войне или похоромах родных, мало обсуждается, но оно имеет тенденцию связывать вместе персонал и пациентов в группу, поневоле разделяющую нежеланное знание.

Итак, современное общество помещает нарушителей церемониального порядка в одно место вместе с некоторыми обычными членами общества, зарабатывающими там себе на жизнь. Они обитают в месте, где делаются немислимые поступки, которые находят немислимое понимание, хотя некоторые сохраняют верность внебольничному церемониальному порядку. Обычные люди должны как-то выработать механизмы и приемы для жизни без определенных видов церемоний.

В данной статье я предположил, что идеи Э. Дюркгейма о примитивной религии могут быть переведены в понятия почтительности и умения себя вести и что эти понятия помогают нам уловить некоторые аспекты городской светской жизни. Следствием является то, что в некотором отношении этот светский мир не столь нерелигиозен, как мы могли бы думать. Со многими богами покончено, но сам индивид упорно остается «божеством» значительной важности. Он ходит с определенным достоинством и принимает много мелких подношений. Он ревниво относится к положенному почитанию себя, хотя, если к нему правильно подойти, он готов простить тех,

кто мог его обидеть. Сравнивая свой статус с его, некоторые люди сочтут его «недостойным», а другие найдут, что «недостойны» его, в любом случае обнаруживая, что должны относиться к нему с ритуальной заботой. Быть может, человек – столь жизнеспособный «бог» потому, что может действительно понять церемониальную значимость способа, которым к нему относятся, и вполне самостоятельно ответить на то, что ему предлагается. В контактах между такими «божествами» нет нужды в посредниках; каждый из этих «богов» может служить собственным жрецом.

Смушение и социальная организация

Человек может распознать крайнее смушение у других и даже у себя по объективным признакам эмоциональных нарушений: покраснение, чувство неловкости, заикание, необычно низкий или высокий, дрожащий или срывающийся голос, потение, бледность, моргание, дрожащие руки, нерешительные движения, выражающие колебание, рассеянность и неправильное употребление слов. Как заметил Дж. Марк Болдуин, при застенчивости могут быть «опущенные глаза, наклоненная голова, убранные за спину руки, нервные прикосновения к одежде или заламывание пальцев, заикание с несколько бессвязно выражаемой в речи мыслью»¹. Бывают также субъективные симптомы: спазм диафрагмы, ощущение дрожи, осознание напряженности и неестественности жестов, чувство ошеломления, сухость во рту, напряжение мышц. В случаях легкого замешательства это видимое и невидимое волнение происходит в менее заметной форме.

Согласно популярной точке зрения, во взаимодействии вполне естественно быть непринужденным, смушение же является прискорбным отклонением от нормального состояния. Действительно, индивид мог бы сказать, что чувствует себя в ситуации «естественно» или «неестественно», подразумевая, что он чувствует себя комфортно или смушено во взаимодействии. Тот, кто часто испытывает смушение в присутствии других, рассматривается как страдающий от неоправданного чув-

¹ Baldwin J.M. Social and Ethical Interpretations in Mental Development. London, 1902. P. 212.

ства собственной неполноценности и, вероятно, нуждающийся в терапии².

Чтобы опереться на синдром волнения при анализе смущения, сначала нужно различить два вида обстоятельств, в которых оно случается. Во-первых, индивид может волноваться, если он занят задачей, которая сама по себе не имеет для него ценности за исключением того, что его долгосрочные интересы требуют от него безопасного, компетентного и быстрого ее выполнения, и он боится не соответствовать требованиям задачи. Дискомфорт будет ощущаться в ситуации, но, в некотором смысле, не из-за нее; фактически, индивид часто будет не в состоянии справиться с ней просто потому, что слишком охвачен тревогой из-за того, что может стоять за ней. Важно, что человек может оказаться в смятении, хотя другие при этом не присутствуют.

Данная статья затрагивает не эти случаи инструментальной досады, а, скорее, те виды волнения, что происходят в ясной связи с реальным или воображаемым присутствием других. Что бы там ни было, смущение имеет отношение к роли, которую человек играет перед другими, ощущая в этот момент их присутствие. Основная забота – впечатление, которое человек производит на других сейчас, какова бы ни была долговременная или

² Изошренной версией этого является психоаналитический взгляд, предполагающий, что неловкость в социальном взаимодействии – результат нереалистичных ожиданий внимания, базирующихся на несбывшихся ожиданиях родительской поддержки. Предположительно, цель терапии – заставить индивида увидеть эти симптомы в их истинном психодинамическом свете, предполагая, что после этого он, возможно, перестанет в них нуждаться (см. *Schilder P.* The Social Neurosis // *Psychoanalytical Review*. 1938, V. XXV. P. 1–19; *Piers G., Singer M.* Shame and Guilt: A Psychoanalytical and a Cultural Study. Springfield (Ill.): Charles C. Thomas, 1953, особенно p. 26; *Rangell L.* The Psychology of Poise // *International Journal of Psychoanalysis*. 1954. V. XXXV. P. 313–332; *Ferenczi S.* Embarrassed Hands // *Further Contributions to the Theory and Technique of Psychoanalysis*. London: Hogarth Press, 1950. P. 315–316).

бессознательная основа этой заботы. Эта изменчивая конфигурация присутствующих – наиболее важная референтная группа.

Словарь смущения

Социальная встреча – это случай взаимодействия лицом к лицу; взаимодействия, начинающегося, когда люди узнают, что вторглись в зону непосредственного присутствия друг друга, и заканчивающегося осознанием ухода от взаимного участия во взаимодействии. Встречи заметно отличаются друг от друга целями, социальными функциями, типами и количеством участников, обстановкой и т.д., и хотя здесь будут рассматриваться только словесные контакты, очевидно, что существуют и такие, в которых не говорится ни слова. Тем не менее, по крайней мере в нашем англо-американском обществе, нет социальных встреч, которые не могли бы смутить одного или нескольких из ее участников, порождая то, что иногда называется инцидентом или фальшивой нотой. Вслушиваясь в этот диссонанс, социолог может делать обобщения относительно путей, которыми взаимодействие может пойти наперекосьяк, и, косвенно, относительно условий, необходимых для того, чтобы взаимодействие шло хорошо. В то же время он получает хорошее доказательство того, что все встречи принадлежат к одному естественному классу, подпадающему под одну схему анализа.

Кем вызван смущающий инцидент? Кого он смущает? За кого ощущается смущение? Не всегда участники чувствуют смущение за конкретного человека; смущение может быть за пару участников, которые вместе испытывают трудности, и даже за встречу в целом. Далее, если индивид, из-за которого ощущается смущение, воспринимается в качестве ответственного представителя какой-то фракции или подгруппы (как очень часто бывает в случае взаимодействия трех и более человек), то члены этой

фракции готовы испытывать смущение и испытывать его за себя. Но хотя промах или бестактность могут означать, что индивид в одно и то же время является причиной инцидента, тем, кого инцидент смущает, и тем, из-за кого он смущается, это, пожалуй, не типичный случай, ибо в этом случае границы эго оказываются особенно слабыми. Когда индивид оказывается в ситуации, которая должна заставить его покраснеть, другие присутствующие, скорее всего, краснеют вместе с ним или из-за него, хотя ему может недоставать чувства стыда или понимания обстоятельств, чтобы покраснеть самому.

Слова «смущение», «замешательство» и «неловкость» используются здесь в континууме значений. Некоторые случаи смущения, по-видимому, имеют резко взрывной характер; за внезапным беспокоящим событием следует немедленный пик переживания смущения, а затем – медленное возвращение к предыдущей легкости; все фазы проходят за одну встречу. Таким образом, плохой момент портит ситуацию, которая в ином случае была бы эйфоричной.

Однако в других случаях мы обнаруживаем, что иногда смущение поддерживается на одном уровне на протяжении встречи с самого начала и до ее завершения. Участники говорят о неудобной или неловкой ситуации, а не о смущающем инциденте. В таком случае, естественно, вся ситуация становится для одной или нескольких сторон инцидентом, вызывающим смущение. Внезапное смущение часто может быть интенсивным, а затянувшаяся неловкость чаще несильная, включающая едва заметное волнение. Встреча, в которой оказывается возможным случайное внезапное смущение, может вследствие этого бросить на участников тень длительного чувства неловкости, превращая всю встречу в сам инцидент.

Рисуя портрет смущенного индивида, мы полагаемся на образы из механики: может утрачиваться равновесие или самоконтроль, нарушаться баланс. Несомненно, от-

части эти образы порождаются физическим характером волнения. В любом случае, сильно взволнованный человек не может на это время мобилизовать свои мышечные и умственные ресурсы для решения текущей задачи, несмотря на свое желание; он не может так реагировать на окружающих, чтобы гладко поддерживать разговор. Он и его взволнованные действия блокируют поддерживаемую другими линию деятельности. Он присутствует при них, но он не «в игре». Другие могут быть вынуждены остановиться и переключить свое внимание на препятствие; тема разговора забывается, и энергия направляется на задачу восстановления спокойствия взволнованного человека, старательного игнорирования его или избегания его присутствия.

Чувствовать себя комфортно во взаимодействии и волноваться – явления прямо противоположные. Чем больше одного, тем меньше, в целом, другого; следовательно, через их противопоставление каждый из этих видов поведения может пролить свет на характерные черты другого. Взаимодействие лицом к лицу в любой культуре требует именно тех способностей, которые волнение гарантировано разрушает. Поэтому события, приводящие к смущению, и методы его избегания и рассеяния задают возможную кросс-культурную схему для социологического анализа.

Удовольствие или неудовольствие, которые социальная встреча доставляет индивиду, и привязанность или враждебность, испытываемые им к другим участникам, могут иметь неоднозначную связь с его самообладанием или отсутствием такового. Compliments, exclamations of approval, unexpected reward могут привести реципиента в состояние радостного смущения, в то время как жаркая ссора может провоцироваться и поддерживаться при сохранении человеком спокойствия и полного владения собой. Важнее то, что существует разновидность комфорта, которая оказывается формальным свойством ситуации и

связана с последовательностью и решительностью, с которыми индивид принимает хорошо интегрированную роль и преследует краткосрочные цели, не имеющие никакого отношения к содержанию самих действий. Чувство замешательства само по себе оказывается неприятным, но вызывающие его обстоятельства могут иметь непосредственные приятные последствия для того, кто находится в замешательстве.

Несмотря на эти разнообразные взаимосвязи между неудовольствием и замешательством, волнение, по крайней мере в нашем обществе, считается свидетельством слабости, неполноценности, низкого статуса, моральной вины, поражения и других незавидных качеств. И, как ранее говорилось, волнение угрожает самой встрече, разрушая гладкость передачи и приема информации, посредством которых поддерживается встреча. Когда любой из этих источников порождает замешательство, понятно, что взволнованный человек будет прилагать некоторые усилия, чтобы скрыть свое состояние от других присутствующих. Застывшая улыбка, нервный пустой смех, находящиеся в постоянном движении руки, опущенный вниз взгляд, скрывающий выражение глаз, стали известны как признаки попыток скрыть смущение. Как говорит лорд Честерфилд: «Попав в общество, они стесняются и приходят в такое замешательство, что совершенно не знают, что делать, и вынуждены пускаться на всевозможные ухищрения только для того, чтобы не потерять самообладания, в дальнейшем же все эти ухищрения превращаются в привычки. Одни ковыряют в носу, другие почесывают затылок, третьи крутят в руках шляпу, словом, у каждого неуклюжего, невоспитанного человека есть свои особые выверты»³.

³ Letters of Lord Chesterfield to His Son. N.Y.: E.P. Dutton and Co., 1929. P. 80 (рус. пер.: *Честерфилд. Письма к сыну. Максими. Характеры.* М.: Наука, 1978. С. 54. — *Примеч. ред.*)

Эти жесты служат индивиду ширмой, за которой он прячется, пытаясь совладать со своими чувствами и вернуться в игру.

Желая скрыть свое смущение, умея управлять собой и учитывая обстановку, индивид может выглядеть уравновешенным согласно некоторым внешним признакам, однако менее заметные признаки выдают смущение. Так, произнося публичную речь, он может преуспеть в контроле своего голоса и производить впечатление легкости, тем не менее те, кто сидит на трибуне близ него, могут увидеть, что у него дрожат руки или что лицевой тик выдает обманчивость спокойствия, написанного на его лице.

Так как человеку не нравится чувствовать себя или казаться смущенным, тактичные люди будут избегать ставить его в такое положение. Кроме того, они часто будут делать вид, будто не замечают, что он утратил самообладание или имеет основания для утраты его. Они могут пытаться скрыть признаки узнавания его состояния и спрятаться за тем же типом прикрывающих жестов, который мог использовать он. Таким образом, они защищают его лицо и его чувства и, предположительно, облегчают ему возвращение самообладания или, по крайней мере, сохранение того, что у него еще осталось. Однако, точно так же как взволнованный индивид может не суметь скрыть свое смущение, те, кто видит его дискомфорт, могут потерпеть неудачу в попытке скрыть, что они видят его смущение. Тогда все участники взаимодействия осознают, что его смущение обнаружено и его не удалось скрыть, а уж коль скоро это произошло, то обычная включенность во взаимодействие может привести к болезненному концу. Во всех этих «танцах» между скрывающим и тем, от кого скрывают, смущение создает ту же проблему и управляется теми же способами, как и любое другое нарушение приличий.

Часто наступает критический момент, когда взволнованный человек отказывается от попыток скрыть или преуменьшить свою неловкость: у него случается приступ слез или смеха, вспышка гнева, приступы слепой ярости, он падает в обморок, бросается к ближайшему выходу или становится ригидно неподвижным, как при панике. После этого ему очень трудно вернуть себе самообладание. Он реагирует новыми ритмами, признаками глубокого эмоционального переживания и вряд ли может создавать даже слабое впечатление того, что он заодно с другими участниками взаимодействия. Короче говоря, он отрекается от своей роли человека, поддерживающего контакт. Момент кризиса, конечно, социально детерминирован: момент напряжения индивида – это момент напряжения группы, чьих эмоциональных стандартов он придерживается. В редких случаях все участники контакта могут проходить этот момент вместе и вместе терпеть неудачу в поддержании даже видимости обычного взаимодействия. Маленькая социальная система, которую они создают во взаимодействии, рушится, они отходят друг от друга или поспешно стараются принять новый набор ролей.

Понятия «выдержка», «хладнокровие» и «апломб», относящиеся к способности сохранять самообладание, надо отличать от того, что называется «любезность», «такт» или «социальные навыки», то есть от способности избегать вызывать смущение у себя и у других. Выдержка играет важную роль в общении, ибо она гарантирует, что присутствующие не потерпят неудачу в разыгрывании своих ролей во взаимодействии; до тех пор, пока они находятся в присутствии других людей, они будут получать и передавать упорядоченные сообщения. Не удивительно, что испытание насмешками – тест, через который проходит каждый молодой человек, пока не выработает способность поддерживать самообладание.

ние⁴. Нечего удивляться тому, что многие наши игры и виды спорта акцентируют темы самообладания и смущения: в покере сомнительные претензии могут принести деньги игроку, который может предъявить их спокойно; в дзюдо специально ведется борьба за поддержание или потерю самообладания; в крикете при напряжении должен сохраняться самоконтроль, или «стиль».

Индивид обычно знает, что некоторые специфические ситуации всегда вызывают у него дискомфорт и что есть определенные «дефектные» взаимоотношения, которые всегда заставляют его чувствовать неловкость. Его повседневный круг социальных встреч, несомненно, детерминирован его основными социальными обязанностями, но он немного отклоняется от этого круга в поисках не вызывающих смущения ситуаций и уходя от тех, которые смущают его. Индивид, твердо убежденный, что у него слабая выдержка, возможно, даже преувеличивая свой недостаток, робок и застенчив; боясь всех встреч, он всегда стремится сократить их или совсем избежать. Особенно ярким примером этого является заика, демонстрирующий нам цену, которую индивид может быть готов платить за свою социальную жизнь⁵.

Причины смущения

Смущение должно быть связано с несбывшимися ожиданиями (но не статистического типа). Участники, учитывая свою социальную идентичность и обстоятель-

⁴ Одна интересная форма, в которой такое испытание было институционализировано в Америке, особенно среди негритянского населения низшего класса, – это «игра в дюжины» (см. *Dollard J. Dialectic of Insult // American Imago*, 1. 1939. P. 3–25; *Berdie P.F.B. Playing the Dozens // Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1947. V. XLII. P. 120–121). О дразнении вообще см. *Sperling S.J. On the Psychodynamics of Teasing // Journal of the American Psychoanalytical Association*, 1. 1953. P. 458–483.

⁵ См. *Heltman H.J. Psychosocial Phenomena of Stuttering and Their Etiological and Therapeutic Implications // Journal of Social Psychology*. 1938. V. IX. P. 79–96.

ства, будут ощущать, какой вид поведения *должен* поддерживаться как подходящий, к каким бы последствиям ни привело его осуществление. Человек может твердо ожидать, что определенные люди с легкостью приведут его в смущение, и это знание может увеличивать его замешательство вместо того, чтобы уменьшать его. Полностью неожиданная вспышка искусства социальной инженерии может спасти ситуацию тем эффективнее, чем более она непредвиденна.

Ожидания, связанные со смущением, относятся к категории нравственных, но смущение не возникает из нарушения *любых* нравственных ожиданий, так как некоторые нарушения вызывают подъем решительного морального негодования без всякой неловкости. В поисках нарушений, вызывающих смущение, мы, скорее, должны обратиться к моральным обязанностям, которые лежат на индивиде в связи только с одной из его способностей – способностью осуществлять социальные контакты. Конечно, индивид обязан оставаться спокойным, но спокойствие говорит нам о том, что дела идут хорошо, но не о том, почему они так идут. Идут ли дела хорошо или плохо, зависит от того, как воспринимаются социальные идентичности присутствующих.

В ходе взаимодействия ожидается, что человек обладает определенными качествами, способностями и информацией. Все они, вместе взятые, входят в *Я*, которое одновременно представляет собой устойчивую целостность и адекватно происходящему. Через экспрессивные последствия потока своего поведения, просто через само участие индивид эффективно проецирует это приемлемое *Я* во взаимодействие, хотя может этого не осознавать, а другие могут не осознавать, что так интерпретируют его поведение. В то же самое время он должен принимать и почитать *Я*, проецируемые другими участниками. Тогда элементы социальной встречи состоят из проецируемых

требований к приемлемому Я и подтверждения подобных требований со стороны других. Вклады всех ориентированы на них и построены на их основе.

Когда событие ставит под сомнение эти требования или дискредитирует их, тогда обнаруживается, что встреча основывалась на допущениях, на которые больше нельзя полагаться. Реакции, которые подготовили стороны, теперь неуместны и должны быть подавлены, а взаимодействие нужно перестроить. В такие моменты индивид, чье Я находилось под угрозой (индивид, из-за которого испытывают смущение), и индивид, который ему угрожал, – оба могут стыдиться того, что они вместе вызвали, разделяя это чувство именно тогда, когда у них есть основание чувствовать обособленность. И эта совместная ответственность является единственно правильной. По стандартам более широкого общества, возможно, только дискредитированный человек должен чувствовать себя пристыженным; но по стандартам маленькой социальной системы, поддерживаемой на протяжении взаимодействия, дискредитирующий точно так же виновен, как человек, которого он дискредитирует, иногда даже больше. Если он играл роль тактичного человека, то, разрушая образ другого человека, он разрушает свой собственный.

Но, конечно, неприятности не ограничиваются виновной парой или теми, кто сочувственно идентифицировался с ними. Не имея установленного и законного объекта для разыгрывания до конца спектакля своего единства, другие обнаруживают себя в состоянии неустойчивости и замешательства. Вот почему смущение оказывается заразительным, раз начавшись, оно расходится все более широкими кругами замешательства.

Есть много классических обстоятельств, в которых Я, проецируемое индивидом, может быть дискредитировано. Это вызывает у него стыд и смущение за то, что он сделал или показалось, что сделал, по отношению к себе или

взаимодействию. Пережить внезапное изменение статуса, например вследствие брака или повышения по службе, – значит приобрести Я, которое другие люди будут не полностью принимать из-за длительной привязанности к старому Я. Просить о работе, займе денег или о браке – значит проецировать образ Я как достойный в условиях, когда у человека, который может дискредитировать это допущение, есть для этого хорошие основания. Воздействовать на стиль старших по положению в профессиональном или социальном плане означает выдвигать требования, которые легко могут быть дискредитированы недостаточным знакомством человека с ролью.

Физическая структура самой встречи обычно имеет определенные символические следствия, иногда ведущие участника против его воли к выражению фальшивых и вызывающих смущение притязаний. Физическая близость легко предполагает социальную близость, как известно любому, очутившемуся на интимной вечеринке, не предназначенной для него, или человеку, вынужденному вести братский «разговор о пустяках» с кем-то занимающим слишком высокое или низкое положение или слишком чужим, чтобы обладать соответствующим статусом в контакте. Подобным образом, если должен состояться разговор, кто-то должен начинать, поддерживать и завершать его; и эти акты могут предполагать иерархию и власть, не соответствующие фактическим, что также вызывает неловкость.

Различные виды повторяющихся контактов в данном обществе могут привести к допущению, что их участники выработали определенные моральные, умственные и физиогномические стандарты. Терпящий неудачу человек может везде обнаруживать себя непроизвольно выдвигающим претензии на идентичность, которым он сам не в состоянии соответствовать. Ставя себя под удар в каждой встрече, в которую он вступает, он воистину носит «коло-

кольчик прокаженного». Человек, который в наибольшей степени изолирует себя от социальных контактов, может быть меньше всего отделенным от требований общества. И если только он предполагает, что обладает неприемлемым качеством, его оценка себя может быть ошибочной, но, в свете его ухода от контактов, обоснованной. В любом случае, решая, реальны или воображаемы основания для застенчивости у данного индивида, нужно искать не «обоснованные» недостатки, а гораздо более широкий диапазон характеристик, которые действительно затрудняют протекание встреч.

Во всех этих условиях происходит одна и та же фундаментальная вещь: имеющиеся экспрессивные факты ставят под угрозу или дискредитируют допущение, которое, как обнаруживает участник, он проецировал относительно своей идентичности⁶. После этого присутствующие обнаруживают, что не могут ни действовать без допущений, ни основывать на них свои реакции. Пригодная для существования реальность съезживается, пока каждый не почувствует себя униженным и не на своем месте.

Можно отметить дополнительное осложнение. Часто важные каждодневные случаи смущения возникают, когда проецируемое Я как-то противостоит другому Я, которое, хотя и валидно в других контекстах, не может сохраняться здесь в гармонии с первым. Смущение, таким

⁶ Вдобавок к другим своим неприятностям, он дискредитировал свою скрытую претензию на самообладание. Далее, он ощутит, что у него есть причина смутиться своего смущения, пусть даже никто из присутствующих не заметил его замешательства на ранних стадиях. Но здесь требуется оговорка. Когда человек, получив комплимент, краснеет от скромности, он может утратить свою репутацию владеющего собой, но подтвердить более важную – скромного человека. Благодаря ощущению, что его замешательство – не то, чего надо стыдиться, его смущение не заставляет его смущаться. С другой стороны, когда смущения явно ожидают как обоснованной реакции, тот, кто не смущается, может выглядеть бесчувственным и испытать смущение из-за этого.

образом, приводит нас к вопросу о «сегрегации ролей». Каждый индивид обладает более чем одной ролью, но его спасает от ролевой дилеммы «сегрегация аудитории», ибо обычно те, перед кем он играет одну из своих ролей, – это не те, перед кем он играет другую, что позволяет ему быть разным человеком в разных ролях, не дискредитируя ни одну из них.

Однако в каждой социальной системе есть времена и места, где сегрегация аудитории регулярно нарушается и где индивиды предъявляют друг другу свои Я, не совместимые с теми Я, которые они предъявляли друг другу в других случаях. В такие моменты смущение, особенно в легкой форме, ясно демонстрирует, что оно коренится не в индивиде, а в социальной системе, где у человека есть несколько Я.

Область смущения

Начав с психологических моментов, мы постепенно подошли к структурной социологической точке зрения. Прецедент идет от социальных антропологов и анализа ими шуток и избегания. Предполагается, что смущение – это нормальная часть нормальной социальной жизни; человек испытывает неловкость не потому, что лично плохо приспособлен. Скорее наоборот – вероятно, любой с его комбинацией статусов поступил бы так же. В эмпирическом исследовании конкретной системы первый объект, который надо исследовать, – это то, какие категории людей испытывают смущение в каких повторяющихся ситуациях. Вторым пунктом следовало бы раскрыть, что произошло бы с социальной системой и схемами обязанностей, если бы смущение систематически не встраивалось в нее.

Можно привести иллюстрацию из социальной жизни больших учреждений – офисов, школ, больниц и т.д. Здесь, в лифтах, холлах и кафетериях, у газетных киосков, тор-

говых автоматов, буфетных стоек и входов все участники часто формально находятся в равных, хотя и отдаленных отношениях⁷. Говоря в терминах Бенуа-Смаллиана, находит выражение *situs**, а не *status*** или *locus****⁸. Противоречие этих отношений равенства и дистанции – другой род взаимоотношений, возникающий в рабочей группе, члены которой ранжированы на основании таких вещей, как престиж и авторитет, но тем не менее сближаются на основе общего дела и личного знакомства друг с другом.

Во многих больших организациях скользящий график работы, отдельные кафетерии и т.п. помогают гарантировать, что те, кто обладает разным рангом и близки в одной системе взаимоотношений, не окажутся в ситуации физической близости, где от них будет ожидатьс подержание равенства и дистанции. Однако демократическая ориентация некоторых наших новейших учреждений имеет тенденцию соединять занимающих разные места членов одной рабочей группы вместе в таких местах, как кафетерии, вызывая у них неловкость. В таких случаях у них нет способов поступать так, чтобы не нарушить одну из основных систем отношений, в которых они находятся друг по отношению к другу. Эти сложности особенно

⁷ Это равноправное общее членство в большой организации часто ежегодно отмечается на корпоративных вечеринках и в любительских драматических скетчах, тем самым подчеркнута исключая посторонних и перемешивая ранги членов организации.

* Место действия (*лат.*). –Примеч. ред.

** Положение (*лат.*). –Примеч. ред.

*** Местоположение (*лат.*). –Примеч. ред.

⁸ *Benoit-Smullyan E. Status, Status Types, and Status Interrelations // American Sociological Review. 1944. V. IX. P. 151–161.* В определенном отношении требование равенства членов организации подкрепляется в нашем обществе правилом, что мужчины должны демонстрировать определенную небольшую вежливость по отношению к женщинам; все остальные принципы, такие как различия между расовыми группами и профессиональными категориями, должны подавляться. Результат должен подчеркивать место действия и равенство.

вероятны в лифтах, так как там люди, находящиеся в недостаточно непринужденных отношениях, должны какое-то время находиться слишком близко друг к другу, чтобы игнорировать возможность неформального разговора, – проблема решается (некоторыми, конечно) с помощью специальных лифтов для руководителей. Так смущение экологично встроено в организацию.

Обладая множественными *Я*, индивид может обнаружить, что в определенных случаях от него требуется одновременно присутствовать и не присутствовать. Следствием является смущение: индивид разрывается на части, хотя и мягко. В соответствии с колебаниями его поведения колеблется и его *Я*.

Социальная функция смущения

Когда во время взаимодействия проецируемое индивидом *Я* испытывает угрозу, он может хладнокровно подавить все признаки стыда и смущения. Ни волнение, ни старания скрыть, что оно замечено, не мешают гладкому течению встречи; участники могут действовать так, словно инцидента не было.

Однако, когда ситуация спасена, может быть утеряно что-то важное. Демонстрируя смущение, когда он не может быть ни одним, ни другим *Я*, индивид оставляет открытой возможность того, что в будущем он эффективно может быть любым из них⁹. Жертвуя своей ролью в текущем взаимодействии и, возможно, даже самой встречей,

⁹ Подобный аргумент предлагает Сэмюэл Джонсон в пьесе «Застенчивость»: «Обычно случается, что уверенность идет в ногу со способностью; и боязнь ошибки, которая мешает нашим первым попыткам, постепенно рассеивается с прогрессом нашего мастерства в направлении безусловного успеха. Следовательно, застенчивость, которая предупреждает позор, этот кратковременный стыд, удерживающий нас от опасности длительных укоров, не может, собственно, причисляться к ряду наших несчастий» (*Johnson S. Of Bashfulness // The Rambler. № 139. 1751*).

он демонстрирует, что, хотя сейчас не может представить прочное и связное Я, он, по крайней мере, обеспокоен этим фактом и в состоянии доказать свою достоинство в другой раз. Тогда смущение – не иррациональный импульс, врывающийся в социально предписанное поведение, а часть самого этого упорядоченного поведения. Волнение – крайний пример этого возможного класса поступков, которые обычно вполне спонтанны и, однако, не менее требуемы и обязательны, чем поступки, выполняемые осознанно.

За конфликтом идентичности лежит более фундаментальный конфликт – конфликт организационного принципа, так как Я во многих отношениях состоит просто в приложении законных организационных принципов к Я человека. Человек строит свою идентичность из требований, которые, если они отвергаются, дают ему право чувствовать себя праведно негодующим. За претензиями ученика на полное участие в использовании определенных возможностей, предоставляемых предприятием, стоит организационный принцип: все члены учреждения равны в определенных отношениях именно в качестве членов организации. За претензией специалиста на подобающее ему финансовое признание стоит принцип, что тип работы, а не просто работа, определяет статус. Неловкость ученика и специалиста, когда они одновременно подходят к автомату с кока-колой, выражает несовместимость организационных принципов¹⁰.

¹⁰ В такие моменты иногда происходит «поддразнивание»: говорят, что это средство облегчения напряжения, вызванного либо смущением, либо тем, что вызвало смущение. Но во многих случаях этот вид подшучивания – способ сказать, что происходящее сейчас несерьезно или нереально. Преувеличения, шуточные оскорбления, мнимые требования – все это снижает серьезность конфликта, отрицая реальность ситуации. А это, конечно, другой способ достичь того, что делает смущение. Поэтому естественно смущаться и шутить одновременно, поскольку и то и другое помогает отрицать одну и ту же реальность.

Принципы организации любой социальной системы легко вступают в конфликт в определенных точках. Вместо того чтобы позволить конфликту проявиться в контакте, индивид ставит себя между противоположными принципами. Он временно жертвует своей идентичностью, а иногда контактом, но принципы сохраняются. Человек может занять позицию между противоположными допущениями, тем самым мешая прямому трению между ними, или может почти разрываться на части для того, чтобы мало связанные между собой принципы могли действовать одновременно. Социальная структура приобретает эластичность; индивид просто теряет самообладание.

Отчуждение от взаимодействия

I. Введение

Участвуя в разговоре с другими, индивид в нашем англо-американском обществе может спонтанно втянуться в него. Он может бездумно и импульсивно погрузиться в беседу и оказаться захвачен ею, забывая о других вещах, в том числе о самом себе. Независимо от того, является ли его участие в беседе интенсивным и нелегко разрушаемым или, напротив, слабым и легко нарушаемым, тема беседы может образовывать главный фокус его когнитивного внимания, а говорящий в данный момент образует главный фокус его визуального внимания. Связывающий и гипнотический эффект такой вовлеченности иллюстрируется тем фактом, что при этом индивид может одновременно участвовать в других видах целенаправленной активности (жевание резинки, курение, нахождение удобной позы для сидения, выполнение повторяющихся задач и т.д.), управляясь с такими побочными занятиями как с побочными мотивами многоголосой фуги, в рассеянной манере, так, чтобы они не отвлекали его от главного фокуса внимания.

Индивид, например ребенок или животное, может, конечно, спонтанно увлечься отдельными индивидуальными задачами. В процессе решения задача приобретает одновременно весомость и легкость, обеспечивая исполнителю твердое чувство реальности. Однако беседа в качестве основного фокуса внимания уникальна, ибо она создает для участника мир и реальность, включающую в себя других участников. Совместная спонтанная увлеченность – это *unio mystico**, коллективный транс. Мы также

* Мистический союз (лат.). – Примеч. ред.

должны видеть, что беседа живет собственной жизнью и выдвигает собственные требования. Это маленькая социальная система со своими тенденциями установления границ; это маленький фрагмент обязательств и лояльности со своими героями¹ и своими злодеями.

Принимая совместную спонтанную вовлеченность за отправную точку, я хочу обсудить, как это вовлечение может быть нарушено и каковы последствия такого нарушения. Мы рассмотрим пути, следуя которыми индивид может оказаться отчужденным от беседы, неловкость, возникающую при этом, и последствия этого отчуждения и неловкости для взаимодействия. Поскольку отчуждение может произойти при участии в любом мыслимом разговоре, мы сможем узнать из этого кое-что об общих свойствах разговорного взаимодействия.

II. Обязанность вовлеченности

Когда люди находятся в непосредственном присутствии друг друга, им становятся доступными множество слов, жестов, поступков и мелких событий, желательных или нет, через которые присутствующие могут намеренно или ненамеренно символически изображать свой характер и свои установки. В нашем обществе сохраняется система этикета, которая обязывает индивида надлежащим образом управлять этими экспрессивными проявлениями, проецируя через них надлежащий образ себя, соответствующее уважение к другим присутствующим и должное внимание к обстановке. Если индивид намеренно или ненамеренно ломает правила этикета,

¹ Один из ее героев – остроумный человек, который может ссылаться на более широкие и важные контексты способом, как нельзя более подходящим к текущему моменту разговора. Поскольку острота никогда больше не сможет повториться так, как она была сказана, этим актом, демонстрирующим, насколько полно субъект живет во взаимодействии, он принесит жертву беседе, выражая уважение к ее уникальной реальности.

другие присутствующие могут мобилизоваться для восстановления церемониального порядка, примерно так, как они делают при нарушении других видов социального порядка.

Через церемониальный порядок, поддерживаемый системой этикета, социализируется способность индивида вовлекаться в беседу, принимая груз ритуальных ценностей и социальной функции. Выбор главного фокуса внимания, выбор побочных занятий и интенсивности вовлеченности обставляются социальными ограничениями, так что одна локализация внимания становится социально уместной, а другие – неуместными.

Есть много случаев, когда участвующий в разговоре индивид обнаруживает, что он и другие связаны вместе обязанностью вовлеченности в него. Он начинает ощущать, что подобающим (и, следовательно, либо желательным, либо благоразумным) считается обращение основного фокуса внимания на разговор и спонтанное вовлечение в него, и в то же время чувствует, что у других участников есть те же обязанности. Вследствие церемониального порядка, в который включены его действия, индивид может обнаружить, что любое другое направление внимания с его стороны будет считаться невежливым и поставит в неловкое положение других, его самого и ухудшит обстановку. И он обнаружит, что его проступок совершен в присутствии тех, кто обижен им. Те, кто нарушают правила взаимодействия, подобны тем, кто совершает преступления в тюрьме.

Задача спонтанного вовлечения во что-то, когда поступать так является обязанностью каждого участника, – задача деликатная, как все мы знаем из опыта участия в скучных, тяжелых или опасных делах. Действия индивида должны удовлетворять его обязанность вовлеченности, но он не может действовать только ради удовлетворения этих обязанностей, ибо такие усилия потребовали бы от

него переключить свое внимание с темы разговора на проблему спонтанного включения в него. Здесь, в компоненте нерациональной импульсивности – которая не только терпима, но по сути требуется, – мы обнаруживаем важную особенность, отличающую порядок взаимодействия от других видов социального порядка.

Обязанности индивида добровольно поддерживать вовлеченность в разговор и трудность этого ставят его в деликатное положение. Выручают его со-участники, которые так контролируют свои собственные действия, чтобы не вытолкнуть его из соответствующей вовлеченности. Но при этом он должен будет выручать кого-то еще, и его работа в качестве участника взаимодействия только усложняется. Здесь кроется один из фундаментальных аспектов социального контроля в разговоре: индивид должен не только сам поддерживать подобающую вовлеченность, но и поступать таким образом, чтобы гарантировать, что и другие будут поддерживать свою вовлеченность. Именно это индивид должен другим, взаимодействуя с ними в беседе, независимо от того, что им причитается в других их ролевых качествах. Именно эта обязанность говорит нам, что, какую бы роль ни играл индивид во время разговора, он вдобавок должен выполнять роль участника взаимодействия.

Индивид может иметь одобряемые или неодобряемые причины для выполнения своих обязанностей в качестве участника взаимодействия, но во всех случаях он должен быть в состоянии быстро и деликатно брать на себя роль других и ощущать ограничения, которые их ситуация должна вносить в его поведение, если он не должен их резко остановить. Ему необходимо сочувственно осознавать все то, чем другие присутствующие могут спонтанно и должным образом увлечься в разговоре, а затем пытаться видоизменить выражение своих установок, чувств и мнений сообразно компании.

Таким образом, как утверждает Адам Смит в своей «Теории нравственных чувств», человек должен формулировать свои заботы, чувства и интересы так, чтобы другие могли с максимальным удобством использовать их в качестве источника подходящей вовлеченности. Это главная обязанность индивида как участника взаимодействия, которое уравнивается его правом ожидать, что другие присутствующие приложат некоторые усилия для пробуждения своего сочувствия и представления этого сочувствия в его распоряжение. Эти две тенденции – тенденция говорящего снижать свою экспрессию и тенденция слушателей повышать свой интерес, и то и другое с учетом способностей и запросов других, – образуют мост, который выстраивают люди друг к другу. Этот мост позволяет им встречаться на время разговора в единении взаимно поддерживаемой вовлеченности. Именно эта искра, а не более заметные формы любви, освещает мир.

Формы отчуждения

Если принять совместную спонтанную вовлеченность в тему разговора в качестве отправной точки, то мы обнаружим, что отчуждение от него является на самом деле достаточно обычным. Совместная вовлеченность оказывается хрупкой вещью, со стандартными точками слабости и распада, непрочным и неустойчивым состоянием, которое в любой момент может привести человека к некоторым формам отчуждения. Так как мы имеем дело с обязательным вовлечением, формы отчуждения образуют неправильное поведение, которое можно назвать «неадекватной вовлеченностью». Теперь мы можем рассмотреть некоторые типичные формы отчуждающей неадекватной вовлеченности.

1. *Поглощенность внешним.* Индивид пренебрегает предлагаемым фокусом внимания и направляет основ-

ной свой интерес на что-то, не связанное с тем, о чем в это время говорится, и даже с другими присутствующими людьми (по крайней мере, в их качестве партнеров по беседе). Объектом поглощенности индивида может быть то, о чем он должен прекратить думать, вступая во взаимодействие, или то, что уместно было бы рассматривать на этой встрече позже или же после ее завершения. Поглощенность может также принимать форму тайных сцен между индивидом и одним или двумя другими участниками. Индивид даже может быть рассеянно поглощен своей рабочей деятельностью, которую он не в состоянии поддерживать из-за обязанности участвовать во взаимодействии.

Степень оскорбительности поглощенности индивида внешним варьирует в зависимости от типа оправданий, которые, по мнению других, у него есть для своих действий. Одна крайность – поглощенность, ощущаемая как вполне добровольная. Обидчик создает впечатление, что легко мог бы уделить свое внимание разговору, но умышленно отказывается это сделать. Другая крайность – непроизвольная поглощенность, следствие понятной глубокой увлеченности обидчика жизненно важными делами вне взаимодействия.

Индивиды, которым была бы простибельна их поглощенность делами вне темы разговора, тем не менее, часто остаются лояльными к взаимодействию и отказываются от этой возможности. Тем самым они демонстрируют уважение партнерам по беседе и утверждают моральные правила, превращающие социально ответственных людей в людей, ответственных также в вопросах взаимодействия. Конечно, именно такие правила и такие подтверждающие жесты делают общество безопасным для маленьких миров, поддерживаемых во встречах лицом к лицу. На самом деле, нет культуры, в которой не было бы примеров историй, иллюстрирующих значимость и весомость этих ми-

молетных реальностей; везде мы обнаруживаем хранимую память о Фрэнсисе Дрейке, который галантно заканчивает какую-то игру, прежде чем выходить сражаться с армадой, и везде обнаруживаем преступников, которые вежливо обращаются с теми, кого грабят, и с теми, кто их позднее за это вешает².

2. *Озабоченность собой.* В ущерб своей вовлеченности в предписанный фокус внимания, индивид может более, чем следовало бы, сосредоточивать свое внимание на себе: действует ли он сам успешно или нет, вызывает желательную или нежелательную реакцию. Индивид, конечно, может сосредоточивать внимание на себе в качестве темы разговора – быть сфокусированным на себе в этом смысле, – и тем не менее, не быть озабоченным собой. По-видимому, озабоченность индивида собой вытекает не из глубокого интереса к теме разговора (которой может оказаться он сам), а, скорее, из внимания к себе самому как участнику взаимодействия в то время, когда он должен быть свободен от всего остального для включения в содержание разговора.

Нужно добавить общее рассуждение относительно источников озабоченности собой. Во время взаимодействия другие люди и события часто предлагают ему образ и оценку Я, которые, по крайней мере временно, приемлемы для него. Тогда он свободен переключить свое внимание на дела, не столь близкие. Когда этому образу Я угрожают, индивид обычно отключает свое внимание от взаимодействия в поспешных усилиях исправить последствия произошедшего инцидента. Если инцидент может повысить его положение во взаимодействии, его бегство в озабоченность собой может быть способом по-

² Все же различные слои в одном и том же обществе могут быть в разной степени озабочены тем, чтобы индивиды проецировали себя в контактах; тенденция поддерживать жизнь в беседе может быть способом, которым некоторые слои, не обязательно схожие, устойчиво отличаются от других.

радоваться за себя; если инцидент грозит снижением его положения и деформацией или дискредитацией его образа *Я* в некотором отношении, тогда паническое бегство в озабоченность собой может быть способом защиты *Я* и зализывания ран. Более распространенным и важным источником озабоченности собой оказывается угроза потери, а не возможность выигрыша.

Каковы бы ни были причины озабоченности собой, мы все знакомы с нерешительностью действий и волнением, в которых выражается самоозабоченность; мы знакомы с феноменом смущения.

Озабоченность собой можно рассматривать как разновидность поглощенности делами, внутренними по отношению к взаимодействующей социальной системе, и в этом качестве она привлекала больше внимания на уровне здравого смысла, чем другие виды внутренней поглощенности. Действительно, у нас нет обыденных слов для обозначения этих других разновидностей внутренней поглощенности. Назовем две ее формы «озабоченность взаимодействием» и «озабоченность другими», чтобы подчеркнуть их сходство с озабоченностью собой.

3. *Озабоченность взаимодействием.* Участник разговора может становиться до неприличия озабоченным процессом протекания взаимодействия как такового вместо спонтанной вовлеченности в тему беседы. Так как озабоченность взаимодействием менее известна, чем озабоченность собой, можно с помощью примеров указать на несколько ее источников.

Обычный источник озабоченности взаимодействием связан с особой ответственностью, которая встречается у людей, – ответственностью за то, чтобы взаимодействие «шло хорошо», то есть вызывало должный тип вовлеченности у присутствующих. Так, на небольшой вечеринке от хозяйки могут ожидать, что она присоединится к своим гостям и будет спонтанно вовлечена в поддерживаемый

ими разговор, но в то же время, если беседа не пойдет гладко, она более, чем другие, будет нести ответственность за неудачу. В результате хозяйка иногда становится настолько озабоченной социальным механизмом события и тем, как проходит вечер в целом, что оказывается не в состоянии отделиться собственной вечеринке.

Можно упомянуть еще один общий источник озабоченности взаимодействием. Как только индивиды вступают в разговор, они обязаны его продолжать до тех пор, пока у них не появится некоторое основание для ухода, нейтрализующее потенциально оскорбительный смысл покидания других. В то время как они заняты взаимодействием, им необходимо иметь наготове темы для разговора, подходящие к случаю и дающие достаточно материала для поддержания беседы; другими словами, требуется их надежный запас³. Этим целям служит то, что мы называем «разговором о пустяках». Когда у индивидов истощается их запас «пустяков», они оказываются официально находящимися в состоянии разговора при отсутствии темы для него; типичным последствием является озабоченность взаимодействием, переживаемая как «болезненное молчание».

4. *Озабоченность другими.* В ходе взаимодействия индивид может отвлекаться на другого участника как на объект внимания – точно так же, как в случае озабоченности собой он отвлекается на беспокойство о себе⁴.

Если человек обнаруживает, что, будучи вовлеченным в разговор, происходящий в присутствии определенных людей, он всегда выказывает сверхозабоченность их при-

³ Проблема надежного запаса рассматривается подробнее в моей работе «Communication Conduct in an Island Community», Unpublished Ph.D. Dissertation, Department of Sociology, University of Chicago, 1953. Ch. XV.

⁴ Озабоченность другими кратко, но четко рассматривается у Дж.М. Болдуина (см. *Baldwin J. Social and Ethical Interpretations in Mental Development.* London, 1902. P. 213–214).

сутствием, отвлекающую его от необходимого вовлечения в тему разговора, то в этом случае они могут приобрести в его глазах репутацию плохих участников взаимодействия, особенно если он чувствует, что не только у него с этими людьми возникают сложности. Далее, он с готовностью приписывает им определенные характеристики для того, чтобы объяснить вызванное ими отвлечение своего внимания от разговора. Для понимания нами взаимодействия полезно будет перечислить некоторые приписываемые таким образом качества.

Понятиями «притворство» и «неискренность» индивид склонен определять тех, кто, как ему кажется, жемствами симулирует ожидание от него принятия потока их экспрессивного поведения как искреннего. Притворство, как полагает Ч. Кули, «существует, когда страсть влиять на других перевешивает устойчивый характер и вносит в поведение явные искажения или позу...»; «Таким образом, есть люди, которые в простейшем разговоре, видно, не могут забыть о себе, открыто и незаинтересованно включаясь в тему, но воспринимаются как вечно озабоченные мыслью о производимом ими впечатлении, держащие в голове возможную похвалу или неодобрение и обычно немного позирующие, чтобы избежать одного или получить другое»⁵. Притворщики выглядят главным образом озабоченными контролем над оценкой, которую дает им наблюдатель, и частично сами одурачены своей собственной позой. Неискренние люди кажутся более всего озабоченными впечатлением, которое сложится у наблюдателя об их отношении к определенным вещам или людям, особенно к нему самому, и, пожалуй, не обманываются собственным притворством. К тому же, если те, кто выглядит озабоченными собой, создают впечатление сверхозабоченности происходящим или произо-

⁵ Cooley Ch.H. Human Nature and Social Order. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1922. P. 196, 215.

шедшим с ними, то те, кто производит впечатление неискренних или притворяющихся, создают впечатление сверхзабоченности тем, чего они могут достичь впоследствии, и готовы ради этого на притворство. Когда индивид ощущает, что другие неискренни или притворяются, он склонен думать, что они воспользовались несправедливым преимуществом своей коммуникативной позиции в собственных интересах; он чувствует, что они сломали основные правила взаимодействия. Его враждебность к их нечестной игре ведет к фиксации его внимания на них и их дурных поступках ценой собственного вовлечения в разговор.

Рассматривая, какие свойства приписывают тем, кто заставляет других беспокоиться по их поводу, мы должны подчеркнуть важное значение фактора нескромности. По аналитическим соображениям сверхскромность точно так же должна рассматриваться как источник озабоченности другими, но эмпирически нескромность оказывается гораздо более важной. То, что индивид считает нескромностью других, может проявляться во многих формах: нескромные индивиды могут хвалить себя на словах; они могут говорить о себе и своей активности, производя впечатление, что их личная жизнь вызывает больший интерес и более широко известна, чем это на самом деле; они могут говорить чаще и дольше, чем это кажется уместным; они могут занимать более значительное «экологическое» положение в пространстве, чем, по его мнению, они заслуживают, и т.д.

Один интересный источник озабоченности другими можно обнаружить в феномене «сверхвовлеченности». Во время любого разговора устанавливаются стандарты того, насколько индивид готов позволить себе увлечься разговором, насколько полно он позволяет себе быть захваченным им. Он обязан не дать себе настолько переполниться чувствами и готовностью действовать, чтобы это

угрожало границам проявления аффекта, установленным для него во взаимодействии. Он обязан проявить определенную меру невовлеченности, хотя, конечно, степень ее будет различаться в соответствии с социально признанной важностью случая и официальной его ролью в нем. Когда индивид сверхвовлекается в тему разговора, создавая у других впечатление, что у него нет должной меры самоконтроля над своими чувствами и действиями; когда мир взаимодействия становится для него слишком реальным, тогда, вероятно, другие переключатся с вовлеченности в беседу на вовлеченность в говорящего. Сверхобеспокоенность одного человека оборачивается отчужденностью другого. В любом случае, мы должны видеть, что сверхвовлеченность обладает свойством мгновенно делать индивида несостоятельным в качестве участника взаимодействия; другие должны приспособливаться к его состоянию, в то время как он не может приспособиться к их состоянию. Довольно интересно, что, когда импульсивность сверхвовлеченного индивида немного убывает, он приходит к ощущению неприличности своего поведения и становится обеспокоенным собой, что вновь иллюстрирует тот факт, что отчуждающий эффект, который индивид оказывает на других, он неизбежно испытывает и сам. Независимо от этого, мы должны видеть, что готовность к сверхвовлеченности – это форма тирании, практикуемая детьми, примадоннами и всевозможными господами, которые в данный момент ставят свои собственные чувства выше моральных правил, делающих общество безопасным для взаимодействия.

Можно упомянуть еще последний источник обеспокоенности другими. Если индивид вовлечен в тему разговора, тогда он должен в качестве слушателя обращать свой слух и, как правило, зрение к источнику коммуникации, то есть к говорящему, и особенно к его голосу и лицу. (Это физическое требование подчеркивается социальны-

ми правилами, которые часто определяют невнимание к говорящему как оскорбление его.) Если коммуникативный аппарат говорящего сам передает определенную дополнительную информацию в течение всего времени разговора, то слушателя, вероятно, будут отвлекать конкурирующие источники стимуляции, чрезмерно привлекая его внимание к самому говорящему за счет восприятия сказанного им. Источники такого отвлечения хорошо известны: рассказчик может быть крайне уродливым или очень красивым; у него могут быть дефекты речи, например шепелявость или заикание; он может неадекватно владеть языком, диалектом или жаргоном, которые ожидают услышать слушатели; у него могут быть мелкие особенности лица, например заячья губа, подергивание глаз, косоглазие или бельмо; у него могут быть такие временные коммуникативные сложности, как прострел, охрипший голос и т.д. Очевидно, что чем ближе расположен дефект к коммуникативным средствам, на которых слушатель должен фокусировать свое внимание, тем меньших его размеров достаточно, чтобы вывести слушателя из равновесия. (Нужно добавить, что постольку, поскольку от рассказчика требуется направлять свое внимание на слушателя и при этом не становиться чересчур озабоченным им, дефекты во внешности слушателя могут вызывать у рассказчика неловкость.) Эти второстепенные дефекты в аппарате коммуникации имеют тенденцию выключать обеспокоенного индивида из потока ежедневных контактов, превращая его в плохого участника взаимодействия либо в собственных глазах, либо в глазах других.

Завершая обсуждение источников отчуждающего отвлечения, я хотел бы высказать важное предостережение. Когда индивид чувствует, что другие вовлечены неподобающим образом, его восприятие поведения других как неправильного всегда связано со стандартами его группы.

Сходным образом, на индивида, который может вызвать у определенных людей чрезмерную озабоченность им из-за его видимой неискренности, притворства или нескромности, не обратят внимание в субкультуре, где дисциплина разговора не такая строгая. Следовательно, когда члены разных групп взаимодействуют друг с другом, вполне вероятно, что хотя бы один из участников будет отвлекаться от спонтанного вовлечения в тему разговора из-за того, что будет казаться ему неподобающим поведением со стороны других⁶. Именно на эти различия в обычаях выражать себя мы должны обращать внимание в первую очередь, стараясь объяснить неуместное поведение тех, с кем мы оказались во взаимодействии, и не пытаться, хотя бы вначале, искать какие-то поводы для порицания в личности обидчиков.

IV. О повторяющемся характере нарушений вовлеченности

Я предположил, что разочарованность взаимодействием может принимать форму поглощенности, озабоченности собой, озабоченности другими и озабоченности взаимодействием. Эти формы отчуждения были выделены с целью их идентификации. В реальном разговоре, когда происходит одна форма отчуждения, другие идут за ней следом.

Когда индивид чувствует, что ему или кому-то из участников взаимодействия не удастся распределить свою вовлеченность согласно одобряемым ими стан-

⁶ Например, в социальном общении среди традиционных жителей Шетландских островов редко употребляется местоимение «Я». Более частое употребление его жителями основной части Великобритании и особенно относительно частое его использование американцами ведет к тому, что шотландцы воспринимают этих не-шотландцев как нескромных и грубых. Нужно добавить, что шотландский такт часто не позволяет не-островитянам узнать, что их поведение вызывает у шотландцев неловкость.

дартам и что в результате они выражают неподобающее отношение к взаимодействию и другим участникам, то эта неправильность будет, вероятно, вызывать у него те же чувства, как если бы были нарушены любые другие обязанности церемониального порядка. Но этим дело не кончается. Наблюдение нарушения обязанности вовлеченности, как и нарушение других церемониальных обязанностей, заставляет свидетеля переключать свое внимание с разговора на произошедшее во время него нарушение. Если индивид ощущает свою ответственность за случившееся, это, скорее всего, вызовет у него чувство стыда и озабоченности собой. Если ответственными за нарушение выглядят другие, скорее всего, это вызовет у него чувство негодования и озабоченности другими. Но и озабоченность собой, и озабоченность другими сами по себе являются нарушениями обязанности вовлеченности. Простое наблюдение за нарушением вовлеченности, не говоря уже о каре за него, может породить преступление против взаимодействия. Жертва первого преступления сама становится преступником. Таким образом, во время речевого взаимодействия, когда один индивид охвачен неловкостью, другие часто ею «заражаются».

При этом требуется уточнение. Индивид может стать неадекватно вовлеченным, но этого могут не осознавать ни он, ни другие, не говоря уже о неадекватной вовлеченности как следствии этого осознания. Он совершает скрытое нарушение, которое только ждет, чтобы чье-либо восприятие сделало его очевидным. Когда другие замечают, что индивид неадекватно вовлечен, и сообщают ему об этом, он может разволноваться, как и в том случае, если он сам обнаружит подобный факт. Так, индивид может выйти из задумчивости и в замешательстве обнаружить, что находится в центре взаимодействия, но явно отчужден от него.

V. Показная вовлеченность

Если разговор не в состоянии спонтанно вовлечь индивида, который обязан в нем участвовать, тот, возможно, умудрится правдоподобно изобразить реальную вовлеченность. Он должен делать это, чтобы оградить чувства других участников и их хорошее мнение о себе независимо от его мотивов, лежащих за желанием обеспечить это. Поступая так, индивид оказывает смягчающий эффект на цепные последствия неадекватной вовлеченности, гарантируя, что, хотя он может быть нелоялен, его нелояльность не заразит других. В то же время индивид может вбивать клин между собой и миром, который мог бы стать для него реальным. И созданную таким образом пропасть он заполняет особой разновидностью неловкости, специфически обнаруживаемой во время разговора; эта разновидность неловкости возникает, когда обязанности вовлеченности не могут быть ни отложены, ни спонтанно реализованы, когда индивид отделен от реальности взаимодействия, в данный момент идущего вокруг него.

Как форма приспособления притворная вовлеченность будет по-разному оцениваться в зависимости от мотивов индивида, прибегнувшего к ней. Некоторые формы демонстрации вовлеченности воспринимаются как циничные, потому что создается впечатление, что индивид интересуется в конечном счете не чувствами других, а, скорее, выгодой, которую он может получить, вводя в заблуждение других относительно степени его заинтересованности. Он создает впечатление, что занят разговором, но реально оказывается занят созданием этого впечатления.

С другой стороны, если отчужденный индивид взаправду озабочен чувствами других как чем-то важным, тогда любой акт, охраняющий эти чувства, может рассматриваться в качестве формы такта и на этой основе получить одобрение.

Нужно заметить, что часто демонстрация вовлеченности, предлагаемая тактичным участником взаимодействия, хуже, чем она могла бы быть. Некая сила, почти за пределами его власти, будет заставлять демонстрировать другим и самому себе, что данный вид взаимодействия при данных участниках – не то, что может увлечь его внимание; кто-нибудь должен видеть, что он может быть выше и вне этого. Здесь мы обнаруживаем форму непокорности, осуществляемой теми, кто не может реально позволить себе бунтовать.

Способы, выдающие тактично скрытую неадекватную вовлеченность, образуют, далее, симптомы скуки. Некоторые симптомы скуки предполагают, что индивид не будет делать усилий для прекращения встречи или излишне формального участия в ней, но и не будет уделять встрече особенно много внимания. Пример этого – возникновение побочных занятий, таких как листание журнала или курение. Другие симптомы скуки предполагают, что индивид готов завершить формальное участие во встрече, и выступают в качестве тактичного предупреждения об этом⁷.

Явно обнаруживать признаки скуки неосмотрительно. Но в определенном отношении тот, кто это делает, заверяет других, что не притворяется, не имитирует свои чувства; другие, по крайней мере, знают его отношение. Подавление этих признаков полностью нежелательно, ибо это мешает другим получать пользу от реплик обратной связи, которые могли бы сказать им, какова реальная ситуация. Таким образом, в то время как одна обязанность требует имитировать вовлеченность, другая заставляет не

⁷ Действительно, существует некоторая литература в области «прикладных человеческих отношений», детализирующая способы, которыми старший по положению может дать понять, что беседа закончена, предоставляя другому начать по-настоящему прощаться, сохранив при этом лицо.

имитировать ее слишком хорошо. Интересно, что, когда *Я* скучающего индивида глубоко связано с происходящим, как, например, во время прощания и открытого признания привязанности, скучающий индивид чаще всего испытывает сильные угрызения совести, подталкивающие к тому, чтобы спрятать признаки отчуждения и полностью имитировать вовлеченность. Именно в наиболее острые и критические моменты жизни индивиду часто приходится быть наиболее изобретательным: это периоды, когда скучающий индивид будет испытывать величайшую потребность в откровенности других и будет меньше всего способен выносить ее.

Я предположил, что демонстрация вовлеченности может имитироваться и циничными участниками, и тактичными; эту же демонстрацию могут имитировать те, кто испытывает смущение из-за озабоченности собой. Они даже могут добавить имитацию признаков скуки. Обстоятельства, сомнительные для самого индивида, таким образом, меняются, как он надеется, на сомнительные для других. Существует психологическая доктрина, которая делает следующий шаг в объяснении, утверждая, что, когда сам индивид убежден, что скучает, он может попытаться скрыть от себя, что на самом деле он смущен⁸.

В беседах, в которых участники чувствуют себя обязанными поддерживать спонтанную вовлеченность и, тем не менее, не могут справиться с этим, они сами испытывают неловкость и легко могут породить неловкость у других. Индивид узнает, что определенные си-

⁸ Психоаналитические версии этой темы см. *Greenson R.* On Boredom // *Journal of the American Psychoanalytical Association*. Vol. 1. P. 7–21; *Fenichel O.* The Psychology of Boredom // *Collected Papers of Otto Fenichel*. First Series, № 26. N.Y.: Norton, 1953. Некоторые интересные наблюдения относительно культа скуки и места этого культа в мире подростков можно найти в романе Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (*Salinger J.D.* *The Catcher in the Rye*. Boston: Little, Brown, 1951).

туации будут вызывать это отчуждение у него и других, а другие ситуации вряд ли. Он знает, что определенные люди – плохие участники взаимодействия, потому что они никогда не готовы спонтанно вовлекаться в социальные контакты, и по отношению к этим упрямым участникам он может использовать такие выражения, как «рыба бесчувственная», «брюзга», «зануда», «кайфоломщик». Тех, кому не удастся поддерживать разговор со старшими по положению, он может называть неотесанными, а тех, кто презирает вовлеченность с низшими по положению, он может называть снобами, в обоих случаях осуждая этих людей за то, что для них статус важнее взаимодействия. Как указывалось ранее, индивид может выделять некоторых людей, имеющих недостатки, потому что их манеры и социальные свойства затрудняют для других должную вовлеченность. Очевидно также, что в любом взаимодействии возникает ролевая функция, гарантирующая, что любой становится и остается спонтанно вовлеченным. Эта функция зажигания может в разное время исполняться во взаимодействии разными участниками. Если один участник терпит неудачу в поддержании динамики взаимодействия, его работу должны будут выполнить другие участники. Индивид может приобрести репутацию в этом виде работы, получая благодарность или порицание как человек, всегда являющийся душой контакта.

VI. Расширение контекста

1. *Контекст обязанности вовлеченности.* Одно ограничение, которое мы сами установили, – иметь дело с ситуациями, где все, присутствующие и представленные друг другу, формально обязаны поддерживать свое участие в разговоре и спонтанную вовлеченность в него. Это достаточно частая ситуация, чтобы служить в качестве точки отсчета, но не надо быть полностью

связанным ею. Обязанности вовлеченности на самом деле определяются в зависимости от общего контекста, в котором оказывается индивид. Так, бывают некоторые ситуации, где предполагается, что основная вовлеченность присутствующих направлена на физическую задачу; разговор, если он вообще происходит, должен рассматриваться как побочная вовлеченность, которая возобновляется или прекращается в зависимости от текущих требований актуальной задачи. Бывают другие ситуации, где роль и статус конкретного участника будут точно выражаться его правом относиться к разговору без церемоний, выбирая, участвовать в нем или нет, в зависимости от своей склонности в данный момент. Иногда этим правом обладает отец в отношении разговора за едой, поддерживаемого младшими членами семьи, которые такого права лишены.

Мне хотелось бы привести другую ситуацию, в которой индивид может относиться к своей вовлеченности иначе, чем ожидают от него другие. При поддразнивании младшего старшим или при прерывании работника работодателем потеря самообладания подчиненным может приниматься старшим по положению как ожидаемый и подобающий элемент паттерна вовлеченности. В такие моменты подчиненный может чувствовать, что хотел бы быть спонтанно вовлечен в беседу, но слишком паникует, чтобы так поступить, а старший по положению может ощущать для себя подходящим фокусом внимания, который он может с комфортом удерживать, – не сам разговор, а более широкую ситуацию, создаваемую юмористическим положением подчиненного, сражающегося со своей паникой в разговоре⁹. Действительно, если под-

⁹ Бедственное положение чувствительного к себе человека, действительно, настолько хороший стимул для привлечения спонтанной вовлеченности наблюдающего за ним, что во время разговора, где возможны трудности в обеспечении вовлеченности присутствующих, ин-

чиненный в этих случаях демонстрирует самообладание, вышестоящий может чувствовать себя оскорбленным и смущенным. Аналогично, бывают случаи, когда мы чувствуем, что индивид должен из уважения к сложностям, в которых он находится, быть озабочен и сверхвовлечен. Такая неадекватная сверхвовлеченность может в некоторой степени нарушать взаимодействие, но идеальное самообладание индивида может настолько шокировать присутствующих, что нарушит взаимодействие еще сильнее. Таким образом, хотя иногда индивида и впрямь будут считать героем взаимодействия, если он сохраняет вовлеченность в разговор в трудных ситуациях, однако в других случаях такая лояльность будет считаться безрассудством.

Неодинаковые обязанности в отношении одного и того же разговорного взаимодействия лучше всего видны в крупномасштабных взаимодействиях, таких как публичные выступления, где мы, скорее всего, обнаружим специализацию и сегрегацию ролей вовлеченности, с разделением на полноценных участников (от которых ожидается, что они будут говорить или слушать) и неучаствующих специалистов (чья работа – ненавязчиво передвигаться вокруг и следить за механизмом ситуации). Примерами таких не-участников являются прислуга, швейцары, билетеры, стенографисты и техники. Особое положение этих должностных лиц во взаимодействии обуславливает их специфические права и обязанности; они открыто приняты ими, и эти люди и впрямь вызвали бы неловкость, если бы прямо включались в содержание разговора. Они демонстрируют уважение к ситуации, относясь к ней как к побочной вовлеченности.

дивиды могут по очереди совершать небольшие нарушения приличий и смущаться, обеспечивая тем самым вовлеченность. Парадокс состоит в том, что, если точно следовать всем правилам корректного социального поведения, взаимодействие может стать вялым, сухим и скучным.

Сами участники крупномасштабного взаимодействия могут допускать вольности в отношении взаимодействия, непозволительные в беседе двух-трех человек, быть может, потому, что чем больше участников, поддерживающих процесс, тем меньше ситуация зависит от каждого отдельного участника. В любом случае, мы часто обнаруживаем в крупномасштабном взаимодействии, что несколькими участникам позволительно в какой-то момент обмениваться жестами и побочными репликами, при условии, что они будут так модулировать свой голос и манеры, чтобы показать свое уважение к официальной процедуре. На самом деле, на какое-то время участник может даже покинуть комнату и сделать это так, чтобы создать впечатление, что основной фокус его внимания все еще удерживается разговором, даже если его тело уже отсутствует. В таких случаях основная вовлеченность и побочная вовлеченность могут становиться фикциями, поддерживаемыми формально, в то время как реально поддерживаются другие паттерны вовлеченности.

2. *Псевдоразговоры.* До сих пор мы ограничивали свое внимание взаимодействиями, где в качестве конституирующих их коммуникативных актов выступала принятая участниками очередность в разговоре. Мы можем расширить наше видение и рассмотреть подобное разговору взаимодействие, в котором обмениваются не речевыми знаками, а стилизованными жестами, как при обмене невербальными приветствиями¹⁰, или некоторыми ходами,

¹⁰ Приведем пример взаимодействия психиатр–пациент, являющегося вербальным только с одной стороны: «...в ходе анализа тяжелой шизофренички с депрессивными страхами пациентка пряталась в свою единственную одежду, одеяло, так что виднелись только брови; не смущаясь, я продолжал разговор с того места, где мы остановились в прошлый раз, и отмечал изменения этой выразительной, единственной видимой части тела, которые – насупленные брови, злой взгляд, изумление, проблеск удовольствия – указывали на изменения в ее настроении и мыслях. Мои предположения подтверждались, так как, когда позже она показала свое лицо и продемонстрировала свой голос, она подтвердила

как в карточной игре. Эти неречевые, но схожие с разговором взаимодействия оказываются структурно подобными разговорному взаимодействию, за исключением того, что способности, которые должны быть мобилизованы для осуществления такого взаимодействия, больше связаны с мышечным контролем за частями тела, чем в случае разговорного взаимодействия.

3. *Несфокусированное взаимодействие.* Я предположил, что речевое, жестовое и игровое взаимодействия характеризуются одним официальным фокусом когнитивного и зрительного внимания, который все полноценные участники помогают поддерживать. (Фокус визуального внимания может, конечно, смещаться от одного участника к другому, когда один говорящий оставляет свою роль рассказчика и возвращается к роли слушателя.) Этому сфокусированному виду взаимодействия мы должны противопоставить несфокусированную разновидность, где индивиды, находясь в зрительном и слуховом поле друг друга, болтают о своих делах, не связанные общим фокусом внимания. Примером служит поведение на улицах и на больших публичных приемах.

Когда мы исследуем несфокусированное взаимодействие, то обнаруживаем, что обязанности вовлеченности определяются не по отношению к совместному фокусу когнитивного и визуального внимания, а по отношению к роли, которая может определяться фразой «соблюдающий приличия человек, не вмешиваясь в чужие дела, занимается своим собственным делом». Однако как только мы переключаемся на эту точку отсчета, мы обнаружи-

общее направление моих предположений относительно того, что происходило в ее голове. Эта сессия не была вербальным взаимодействием – ее даже можно было бы назвать анализом бровей, – но она была попыткой вербализовать, концептуализировать и конкретизировать “здесь и теперь” то, что происходило в этот момент в ее голове» (*Richman J. The Role and Future of Psychotherapy with Psychiatry // Journal of Mental Science, v. 96. 1950. P. 189.*)

ваем, что все встречающиеся во время сфокусированного взаимодействия виды неадекватной вовлеченности происходят и во время несфокусированного взаимодействия, хотя иногда под другим названием. Точно так же как озабоченный собой подросток может испытывать неловкость, говоря с учителем, он может, входя в заполненный класс, ощущать, что его рассматривают критически и что его походка, ощущаемая им как скованная и деревянная, выражает его социальную тревогу. Точно так же как могут быть поглощенные своими мыслями индивиды в разговорном взаимодействии, так и в несфокусированном взаимодействии могут быть рассеянные участники, которые своими позами, выражением лица и физическими движениями дают основание полагать, что они на мгновение «отключились», на мгновение сбросили экспрессивный наряд, который, как ожидается, они должны носить в непосредственном присутствии других людей. И конечно, во время несфокусированного взаимодействия может возникать скука, что мы можем наблюдать почти в любой очереди за билетами. И точно так же как средства вроде алкоголя и марихуаны могут использоваться для превращения разговора во что-то не столь скучное или смущающее, они могут функционировать и придавая индивиду легкость в более обширном поле несфокусированного взаимодействия. Точно так же как остроумие делает честь моменту разговора, так и надевание новой или специальной одежды, подавание редкой или дорогой пищи и использование быстровянущих цветов могут привлечь внимание к уникальной ценности более широких социальных ситуаций. Таким образом, ясно, что примененный в данной работе подход может быть использован определенным образом и для изучения несфокусированного взаимодействия.

Однако мы не должны ожидать полного сходства между двумя видами взаимодействия. Например, оказы-

вается, что индивиды чаще не проявляют озабоченность собой в качестве участников несфокусированного взаимодействия, чем будучи участниками сфокусированного взаимодействия, особенно разговорного. Действительно, в разговорном взаимодействии спонтанная «нормальная» вовлеченность оказывается исключением, а какое-либо отчуждение – статистическим правилом. Это понятно. С одной стороны, от участников требуется спонтанно увлекаться темой разговора, с другой – они обязаны настолько контролировать себя, чтобы всегда быть готовыми оставаться в роли коммуникаторов и замечать трудные вопросы, смущающие других. С одной стороны, они обязаны твердо придерживаться всех соответствующих правил поведения, с другой – они обязаны позволять себе достаточно, чтобы обеспечить минимальный уровень возбуждения вовлеченности. Эти обязанности оказываются противоположны друг другу, требуя столь тонкого и непрочного равновесия поведения, что типичным результатом оказывается отчуждение и неловкость во взаимодействии. В несфокусированном взаимодействии такая тонкость приспособления, похоже, не требуется.

VII. Заключение

Представляется, что многие социальные контакты разговорного типа объединяет фундаментальное требование: должна порождаться и поддерживаться спонтанная вовлеченность участников в официальный фокус внимания. Когда это требование существует и выполняется, взаимодействие «удается» или порождает эйфорию как таковую. Если встрече не удастся захватить внимание участников, но они не освобождаются от обязанности вовлеченности в нее, присутствующие, скорее всего, почувствуют неловкость, для них взаимодействие провалилось. Человек, хронически вызывающий в разговоре неловкость у себя или других и постоянно «убивающий»

встречи, является плохим участником взаимодействия; вероятно, он будет оказывать такое пагубное влияние на социальную жизнь вокруг себя, что его можно назвать ущербным человеком.

Таким образом, про любого индивида важно знать, имеют ли его статус и манеры тенденцию мешать поддержанию спонтанной вовлеченности во взаимодействие или способствовать ей. Нужно заметить, что эта информация относится к индивиду в его роли участника взаимодействия и что независимо от других ролей, в которых он в этот момент выступает, роль участника взаимодействия он будет обязан поддерживать.

Социальные контакты в значительной мере различаются по важности, которую придают им участники, но все встречи, решающие или пустяковые, представляют ситуации, когда индивид может спонтанно вовлекаться в процесс и извлекать из него твердое ощущение реальности. И такое ощущение – не тривиальная вещь, независимо от его упаковки. Когда случается инцидент, ставящий под угрозу спонтанную вовлеченность, под угрозой оказывается реальность. Если нарушение не контролируется, если участники взаимодействия не восстанавливают свою подобающую вовлеченность, иллюзия реальности будет разрушена, маленькая социальная система, рождающаяся вновь в каждой встрече, будет дезорганизована и участники будут ощущать неуправляемость, нереальность, неупорядоченность.

Помимо чувства реальности, которое она обеспечивает, конкретная встреча может не иметь серьезных последствий, но мы должны видеть, что правила поведения, обязывающие индивида быть способным и готовым отдаваться таким моментам, имеют глобальное значение. Люди, придерживающиеся этих правил, поддерживают состояние готовности к разговорному взаимодействию, а разговорное взаимодействие между многими разными

людьми во многих разных случаях необходимо для того, чтобы работа общества была выполнена.

Обсуждавшееся в этой главе чувство реальности формируется как альтернатива формам отчуждения, состояниям типа поглощенности, озабоченности собой и скуки. В свою очередь, эти виды нарушения обязанностей можно понять, обращаясь к центральному вопросу спонтанной вовлеченности. Когда мы рассмотрели, каким образом речевой контакт может иметь успех или терпеть неудачу в приведении участников к этой спонтанной вовлеченности, и увидели, что так же можно рассматривать нефокусированное взаимодействие, мы получили ориентиры для понимания других видов обязанностей: профессиональной карьеры индивида, его политической вовлеченности, его семейного положения, – ибо в определенном отношении эти более широкие контексты состоят из повторяющихся случаев сфокусированного и нефокусированного взаимодействия. Рассматривая то, каким образом индивид оказывается идущим не в ногу с социальной ситуацией, нам, быть может, удастся что-то узнать и о путях его отчуждения от того, что занимает значительно большую часть его времени.

Психические симптомы и публичный порядок*

Люди, оказавшиеся в поле зрения психиатра, обычно прежде привлекают внимание своих знакомых-непрофессионалов. То, что психиатры считают психическим заболеванием, неспециалисты обычно вначале видят как оскорбительное поведение – поведение, заслуживающее презрения, враждебности и других негативных социальных санкций. Целью психиатрии долгое время было противодействие техническому подходу к таким людям; понимание и лечение, а не кара за нарушение общественного порядка; забота об их интересах, а не интересах социального круга, которому нарушитель порядка нанес ущерб. Я воздерживаюсь здесь от обсуждения того, каким несчастьем для многих нарушителей порядка было предоставление им такой медицинской «помощи».

Фрейдистская психиатрия в корне изменила постановку этой медицинской проблемы. В небольших классических психоаналитических работах последователи З. Фрейда показали, что определенные нарушения порядка, теперь называемые симптомами, могут интерпретироваться или прочитываться как часть системы коммуникации и защиты нарушителя, в частности, как регрессия к инфантильным формам поведения. Окончательным триумфом этой психологической точки зрения стало понимание того, что социально неподобающее поведение может быть психологически нормальным (например, когда мужчина обнаруживает достаточно сил, чтобы

* Первоначально опубликовано в: Disorders of Communication, Research Publications, A.R.N.M.D., vol. XLII, p. 262–269. Copyright © 1964 by the Association for Research in Nervous and Mental Disease.

разорвать нездоровые супружеские отношения), а социально адекватное поведение может быть по-настоящему болезненным (что иллюстрируется навязчивыми интересами и сексуальным воздержанием некоторых химиков-исследователей). Короче говоря, для психиатра наличие беспокоящего симптома является просто разрешением начать «копать».

Первым результатом этого просвещенного подхода, о котором мог бы сокрушаться социолог, явилось то, что парадоксально притупился интерес к неприличному поведению. В конце концов, симптом – это только симптом, даже если он действительно отмечает место, где вы начинаете свое исследование. Если как-то вам удастся убрать один симптом, ничего не делая с динамикой, скорее всего, неожиданно возникнет другой симптом; он может иметь совсем другое обличье, но ту же выраженность.

Быстро перешедшим от нарушений социального порядка к психическим симптомам психиатрам обычно не очень удавалось превзойти неспециалистов в оценке неадекватности поступков – объяснимых для крайне девиантных поступков, но не для многих более мягких случаев неправильного поведения. Эта проблема неизбежна, так как у нас отсутствует технический реестр различных паттернов одобряемого в нашем обществе поведения, а имеющуюся у нас скудную информацию не преподают в медицинских учебных заведениях. Психиатрам до сих пор не удалось дать нам систематизированные принципы идентификации и описания нарушений правил, типичных для психотического поведения. В настоящее время в психиатрии существует довольно специальный и тяжелый язык, включающий такие термины, как: «уплощенные аффекта», «позирование», «манерность движений», «неконтактность» и т.д. Это решает проблему быстрых клинических записей, но создает много сложностей для практиков. В любом случае, моралистический язык социальных наук, выстроенный вокруг неправдоподобно-

го представления, будто люди должны находиться в хорошей, ясной, прямой и открытой коммуникации друг с другом, еще хуже: как будто коммуникация – это пилюля, которую нужно проглотить, потому что это полезно для желудка.

Вторым следствием просвещенного психиатрического подхода, о котором мог бы сокрушаться социолог, является вытекающая из него очень специфическая и ограниченная трактовка коммуникации. Психиатры, вследствие своей опоры на амбулаторную практику и увлеченности (по крайней мере, до недавнего времени) невротиками, а не психотиками, склонны встречаться со своими пациентами в комнатах на двоих. Даже хуже: они склонны были впадать в ошибку «телефонной кабины», как будто то, чем занимается пациент, так или иначе является видом беседы, обменом информацией по телефону, а проблема состоит в том, что линия занята, связь плохая, собеседник на другом конце застенчив, скрытен, боится говорить или настаивает на использовании шифра. В работе явно нужно большое терпение и умение слушать. Гипноз и «сыворотка правды» также использовались для «очистки линии». Позднее, с появлением вживленных в кору мозга электродов, мы прогрессировали параллельно с телефоном Белла к чему-то вроде «прямого набора». Я могу добавить, что немногие профессии были так хорошо способны институционализировать и продать на социальном рынке собственные фантазии о том, чем они занимаются.

В любом случае, существовала общая слепота к тому факту, что очень часто неправильное поведение пациента – это публичный факт в том смысле, что любой, находящийся в одной комнате с ним, или, по крайней мере, любой участник того же разговора почувствует, что тот ведет себя неприлично. Правда, пациент может неадекватно вести себя просто потому, что присутствующие люди воспринимаются им как замещающие реально значимые фигуры. Но какой бы ни была более глубокая цель

неадекватного поведения и насколько бы ни был психиатр убежден в том, что он и пациент одни в комнате, неадекватное поведение – это публичная вещь, потенциально доступная и являющаяся потенциальным беспокойством для всех и каждого, кто может оказаться в присутствии пациента. И когда мы покидаем профессиональную территорию психиатра, этот факт становится еще очевиднее. Психоз – это то, что может стать заметным любому на работе пациента, его соседям, его домашним, и что, по крайней мере сначала, должно восприниматься как несоблюдение социального порядка, существующего в этих местах. Другая сторона изучения симптомов – изучение общественного порядка, изучение поведения в общественных и полуообщественных местах. Если вы будете изучать одну сторону этого вопроса, вам, вероятно, нужно изучить и другую. Я полагаю, что симптоматическое поведение вполне может рассматриваться в первую очередь не как искаженная форма коммуникации двух человек, но как форма социально неадекватного поведения в том смысле, который придавали этому понятию Эмили Пост и Эми Вандербильт*.

Я хочу на короткое время перевести психиатрические часы назад и обрисовать слегка отличный подход к симптоматологии и коммуникации. Я предлагаю исследовать общее правило поведения, нарушением которого выступает оскорбительное поведение, начиная с социальных проступков тех, кто еще не стал пациентом, затем попытаемся развернуть сеть правил (одним из них будет являться то, с которого мы начали), и одновременно попытаемся бросить взгляд на социальный круг или группу, поддерживающую эти правила и оскорбленную нарушением любого из них. Как только эта работа проделана, мы можем вернуться к индивидуальному нарушителю и вновь

* Эмили Пост и Эми Вандербильт – авторы популярных в США во 2-й половине XIX в. руководств по светскому этикету. – *Примеч. ред.*

исследовать смысл для него его оскорбительного поведения. Когда мы выполним такой анализ, то сможем понять тот вызывающий замешательство факт, что индивид, кажущийся в один день совершенно сумасшедшим, на следующий, благодаря магической «спонтанной ремиссии», снова демонстрирует «здоровое» поведение. Мы должны также суметь найти термины, точно и элегантно описывающие стандартные симптомы. И, как предположил Гарольд Гарфинкель, мы должны быть в состоянии (не просто так, а в целях проверки теории) «программировать» безумие, то есть дать испытуемому сведенные к минимуму инструкции, как вести себя безумно, так сказать, изнутри.

Хотя социологи много лет классифицируют психотическое поведение как тип неадекватного поведения, вид девиантности, они, как и их коллеги-медики, не продвинули дело особенно далеко.

Один из вопросов состоит в том, что хотя достаточно легко назвать психотическое поведение социальным отклонением, еще легче увидеть, что есть много типов социальных отклонений, не являющихся случаями психотического поведения, – хотя бравые психиатры и психологи и пытались докопаться до болезненных корней всего, от преступлений до политической нелояльности. Говорят, что обычные уголовники оскорбляют имущественный порядок, изменники – политический порядок, кровосмесительные пары – порядок кровного родства, гомосексуалисты – порядок сексуальных ролей, наркоманы, возможно, моральный порядок и т.д. Мы должны, далее, спросить: какой тип социального порядка специфическим образом связан с психотическим поведением?

Как указывалось, психотическое поведение противоречит тому, что может считаться публичным порядком, особенно одной его части – порядку, которым руководствуются люди, находящиеся в непосредственном физическом присутствии друг друга. Большая часть пси-

хотического поведения – это, прежде всего, несоблюдение правил, установленных для поведения в ситуации лицом к лицу, установленных или, по меньшей мере, отстаиваемых некоторой оценивающей, судящей или поддерживающей порядок группой. Во многих случаях психотическое поведение можно назвать неадекватным ситуации.

Принимая во внимание, что многие психотические симптомы неадекватны ситуации, мы должны спросить, все ли случаи ситуативной неадекватности являются проявлением психотических симптомов. Если бы это было так, у нас был бы социологически обоснованный способ отличать психотиков от других людей. Но очевидно, что есть много случаев ситуационной неадекватности, явно не связанных с психическим заболеванием. Есть невежливое поведение человека другой культуры, высокомерного человека, эксцентричного, наглого, порочного, празднующего, пьяного, старика, юноши.

С учетом этого мы должны спросить, имеют ли те случаи ситуационной неадекватности, которые мы называем симптоматичными, что-либо общее, присущее в то же время исключительно им. В литературе делались некоторые попытки назвать такие их свойства. Предполагалось, например, что психотическая ситуационная неадекватность – это поступок, которому другим нелегко сопереживать, вызывающий у других ощущение, что субъект непредсказуем и ненадежен, что он находится в другом мире, что другие не могут поставить себя на его место.

Как бы ни был соблазнителен этот подход, я не верю в его перспективность. Резкое различие между симптоматичной и несимптоматичной ситуационной неадекватностью – это, несомненно, часть нашего народного концептуального аппарата для понимания людей; трудность в том, что оно, по-видимому, не имеет никакой фиксированной связи с актуальным поведением, к которому оно

применяется. За исключением крайних случаев, нет согласия в том, куда отнести конкретное поведение. Обычно такое согласие наступает задним числом, после того, как наклеен ярлык «психическое заболевание», или (в другом случае) после того, как применимость такого ярлыка полностью исключена. Вследствие этого я полагаю, что социологический анализ психотической симптоматики неизбежно оказывается не слишком удовлетворительным. Он охватывает и диапазон поведения, воспринимаемого как нормальное, и диапазон поведения, воспринимаемого как психотическое.

Давайте теперь посмотрим на симптомы с социальной точки зрения. Во-первых, чем же именно является ситуационная неадекватность? Мы можем перевернуть этот вопрос, спросив: какого вида события – адекватные или неадекватные – могут случаться лишь в ситуациях общения лицом к лицу? Некоторые возможности таковы: (1) физическое и сексуальное нападение и менее драматичные помехи свободным телесным движениям. Давайте пока отставим в сторону эти возможности, хотя ясно, что боязнь возможности этих событий играет важную роль в нашем отношении к психически больным; (2) коммуникация лицом к лицу: вербальная, включающая передачу и получение сообщений, и невербальная, включающая выражение и тщательный сбор информации об информаторе. Итак, что же именно связано исключительно с ситуацией или с положением лицом к лицу в вербальной и невербальной коммуникации между людьми в присутствии друг друга? Это: (1) доверие к голому или непосредственному ощущению и (2) доверие к воплощенным сообщениям, тем, которые могут передаваться только благодаря присутствию тела передающего. Как считают исследователи коммуникации, эти два фактора, вместе взятые, подразумевают, что: (1) будет симультанная симметрия ролей (передающий информацию становится ее получателем, выражающий невербальные проявления

становится их регистратором); (2) коммуникация очень насыщена квалифицирующими признаками; (3) налицо значительные возможности обратной связи.

Каким бы полезным ни оказался этот анализ коммуникативных характеристик взаимодействия лицом к лицу, он все еще вытекает из допущения, что взаимодействие лицом к лицу и коммуникация – более или менее одно и то же и что неуместность в ситуативном поведении так или иначе является патологией коммуникации. Однако это очень коварное допущение, и (как уже предполагалось) еще более коварным его делает созвучность интеллектуалистической профессиональной ориентации среднего класса. Я хочу высказать утверждение, что когда происходит или ожидается речевая коммуникация, разговор, то присутствующие совместно вступают в особый тип ритуально четко обозначенного объединения, особый тип тайного совещания, о котором можно говорить как о разговорном круге. Если происходит что-то неуместное, например манерная жестикуляция, это замечается и обращает на себя внимание не потому, что что-то сообщается, а потому, что нарушены правила поведения человека в присутствии других. Вербальная и невербальная коммуникация обусловлены еще и одобряемыми паттернами манер той группы, или объединения, согласно которым индивиды обязаны регулировать свое взаимодействие. Действовать в психотической манере очень часто означает неправильно взаимодействовать с непосредственно присутствующими другими; что-то сообщается, но нарушаются прежде всего правила взаимодействия, а не коммуникация.

Вероятно, именно эти правила, а также определяемые ими единицы взаимодействия и обусловленные ими санкционированные способы совместного существования и сохранения обособленности задают те естественные рамки, внутри которых могут быть систематически локализованы и описаны так называемые психотические

симптомы. Каковы же правила должного поведения в присутствии других? Каковы единицы объединения, совместного существования, которое эти правила делают возможным и которое, в свою очередь, задает рамки, внутри которых происходят все события, включая коммуникацию лицом к лицу?

Язык социологии традиционно имеет дело с организациями, структурами, ролями и статусами и не слишком хорошо подходит для описания поведения людей в присутствии друг друга. Понятие «взаимодействие», увы, означало все, и почти не рассматривались единицы анализа, необходимые при пристальном рассмотрении взаимодействия лицом к лицу. Требуется перевод с языка структуры на язык взаимодействия, даже при сохранении ключевого момента социологического метода – акцента на правилах и нормативном понимании. Действительно, чтобы описать правила, регулирующие социальное взаимодействие, надо описать структуру этого взаимодействия.

В качестве средств начального анализа поведения лицом к лицу можно рекомендовать три базовые единицы взаимодействия. Во-первых, это *социальный случай*: событие, такое как вечерний прием, ожидаемое и вспоминаемое в качестве целостной единицы, обладает временем и местом осуществления и задает атмосферу происходящего во время и внутри него. Социальные случаи, по-видимому, слиты с тем, что психолог Роджер Баркер называет поведенческими местами, особенно в случаях, являющихся неформальными и мало рассматриваемых как отдельные единицы.

Во-вторых, я использую термин *собрание* по отношению к любой группе из двух или более человек, включающей всех тех и только тех, кто в этот момент находится в непосредственном присутствии друг друга. Термин *социальная ситуация* я отношу к полному пространственному окружению где бы то ни было, внутри которого входящий

в него человек становится членом уже существующего (или возникающего при этом) собрания. Ситуация возникает с началом взаимного наблюдения и заканчивается, когда уходит предпоследний человек.

Когда люди находятся в собрании, они могут вместе прийти к поддержанию общего фокуса зрительного и когнитивного внимания, взаимно утверждая друг друга в качестве людей, открытых друг другу для разговора или его заменителей. Такие состояния разговора я называю *встречами (encounters)*, или *договоренностями (engagements)*. Эти сфокусированные собрания нужно отличать от случаев, когда индивиды присутствуют, но не участвуют прямо в поддержании состояния разговора, тем самым образуя несфокусированное собрание. Сфокусированное взаимодействие – это его разновидность, происходящая в состоянии разговора; несфокусированное взаимодействие – разновидность, происходящая, скажем, когда два человека оценивают друг друга, ожидая автобус, но не распространяют друг на друга статус со-участников в открытом состоянии разговора.

Правила начала, поддержания и завершения состояния разговора, составляя важную часть того, что Г. Бэйтсон и Дж. Руш называют метакоммуникацией, в той или иной степени рассматриваются в литературе, особенно в связи с описаниями так называемой психотической вербальной продукции, и, конечно, в исследованиях малых групп и описаниях групповой психотерапии. В любом случае, этот аспект ситуативного поведения вполне соответствует профессиональной ошибке, обусловленной ситуацией комнаты на двоих и тихого разговора, которую психиатры внесли в свой подход к психотическому поведению. Что, быть может, было упущено в этой области, так это правила, управляющие встречами между незнакомыми людьми, то есть правила общения с посторонними, подхода к ним и, кроме того, правила относительно состояния пребывания «с» кем-то.

Правила относительно несфокусированного взаимодействия – подлинного чистого совместного присутствия в одной ситуации – почти не рассматривались систематически; существующие предположения исходят либо из описаний ухода, например у Е. Блейлера, либо из книг по этикету. Социологи, специализирующиеся на коллективном поведении, сосредоточили свое внимание на панике, бунтах и толпах, почти не думая о структуре мирного передвижения людей в публичных местах. Уважение, трансформирующее простые физические границы вроде стен и окон в коммуникативные границы; хорошо структурированное вежливое невнимание, демонстрируемое присутствующим людям, посредством которого один показывает другому, что видит его, но при этом тот не оказывается объектом чрезмерного любопытства; поддержание своего лица и внешнего вида, как будто человек всегда готов получить инструкции и информацию от ситуации; выражение адекватного распределения вовлеченности между основной и побочной (например, курение) активностью – все эти нормативные требования простого присутствия пока еще никак не были систематизированы.

Подобным же образом мало внимания уделялось управлению доступными договоренностями, то есть договоренностями, поддерживаемыми в социальной ситуации, где есть и другие договоренности, и другие, не участвующие в договоренности, индивиды. Мы только начали изучать под влиянием этологов «правила дистанций», на основе которых кружки разговаривающих и не участвующие в них люди в социальной ситуации делят доступное пространство так, чтобы максимизировать определенные переменные, и соответственно этому модулируя звучание. Мы почти не касались долга участника договоренности по отношению к более широкой ситуации, долга, который люди не могут заплатить, если демонстрируют разные формы неприязни и рассеянности;

соответственно, мы не рассматривали и долг, который договоренность в целом имеет перед социальной ситуацией и социальным случаем, долг, обязывающий участников договоренности оставаться в ней, но не слишком далеко втягиваться в прогрессирующее развитие активности в рамках договоренности.

Действуя классическим психотическим образом, пациент активен именно в отношении этих различных правил и поддерживаемых ими единиц объединения. Я убежден, что существует крайне широкий диапазон мотивов и причин для такого поведения индивида. Когда пациент с повреждением мозга и пациент с функциональным заболеванием демонстрируют сходное неадекватное поведение – например, не могут среагировать на шаги по установлению договоренности, – психиатрия находит в этом основание для подтверждения своей убежденности в том, что поведение может быть симптоматичным в медицинском смысле, неважно, является ли заболевание органическим или функциональным. Но, конечно, это инверсия природы. Как раз поведение пациента с органическим поражением лишь имитирует социально структурированные нарушения, точно так же как молчание немигающей совы мы интерпретируем как признак мудрости, а пациент с функциональным нарушением демонстрирует уход от контактов в его полной и изначальной форме. Девушка из верхних слоев среднего класса, игнорирующая возгласы, оклики и приставания юнцов из трущоб, иллюстрирует в еще более обычной форме неконтактное поведение. Я не знаю психотического неадекватного поведения, которое не могло бы быть точно соотнесено с поведением в повседневной жизни людей, не являющихся психически больными и не считающихся таковыми; и в каждом случае можно обнаружить множество разных мотивов для неподобающего поведения и множество разных факторов, влияющих на наше к нему отношение. Хочу добавить, что психиатрические больницы, возможно, путем естествен-

ного отбора, организуются так, чтобы создать именно такие условия, в которых упрямые участники возвращаются к демонстрации ситуационной неадекватности. Если вы лишаете людей всех привычных средств выражения гнева и отчуждения и помещаете их в место, где причин для этих чувств у них как никогда много, естественным выходом для них будет ухватиться за то, что остается, – за ситуационную неадекватность.

Суммируем наши аргументы. Когда люди вступают в непосредственное физическое присутствие друг друга, они становятся уникальным образом доступны друг другу. Возникают возможности физических и сексуальных нападений, втягивания и вовлечения в нежелательные состояния разговора, словесных оскорблений и приставаний, нарушений определенных территорий *Я* и других, демонстрации невнимания и неуважения к присутствующему собранию и социальному случаю, в рамках которого возникло собрание. Правила поведения лицом к лицу, признаваемые в данном сообществе, устанавливают форму, которую должно принимать совместное общение лицом к лицу, приводя к общественному порядку, гарантирующему, что люди будут уважать друг друга с помощью доступных им идиом языка уважения, сохраняя свое социальное место и межличностные обязательства, обеспечивая и не нарушая движение потока слов и тел и демонстрируя уважение к социальному случаю. Нарушения этих правил образуют ситуационную неадекватность; многие из этих нарушений губительны для прав всех и каждого присутствующего и представляют собой демонстративные публичные нарушения, независимо от того, что многие из них мотивированы конкретными отношениями нарушителя с конкретными присутствующими или даже отсутствующими людьми. Эти случаи неадекватности являются в первую очередь не лингвистическими феноменами межличностной коммуникации, а примерами неподобающего публичного

поведения; дефект коренится не в области передачи информации или установления межличностных контактов, а во внешних приличиях и манерах вести себя, регулирующих объединение людей лицом к лицу. Именно в этом мире санкционированных форм объединения психотические симптомы берут свое естественное начало, и только получив систематическую картину ограничений одобряемого публичного поведения, мы можем обрести язык для четкого и эффективного разговора о симптоматологии. Правила поведения в присутствии других и благодаря присутствию других – это правила, делающие возможной упорядоченную коммуникацию лицом к лицу лингвистического типа; но эти правила и множественные нарушения их, систематически демонстрируемые психотиками и другими нарушителями, не должны сами рассматриваться в первую очередь как феномены коммуникации; они прежде всего являются ориентирами (и их нарушениями) социальной организации, организованного объединения присутствующих вместе людей.

Где находится действие

«Идти по канату – это жизнь,
остальное – ожидание»^{*}.

Лет десять назад в среде городских американских парней, не претендующих на благовоспитанность, термин «действие» или «акция» (action) использовался в далеком от Парсонса^{**} значении, для обозначения особых ситуаций, отличавшихся от ситуаций, где «нет действия». В последнее время это слово получило широкое употребление, и окончательно добила его безжалостная эксплуатация в рекламных роликах и объявлениях.

Термин, которому посвящена эта глава, указывает на нечто живое, но сам сейчас почти мертв. Действие будет определяться аналитически. Я постараюсь обнаружить, где оно может находиться и что можно сказать про эти места.

I. Шансы

Везде, где есть действие, наверняка есть и шансы. Начнем с простого примера и двинемся от него дальше.

Два мальчика нашли на дороге монетку и решили, что один подбросит ее, а другой должен будет угадать, упадет ли она орлом или решкой, чтобы определить таким способом, кому монетка достанется. Таким образом, они включились *в игру*, или, как называют это пробабиллисты, *в азартную игру*, – в данном случае *в игру* «орел или решка».

Монетка может использоваться в качестве приспособления для принятия решений так же, как колесо рулетки

* Приписывается Карлу Валенде, возвращавшемуся к ремеслу канатоходца после трагического случая в его труппе в Детройте.

** Парсонс Т. – известный американский социолог, предпринявший попытку разработать общий категориальный аппарат для описания структуры социального действия. – *Примеч. ред.*

или колода карт. В данном конкретном случае ясно, что мы имеем дело с полностью известным набором *возможных исходов*: орел или решка, то есть аверс или реверс. То же самое с игральной костью: при обычном изготовлении и использовании¹ шесть разных ее граней представляют возможные исходы броска.

При двух возможных исходах бросания монеты для каждого из них может быть оценена вероятность, или *шанс*. Шансы варьируют от «несомненно» до «невозможно», или, на языке вероятностей, от 1 до 0.

Игрок владеет тем, что он может потерять, – это *ставка* (*bet*). Игра дает ему шанс выиграть то, чего у него еще нет – это можно назвать *выигрышем* (*prize*). *Результат* (*payoff*) для него – это приз, который он выиграет, или ставка, которую он проиграет. Ставка и выигрыш вместе называются *банком* (*pot*)².

Теоретические шансы (*theoretical odds*) выражают вероятность удачного исхода по сравнению с неудачным, при том что механизм принятия решений полагается идеальным. *Истинные шансы* (*true odds*) учитывают, в отличие от теоретических, физические погрешности, заложенные

¹ Игральная кость может использоваться как монета, если, например, 1, 2 и 3 назвать «орел», а 4, 5 и 6 – «решка». Среди типов неспортивных (жульнических) игровых костей есть неправильно помеченные, называемые по-разному – верх и низ, лошадки, кубики, фишки, мягкие шарики, Калифорнийские четырнадцать, дверные хлопки, восточные волчки и т.д. У этих игровых костей не разные числа на каждой из шести сторон, и (как и монета с двумя орлами) они представляют игроку возможность поставить на результат, который не входит в число возможностей и, следовательно, маловероятно, что он выпадет. Заметим, что игральные кости гораздо чаще, чем монеты, приземляются на ребро (вследствие опоры на другие предметы) или укатываются в недоступные места. Справляться с этими прискорбными неприятностями – одна из задач членов игровой команды, особенно крупье, в том смысле, что их очень быстрые словесные и физические коррективы предназначены для того, чтобы сделать совершенную очень несовершенную физическую модель.

² На гонгах для обозначения этого есть слово «экстеншн» (*extension*).

в любом реальном механизме, которые никогда не могут быть до конца учтены или полностью устранены³. *Реальные шансы* (*given odds*, или *pay*) – это размер выигрыша по сравнению с размером ставки⁴. Заметим, что исходы определяются полностью в терминах механизма игры, а итоги (выигрыш или проигрыш) – в терминах внешних и переменных ресурсов, связанных с определенными результатами. Таким образом, в словосочетаниях «теоретические шансы» и «реальные шансы» мы в каком-то смысле используем один термин «шансы» для выражения двух совершенно разных идей.

Оценка банка с учетом средней вероятности выиграть его дает то, что специалисты по теории вероятностей называют *ожидаемой ценностью* (*expected value*) игры. Вычитание ожидаемой ценности из размера ставки дает величину цены, или средней выгоды от участия в игре. Отношение этого параметра к размеру ставки составляет *выгоду* (*advantage*) игры. Когда нет ни выгоды, ни убытка, игру называют *честной*. Тогда теоретические шансы равны реальным шансам, а тот, кто *делает ставку* или *предлагает пари*, ставя большую сумму в надежде выиграть маленькую, имеет полноценную компенсацию в виде малой вероятности проигрыша тому, кто *принимает пари*.

Есть игры, предлагающие выбор из множества возможных исходов, каждый из которых оплачивается по-разному или даже предусматривает для делающего ставку различные минусы. Примером служит игра в казино. Другие игры тоже включают ряд возможных благоприятных исходов, оплачиваемых по-разному. Ожидаемая ценность

³ Здесь и в других местах в вопросах, касающихся вероятности, я обязан Айре Цизину. Он несет ответственность только за верные утверждения.

⁴ Для повышения видимой привлекательности определенных ставок некоторые игорные схемы объявляют выигрыш не в терминах реальных шансов, а по отношению к банку; таким образом, ставка с реальными шансами 1 к 4 будет объявлена как 1 к 5.

в этом случае складывается как сумма нескольких различных ценностей; примерами могут служить игровые автоматы и кено*.

В той степени, в которой игра служит выигрышу, она представляет собой *возможность* (*opportunity*); в той степени, в которой она угрожает потерей ставки, – это *риск* (*risk*). И то, и другое определяется здесь объективно. Субъективное ощущение возможности или риска – другой вопрос, оно может совпадать с реальностью, но не обязательно.

Каждого из наших мальчиков, бросающих монетку, можно рассматривать как находящегося в точке жизненному пути, где находка монетки не предусматривалась. Без этой находки жизнь продолжалась бы согласно ожиданиям. Каждый мальчик может, далее, рассматривать свою ситуацию как позволяющую ему либо получить выгоду, либо вернуться к тому, что является нормой. Случай такого типа можно назвать возможностью без риска. Если бы к одному из мальчиков подошел хулиган и стал играть с ним в «орел или решку» монетой, взятой из кармана этого мальчика (как это случается в пригородах), мы могли бы говорить о риске без возможности. В повседневной жизни риск и возможности обычно встречаются вместе и во всевозможных комбинациях.

Иногда индивид, узнав о вероятности неудачи, может отказаться от решения продолжать активное действие. В этом случае не принимаются ни риск, ни возможность. Чтобы принять их, индивид должен позволить себе (или его заставляют это сделать) выпустить ситуацию из своих рук и утратить над ней контроль, тем самым приняв на себя обязательство⁵. Нет обязательства – нет шанса.

Теперь о детерминации, определяемой как процесс, а не как завершенное событие. Как только монета ока-

* Кено – американская игра типа лото. – *Примеч. перев.*

⁵ Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 24.

зывается в воздухе, бросивший ее чувствует, что начали действовать решающие силы; так оно и есть. Конечно, период детерминации может быть отодвинут назад и включить в себя решение выбрать «орла» или «решку» или еще дальше – к моменту принятия решения бросать монетку. Однако результат («орел» или «решка») окончательно определяется в то время, когда монета находится в воздухе; остальное – кто выбирает «орла» или «решку», что стоит на кону и т.п. – решается до этого события. Коротко говоря, основной чертой ситуации подбрасывания монеты является то, что результат, неясный до определенного момента – момента подбрасывания монеты в воздух, однозначно и полностью определяется в момент броска. *Проблематичная* ситуация разрешается.

Термин «проблематичная» здесь употребляется в объективном смысле и относится к чему-то еще не детерминированному, но близкому к этому. Как уже предполагалось, субъективная оценка самого актора вносит дополнительные осложнения. Он может совсем не осознавать, что нечто детерминировано, или может считать ситуацию проблематичной, когда на самом деле все уже определено и ему остается только обнаружить, открыть это. Или, наконец, он может полностью ориентироваться в происходящем – оценивать вероятности и реалистично воспринимать результаты. Мы в основном будем заниматься этим последним случаем, когда между объективной и субъективной ситуацией обнаруживается полный параллелизм.

Каузальные силы, действующие в течение периода детерминации и до конечного результата, часто определяют как «вероятностные» или «чистая удача». Это не означает полного индетерминизма. Когда монета подброшена, ее падение полностью детерминировано такими факторами, как предшествующее состояние пальцев бросавшего, высота броска, движение воздуха (в том числе возникающего после того, как монета покидает пальцы) и т.д. Однако

невозможны никакие преднамеренные действия, которые могли бы повлиять на результат⁶.

Конечно, существуют рискованные ситуации, когда мастерство, знания, отвага, настойчивость и т.д. создают соответствующий порядок направляемой человеком детерминации. В этом действительно заключается решающее различие между играми «чисто» случайными и тем, что называют соревнованиями: в первом случае, как только в игру вступает детерминация, участники могут только пассивно ждать результата; во втором именно этот отрезок времени требует интенсивного и непрерывного приложения соответствующих способностей. Тем не менее случается, что во время соревнований что-то ценное, поставленное на карту, зависит от неуправляемой детерминации; объективно (и часто также и в восприятии) преднамеренные и результативные действия недостаточно сильны для того, чтобы снять проблематичность ситуации.

Важнейшей чертой бросания монетки является наличие временных фаз. Мальчики должны принять решение уладить дело с помощью бросания монетки; они должны физически настроиться; они должны решить, какая часть стоимости монеты будет поставлена на кон при броске и кто выбирает «орла», а кто – «решку»; с помощью поз и жестов они должны принять на себя обязательства по игре и тем самым пройти «точку невозврата». Это фаза заключения пари, или *фаза приготовления*. Далее идет фаза собственно игры, или *фаза детерминации*, во время которой соответствующие причинные силы активно и определяющим образом продуцируют результат⁷. Да-

⁶ См. обсуждение *MacKay D. The Use of Behavioral Language to Refer to Mechanical Processes // British Journal of Philosophy of Science. V. 50. 1962. XIII. P. 89–103; On the Logical Indeterminacy of a Free Choice // Mind. V. 69. 1960. P. 31–40.*

⁷ В бросании монетки эта фаза начинается, когда монетка взлетает в воздух, и завершается приземлением ее на руку через 1–2 секунды.

лее наступает *фаза обнаружения* или *раскрытия* – время между детерминацией и информированием участников. Этот период обычно бывает очень коротким, чтобы как можно быстрее выявить различия между группами участников, поляризованных по отношению к полученному результату⁸, и заполнен особой сверхчувствительностью. Наконец, *фаза завершения*, начинающаяся с раскрытия результата и длящаяся до выплаты проигрышей и получения выигрышей.

Период, требующийся участникам данной игры для прохождения всех четырех фаз – приготовления, детерминации, раскрытия и завершения, – может быть назван *временем игры*. Периоды между играми можно назвать *паузами*. Время одной игры нужно отличать от периода, заполненного играми, то есть *сессии* – времени между деланием первой ставки и уплатой последней, воспринимаемого как непрерывная игра. Количество завершенных игр в течение любой единицы времени – это *темп* игры⁹.

В скачках детерминация начинается с открытия барьера и завершается пересечением финишной линии после последнего круга, всего немногим более минуты. В семидневных велогонках фаза детерминации длится неделю.

⁸ Мошенничество на скачках основывалось на возможности убедить жертвы в том, что период между результатом на дорожке и его объявлением в отдаленных местах достаточно длительный, чтобы использовать его для «гарантированных» послефинишных ставок – ситуация, которая действительно может случаться и регулярно использовалась. Можно добавить, что дружески расположенные друг к другу игроки в очко в Неваде после завершения кона иногда смотрят в свои карты и подшучивают над игроком относительно участи, которая уже определена и прочитана, но, поддразнивая партнера, задерживают ее раскрытие.

⁹ Например, допустим, что нашедшие пятицентовик играют по типу «все или ничего», где одно подбрасывание определяет, кто получает монету. Если по этому поводу мальчики общаются один час, их темп принятия решений равен одному в час. Если же они разменяют монету на одноцентовые и будут разыгрывать по 1 центу за раз, темп принятия решений будет в 5 раз выше, чем прежде, хотя итоговый приз будет не больше, а, возможно, меньше.

Средняя продолжительность туров игры ставит верхнюю границу скорости игры, как и средняя продолжительность пауз; монета может быть подброшена 5 раз за полминуты; то же самое количество решений на скачках потребует более часа.

С учетом этого различения фаз игры легко заметить одну особенность простых вероятностных игр, которая иначе может показаться само собой разумеющимся. Как только игра начата, ее детерминация, раскрытие и завершение обычно быстро следуют друг за другом, часто до того, как сделана другая ставка. Сессия бросания монеты состоит, таким образом, из последовательности четырехфазных циклов с паузами между циклами. Обычно игроки сохраняют непрерывное напряжение внимания и переживания в течение всего четырех- или пятисекундного цикла каждой игры. Внимание падает только во время пауз, то есть между завершением одной игры и началом следующей. В повседневной жизни обычно происходит совершенно иначе. Конечно, человек делает ставки и рискует в повседневной жизни, например, когда он решает сменить работу или переехать из одной страны в другую. Более того, в определенные моменты ему может быть необходимо принимать несколько жизненных решений в одно и то же время и, следовательно, поддерживать очень высокий темп принятия решений. Но обычно фаза детерминации – период, в течение которого определяются последствия его решения, – бывает долгой, иногда длится десятилетия, за которыми следуют также продолжительные фазы раскрытия и завершения. Отличительное свойство игр и соревнований состоит в том, что как только ставки сделаны, *детерминация результата и присуждение вознаграждения осуществляются на одном дыхании*. В течение всего периода игры непрерывный фокус внимания постоянно находится на высоком уровне.

II. Последствия

Итак, мы можем использовать некоторые понятия из традиционного анализа бросания монетки¹⁰, но такой подход вскоре приводит к затруднениям.

Нормы определения размера ставки или приза устанавливаются сообществом (или со ссылкой на него), населением в целом или преобладающим рынком. Запутанность анализа игры состоит в том, что различные люди могут по-разному относиться к одним и тем же ставкам или выигрышам. Взрослые люди из среднего класса могут использовать монетку в качестве механизма принятия решений, но вряд ли они станут тратить время на бросание монетки только для того, чтобы решить, кому эта монетка достанется. А маленькие мальчики могут воспринимать претензии товарища на найденную совместно монетку как действительно большую ставку. Если обратить внимание на различные смыслы, которые разные люди придают одинаковым ставкам (или одинаковым выигрышам) или которые один человек придает им в разное время или в разных ситуациях, можно говорить о субъективной ценности, или *полезности (utility)*. И точно так же, как *ожидаемая ценность* может быть подсчитана как средняя величина стоимости выигрыша, так и *ожидаемую полезность* можно определить как полезность, которую индивид приписывает денежному выигрышу, помноженную на вероятность этого выигрыша.

Ожидаемая полезность выигрыша в ситуации с бросанием монетки должна быть четко отделена от ожидаемой полезности бросания монетки ради этого приза, ибо индивиды постоянно наделяют субъективной ценностью – позитивной или негативной – возбуждение и тревогу, вызываемые самим бросанием. Кроме того, разочарование от проигрыша и удовольствие от выигрыша, скорее всего,

¹⁰ Хороший, хоть и популярный анализ этого можно найти в работе Jeffrey R. The Logic of Decision. N.Y.: McGraw-Hill, 1965.

не уравнивают друг друга; разница (в любом случае) должна также учитываться в среднем как часть ожидаемой полезности игры¹¹. Объективные стандарты могут использоваться для выявления значения ставок; но мы должны привлечь туманное понятие полезности для постижения смысла самой игры.

Переходя от четкого понятия ожидаемой ценности приза к понятию, более отвечающему нашим интересам, а именно ожидаемой полезности игры за данный банк, мы сталкиваемся с почти безнадежными сложностями. Когда индивид утверждает, что данный период игры вызывает большой азарт, или чувствует, что он дает больше шансов, чем другой, за этим может стоять целый ряд соображений: шкала ставок, длительность пари (а также, предлагает он его или принимает), краткость времени игры, количество игр, темп игры, выгода от участия в игре, вариации размера выигрышей, связанных с благоприятными результатами. Наконец, относительный вес, придаваемый каждому из этих моментов, будет существенно меняться вместе с абсолютной ценностью каждого из остальных¹².

Для нас это означает, что разные люди и разные группы обладают различными точками отсчета для измерения риска и возможности; очень рискованный образ жизни может приводить к тому, что человек мало значения придает риску, который кому-то другому покажет-

¹¹ В азартной игре эти факторы не являются независимыми. Несомненно, часть переживаний, получаемых при бросании монеты, вытекает из разницы между удовлетворением от предполагающейся победы и неудовольствия от мыслей о проигрыше.

¹² Недавние работы, особенно экспериментальных психологов, внесли важный вклад в познание этой области с помощью схемы эксперимента, в котором людей заставляли делать выбор между играми, включавшими разные сочетания этих элементов. См., например, *Cohen J. Behaviour in Uncertainty*. London: George Allen and Unwin, 1964. P. 27–42; *Edwards W. Behavior Decision Theory // Annual Review of Psychology*. V. 12. 1961. P. 473–498.

ся недопустимым¹³. Так, например, пытаясь объяснить существование легализованных азартных игр в Неваде, иногда ссылаются на шахтерские традиции штата. Рискванность этой профессии в целом можно действительно определить как значительную. Суть аргумента состоит в том, что так как экономика штата сама по себе основывалась на азартной игре с пластами земли, то азартные игры в казино никогда не воспринимались с особым неодобрением.

В обыкновенной азартной игре базовое понятие «рискованность» обладает множеством полуосознаваемых, непостоянных значений. Когда от игры мы переходим к реальной жизни, все становится гораздо сложнее.

При бросании монетки существуют априорные эмпирические причины оценивать вероятность каждого результата («орел» или «решка») как пятьдесят процентов. Бросающим монетку нет необходимости задумываться о правильности этой оценки – тем монеты и хороши. Однако во многих обыденных ситуациях человек сталкивается с матрицей результатов, которая не может быть полностью определена. (Например, это могло бы произойти, если бы наши два мальчика остановились перед глубокой разветвленной пещерой, пытаясь решить, что с ними может произойти, если они попытаются ее исследовать.) Даже если известен весь ряд возможных результатов, то вероятности, которые должны быть приписаны каждому из них, могут быть предметом только грубой оценки, базирующейся на смутных ссылках на эмпирический опыт¹⁴. Более того,

¹³ За это и другие предположения я благодарен Кэтлин Арчибальд.

¹⁴ Известные фирмы, специализирующиеся на мошеннических игровых устройствах, продают по-разному изготовленные игральные кости, которые обеспечивают покупателю выбор между пятью или шестью степенями того, что называют «силой». Возможно, что это ранжирование абсолютно достоверно. Но ни одна компания не исследовала игровые кости любой заявленной силы в течение достаточно

оценивающий часто очень слабо ощущает, насколько приблизительна его оценка. В большинстве жизненных ситуаций мы имеем дело с *субъективной вероятностью* и, следовательно, в лучшем случае, с очень грубой общей мерой – *субъективно ожидаемой полезностью*¹⁵.

В то время как бросающие монетку обычно имеют дело со «справедливой» игрой, а игроки казино – со слегка невыгодной, более широкие аспекты образа жизни сталкивают человека с гораздо меньшей сбалансированностью в этом отношении; здесь мы имеем дело с ситуациями больших возможностей при малом риске или большого риска при малых возможностях. Более того, возможности и риск нелегко измерять одной шкалой¹⁶.

длинных серий проб, чтобы обеспечить достаточный уровень достоверности суждений о выгоде, которую дают потребителю эти мошеннические игральные кости.

¹⁵ Вслед за *Knight F. Risk, Uncertainty and Profit*. Boston: Houghton Mifflin, 1921 (особенно главы 7 и 8), в литературе понятие «риск» используется по отношению к решениям, где известны возможные результаты и их вероятность, а понятие «неопределенность» – когда вероятности разных результатов неизвестны или даже непознаваемы. Например, см. *Luce R., Raiffa H. Games and Decisions*. New York: Wiley & Sons, 1958. P. 13 (рус. пер.: *Льюис Р.Д., Райфа Х.* Игры и решения. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – *Примеч. ред.*). Вслед за Дж. Коэном Б. Фокс (*Fox B. Behavioral Approaches to Accident Research*. N.Y.: Association for the Aid to Crippled Children, 1961. P. 50) предлагает использовать термин «опасность» для объективно рискованных шансов, а «риск» – для субъективных оценок опасности. Б. Фокс приравнивает это к немного другому различию: между риском, воспринимаемым как внутренне присущий ситуации, и риском, воспринимаемым как намеренно предпринятый. См. также *Cohen J. Behaviour in Uncertainty*. London: George Allen and Unwin, 1964. P. 63.

¹⁶ Концепция полезности и экспериментальные техники вынужденного выбора между одиночными исходами и парами, связанными по теории вероятностей, могут послужить попытке сведения этих переменных в единую схему. Однако эти попытки могут быть взяты под сомнение. В реальности многие игры неизбежно предполагают недооценку игроком риска (при фокусировании его на возможностях) или неосознание возможности (при внимании к риску). Приложение идеи полезности к этой недооценке для уравнивания ставок вряд ли поможет.

В самом понятии ценности есть важный момент – представление, что ставки и выигрыши могут быть измерены количественно. Монетка обладает и социально подтвержденной ценностью и субъективной ценностью, отчасти благодаря тому, что ее выигрыш позволяет или проигрыш не позволяет игрокам *делать после игры*. Это *последствия игры*, то есть *способность результата выходить за пределы того события, в котором он был достигнут, и объективно влиять на последующую жизнь игрока*. Период, в течение которого действуют эти последствия, – это *последигровая фаза*, или *фаза последствий* игры.

Здесь надо рассмотреть один каверзный момент. И «объективная ценность» и «полезность» являются средствами установления сиюминутных эквивалентов тех последствий, которые в действительности должны проявиться со временем. Это достигается посредством того, что либо сообществу, либо самому индивиду позволяется приписать оценку этому будущему и принять или отдать его цену сейчас. Я хочу избежать этих сложностей. Когда, например, мужчина делает брачное предложение, результат становится детерминирован, как только девушка примет решение; раскрывается, когда она дает свой ответ; завершается, когда заключается брак или отверженный поклонник удаляется, чтобы ухаживать за кем-то еще. Но в другом смысле последствия платы ощущаются участниками всю свою оставшуюся жизнь. Как «результат» служит ценностным эквивалентом исхода, так «последствия» – человеческим эквивалентом результата. Итак, мы переходим от четко определенных банка и выигрыша к отсроченному результату, который может быть определен лишь смутно. Это движение от банка к последствиям и от азартных игр с предписанными правилами к более широким областям жизни.

Вдобавок ко всем этим ограничениям, модель бросания монетки имеет еще одно, довольно важное, к рассмотрению которого мы лишь приступаем. Субъективные

переживания маленьких мальчиков, бросающих монетку ради владения ею, вытекают из беззаботно проявляемого желания. Решение играть или не играть принимается в условиях, когда оно не подвергается давлению со стороны, и «не играть» могло бы быть легким, вполне осуществимым выбором. Как только это решение принято в позитивную сторону, принимается второе – относительно возможного исхода, на который надо делать ставку, – здесь предпочтения иллюзорны, но тем не менее вызывают интерес и определенно не иллюзорны в играх, включающих мастерство. Как только получен результат, к нему следует отнестись как к возможности, которая была предусмотрена, и как бы то ни было, игра сыграна. Впоследствии всю ситуацию с легкостью можно рассматривать как ситуацию готовности рискнуть, порождаемую и управляемую на основе самодетерминации, ситуацию *принятия* риска и *использования* возможности. Однако в повседневной жизни человек может иногда не осознавать фактически существующего риска и возможностей или может понять, в какую игру он играл, только после ее окончания. И если к ситуации подходить, имея в виду ее рискованность, можно иногда обнаружить, что цена отказа от игры так высока, что она должна быть исключена из числа реальных возможностей, или (если такое решение практично) что нет такого результата, на который стоит делать ставку. Здесь есть некоторая свобода выбора, некоторая самодетерминация, но не слишком большая. Модель бросания монетки может быть применима ко всем этим ситуациям, но только лишь ценой игнорирования некоторых важных различий между готовностью рискнуть в игре с целью развлечения и азартной игрой в реальной жизни. Даже не говоря о размере ставки, наши два мальчика, бросающие монетку, и двое выживших в кораблекрушении и согласных с тем, что нет другого выхода, кроме как, подбросив монетку, решить, кому придется облегчить плот, играют не в одну и ту же игру; в

свою очередь, они рискуют иначе, чем двое больных пассажиров, которых их здоровые компаньоны вынуждают с помощью бросания монетки принять решение, кто из них двоих больше не будет получать воду из запаса спасательной шлюпки.

III. Судьбоносность

Человек, готовый выйти из дома на назначенную встречу, обнаруживает, что собрался на полчаса раньше и теперь у него есть «свободное время», которое можно как-то использовать или заполнить. Он мог бы «хорошо» использовать время, выполнив какое-то важное дело, которое и так пришлось бы когда-то делать. Вместо этого он решает «убить» время, берет первый попавшийся под руку журнал, заваливается в удобное кресло и пролистывает несколько страниц, пока не наступит пора уходить.

Каковы характеристики подобной деятельности, используемой для «убивания» времени? Подойдем к этому вопросу через другой: каково возможное воздействие этого маленького отрезка жизни человека на всю остальную жизнь?

Очевидно, то, что происходит в период убивания времени, может не иметь никакого отношения к остальной жизни человека¹⁷ — он может следовать многим альтернативным линиям деятельности, а его жизнь будет протекать все так же. Вместо чтения одного журнала он может читать другой либо может коротать время, смотря телевизор, клуя носом или решая головоломки. Обнаружив, что у него меньше свободного времени, чем предполагалось, он легко может оборвать свое бесцельное времяпрепровождение; обнаружив, что у него есть больше времени, он это времяпрепровождение может про-

¹⁷ Хотя, конечно, его выбор средств убивания времени может быть характерен для него.

должить. Он может попытаться найти интересный для себя журнал, потерпеть неудачу, но мало что потерять из-за этого, просто отметив, что временно он без дела. Если время убить нечем или его слишком много, он может «протянуть» его.

Итак, моменты «убитого» времени не имеют последствий. Они ограничены и изолированы, не перетекают в остальную жизнь и не влияют на нее. Иначе говоря, жизненный путь человека не подвластен этим «убитым» моментам; его жизнь организована так, будто непроницаема для них. Деятельность для убивания времени выбирается заранее так, что она не может связать или затянуть человека¹⁸.

Убивание времени часто вовлекает «убийцу» в проблематичную деятельность. Принятие решения относительно журнала или телевизора может быть быстрым, и его детерминация начинается не раньше, чем человек уже готов сесть за это занятие. В таком случае осуществляется проблематичное поведение, не имеющее последствий. (Интересно, что то же самое происходит в случае бросания монетки. Наши юные игроки субъективно могут приписывать большую ценность выигрышу в бросании

¹⁸ Свободное время может быть любой протяженности, от нескольких секунд до нескольких лет. Оно наступает между выполнением заданий на работе, в дороге от дома до работы, дома после вечерней трапезы, во время уикенда, ежегодных отпусков, выхода на пенсию. (Существует также – главным образом в воображении – время ухода от обыденной жизни, которое Георг Зиммель называет «приключение».) Когда убивается свободное время, это предположительно делается с помощью добровольно выбранной деятельности, обладающей чертами завершенной самодостаточности. Заполняет ли человек свое свободное время имеющей или не имеющей последствия деятельностью, он обычно должен оставаться поблизости или в пределах досягаемости от местоположения серьезных должностных обязанностей, от своей работы. Отметим, что убиваемое свободное время нужно отличать от близкого ему времени, которое вынуждены «тянуть» безработные люди и которое они не могут расценивать как заслуженную передышку между прошлыми и будущими обязанностями.

монетки, но вряд ли этот результат может иметь дальнейшие последствия.)

В противоположность свободному времени у человека есть еще занятое время с его миром коллективно организованной серьезной деятельности, связывающей усилия индивида с потребностями других людей, которые рассчитывают на него в отношении товаров, обслуживания или услуг для выполнения своих собственных обязательств. Регистрируются его продукция, доставки и штрафы, налагаемые на него при неудачном исполнении. Короче, разделение труда и организация течения работы связывают текущие моменты жизни человека с последующими моментами жизни других людей весьма последовательным образом.

Однако почти не прослеживаются последствия должного исполнения собственных обязанностей в любом конкретном случае. Конечно, результаты более или менее представляются заранее, но вероятность их осуществления настолько высока, что здесь дело кажется не требующим пристального внимания. Ничего не надо взвешивать, решать или оценивать; не нужно рассматривать альтернативы. Эта деятельность, разумеется, имеет важные последствия, но она хорошо контролируется, она не проблематична. Между прочим, этим качеством будет обладать любой момент времени, рабочий или «убиваемый». Именно из-за всех возможных последствий наши бросатели монетки продолжают делать вдохи и выдохи и не разбивают свои головы о бетонную стену. Любая неудача в первом деле и успех во втором могут оказать очень далеко идущее воздействие на все будущие моменты жизни мальчиков. Однако продолжать дыхание и не разбивать голову о стенку – это цели, преследуемые столь постоянно и бездумно и реализуемые столь уверенно и привычно, что последствия ошибки даже не требуют специального рассмотрения.

Итак, занятия в свободное время могут быть проблематичными, но, скорее всего, не имеют последствий, а за-

нения в рабочее время, вероятно, имеют последствия, но не проблематичны. Таким образом, оба типа деятельности вполне могут быть бедны событиями: либо не происходит ничего важного, либо не происходит ничего неожиданно, такого, к чему не готовы.

Однако возможна деятельность, которая *может быть* проблематичной и иметь последствия. Такую деятельность я называю *судьбоносной (fateful)*, хотя термин «событийная» также подошел бы; именно этот тип рискованности нас сейчас интересует.

Надо признать, что хотя свободное время и время хорошо организованной работы обычно не являются судьбоносными, обстоятельства жизни человека таковы, что *некоторая степень* судьбоносности всегда присутствует.

Во-первых, есть авантюрный или буквальный тип судьбоносности. Событие, обычно хорошо организованное и не заслуживающее внимания, может иногда отбрасывать отсвет судьбоносности назад в прошлое, придавая определенным предшествующим моментам нетипичную для них способность быть первым звеном в роковой связи двух событий. Если одному из наших юных игроков необходима монетка, чтобы сделать важный телефонный звонок в тот момент, когда она найдена, то вероятность выигрыша при бросании монетки может стать судьбоносной. Точно так же наш убивающий время человек может настолько увлечься журнальной историей, что перестанет замечать течение времени¹⁹ и не сможет оторваться, пока не опоздает – досадная мелочь, если только пропущенная встреча не оказывается важной. Или, листая журнал,

¹⁹ В нашем урбанистическом обществе человек, как правило, периодически контролирует время и почти всегда может довольно точно оценить его. Даже дремлющие люди могут постоянно ориентироваться во времени. Столкнувшись в каком-то случае с тем, что «время ушло незаметно», человек на самом деле может иметь в виду один или два часа. Обнаружив, что его часы остановились, он может выяснить, что в действительности это случилось лишь несколько минут назад и что он, видимо, постоянно контролирует время.

он может наткнуться на статью об интеллектуальных тестах, содержащую образцы вопросов. Его встреча – это экзамен, на котором встретится один из этих вопросов. Момент пустой траты времени не отрезан полностью от последующих моментов, он может иметь с ними неожиданные связи.

Хотя индивиды и их деятельность всегда не лишены судьбоносности, есть некоторые занятия, уязвимость которых в этом отношении заметна и характерна для них. Там, где жизненно важны координация и сохранение тайны, целый диапазон второстепенных непредвиденных помех утрачивает свое обычное качество корректируемости и становится фатальным. Истории о почти совершенных преступлениях и чуть было не провалившихся рейдах десантников, так же как истории о стратегических промахах, хранят эти примеры судьбоносности.

Мейдстон, Англия: Вчера банда людей в масках с дубинками и молотками напала на машину, везущую в банк 28 000 долларов, но они захватили не ту добычу – пакет с сэндвичами. Деньги были заперты в багажнике машины, а на сиденье находился пакет с завтраками сотрудников банка²⁰.

Трое грабителей, полностью провалившие задуманное ими простое ограбление маленького банка в Родео, были осуждены федеральным судом. [...] Все трое были задержаны на месте преступления сорока полицейскими 7 января, когда они пытались скрыться с засунутыми в бельевой мешок 7710 долларами, только что взятыми в банке Юнайтед Калифорния, единственном банке в Родео. [...] Пью вошел внутрь с обрезом и выстроил в ряд 13 сотрудников и двух клиентов банка, а в это время Флеминг, держа пистолет, вошел в хранилище и начал наполнять бельевой мешок ассигнациями и, к своему несчастью, монетами. «Монеты проследить нельзя», – здраво сказал он. Он нагружал мешок монетами, пока его вес не достиг 200 фунтов. Затем он подтащил мешок по полу к двери – и старая

²⁰ San Francisco Chronicle, March 10, 1966.

веревка оборвалась. Затем оба грабителя потащили мешок за дверь, но он зацепился и порвался, и пока они волокли мешок к машине, за рулем которой находился Дарен, за ними тянулась дорожка из монет. Однако машина была припаркована слишком близко к тротуару, и им не удалось открыть дверцу, чтобы втащить добычу внутрь. Наконец они сделали это, подвинув машину, и поехали. Завернув за угол, машина остановилась, так как они увидели шерифа, дорожный патруль и полицейские машины²¹.

Такие ошибки случаются ежедневно, и обычно они легко могут быть исправлены за счет ресурсов, имеющихся в большинстве занятий. Преступные же акции (как и другие вооруженные операции) отличает узость этих ресурсов и, следовательно, высокая цена, которую приходится платить за необдуманность и невезение. Есть разница между тем, чтобы не потерять место и завоевать его; здесь действие становится поступком²².

Во-вторых, независимо от того, насколько момент жизни индивида свободен от последствий и изолирован и насколько безопасно и хорошо организовано место выполнения им его влекущих последствия обязанностей, человек должен находиться там во плоти, если это его жизнь, и именно в этой плоти он остается и несет ее с собой, куда бы он ни шел, со всеми повреждениями, когда-либо с ней случавшимися. Как бы он ни был осторожен, целостность его тела всегда в какой-то степени под угрозой. Читая, он может упасть со стула на пол и

²¹ Там же, Мау 6, 1966.

²² В вымышленных литературных мирах преступления (так же как структурно подобные им тайные операции различных правительственных агентов) осуществляются в условиях длинной последовательности потенциальных и реальных помех, каждая из которых с большой вероятностью может все разрушить. Герою удается выжить от эпизода к эпизоду, но только грубо нарушая законы вероятностей. Те из молодых претендентов на эти роли, кто склонен к вероятностному мышлению, должны быть в душе разочарованы.

получить повреждения. И хотя это не так уж вероятно, но если бы он стал убивать время, принимая ванну, или зарабатывать на жизнь, работая на токарном станке, в шахте или на строительстве, возможность повреждения была бы значительно более вероятной, как показывает статистика. Физическая опасность красной нитью связывает все моменты жизни индивида. Тело уязвимо для падения, удара, отравления, пореза, выстрела, крушения, затопления, ожога, болезни, удушья, удара электрическим током. Тело – это часть снаряжения, обеспечивающего возможные последствия, и его владелец всегда рискует им. Конечно, во многие моменты своей жизни он может использовать и другие основные средства, но его тело – единственное, что он никогда не может оставить в стороне.

Третий относящийся к делу аспект человеческой ситуации касается соприсутствия. Можно определить (для начала) *социальную ситуацию* как любое окружение, содержащее возможности взаимного наблюдения, которое длится, пока два или более человека находятся в непосредственном физическом присутствии друг друга, и распространяется на всю территорию, на которой это взаимное наблюдение возможно.

По определению, деятельность человека может осуществляться либо в социальных ситуациях, либо в уединении. Влияет ли это обстоятельство на судьбоносность этих моментов?

Для того особого вида последствий, которые нас интересуют, а именно судьбоносных, включающих значимое проблематичное воздействие одного момента на следующие, не должно иметь значения, находится ли событие в социальной ситуации или нет. В конце концов, нас интересуют конечные эффекты действия, а не текущие условия. Тем не менее различие между деятельностью, осуществляемой в одиночестве, и деятельностью в социальной ситуации, по-своему важно.

Точно так же как человек всегда привносит свое тело в каждое событие своей деятельности, в котором существует возможность случайной связи уже происходящего события с тем, которое в ином случае могло бы не иметь последствий, он привносит себя и как носителя таких стандартов поведения, как физическая искусность, честность, бдительность, набожность, аккуратность. Анализ индивидуального содержания этих стандартов дает ту основу, на которую опираются другие, приписывая ему персональный образ. Потом они опираются на эту характеристику для определения манеры, стиля обращения с ним, что влечет за собой последствия. Конечно, большинство этих стандартов бездумно и последовательно поддерживаются взрослыми людьми; скорее всего, они осознают эти нормы, только когда происходит какой-то странный случай или если в зрелые и в ритуальном плане значимые годы они, например, в первый раз пытаются ездить на лошади, кататься на коньках или заниматься другими видами спорта, требующими специальной техники для поддержки их физических притязаний.

В некоторых случаях неверное поведение в одиночестве приводит к заметному повреждению, по которому можно позднее выследить человека, который нарушил правила. Однако во многих других случаях такая ответственность не возникает – либо эффекты неверного поведения эфемерны (как в жесте неуважения), либо нельзя проследить их источник. Только совесть самого человека может придавать такой деятельности значимые для него последствия, но такая совесть обнаруживается не везде. Однако если деятельность проходит в социальной ситуации – то есть в присутствии свидетелей, – тогда эти стандарты немедленно становятся существенными и создают некоторый риск, хотя и невысокий.

Подобное утверждение относится и к возможностям изобразить безупречные личные качества. При отсутствии свидетелей индивидуальные усилия вряд ли мо-

гут привести к определенному долгосрочному эффекту; в присутствии других людей они с гарантией будут так или иначе замечены.

Итак, в социальных ситуациях обычные риски и возможности смешиваются с проявлениями самоподачи. Мелкие факты оказываются на виду, порой чересчур. Таким образом, социальные ситуации предоставляют возможности для введения благоприятной информации о человеке и становятся рискованными, если могут выявиться неблагоприятные факты.

Из разных видов объектов, с которыми человек должен управляться во время его присутствия среди других людей, один заслуживает особого внимания: сами другие люди. Впечатление, которое индивид создает при общении с ними, и черты, которые они приписывают ему в этой связи, специфическим образом связаны с его репутацией, ибо здесь свидетели прямо лично заинтересованы в наблюдаемых событиях.

Характерно, что когда бы человек ни находился в присутствии других, он связан обязанностью придерживаться церемониального порядка посредством межличностных ритуалов. Он обязан гарантировать, что экспрессивный смысл всех местных событий совместим со статусом, которым обладают он и другие присутствующие люди; это подразумевает вежливость, учтивость и карательные санкции к тем, кто пренебрегает этим. И поддержание этого порядка, будь то в свободное или в рабочее время, более проблематично, чем может показаться вначале.

Заключительная реплика о социальных ситуациях: церемониальный порядок, поддерживаемый людьми в присутствии друг друга, не только гарантирует, что каждый участник вносит и получает то, что полагается. Через осуществление подобающего поведения индивид придает значимость и содержательность самим единицам взаимодействия, таким как беседы, собрания и социальные события, открывает себя коммуникации. Определенные

виды неадекватного поведения (такие как потеря самоконтроля) серьезно нарушают пригодность участника к взаимодействию лицом к лицу и могут нарушить само взаимодействие. Этим обеспечиваются интерес других участников к социальному событию и результаты, которых они ожидают, ибо все это вместе гарантирует, что будет придаваться значение соблюдению приличий в поведении участников.

Я уже утверждал, что человек в определенной степени всегда находится в опасности вследствие случайной связи событий, уязвимости его тела и потребности поддерживать приличия в социальных ситуациях. Конечно, судьбоносные источники являют нам себя, когда происходят несчастные случаи – незапланированные безличные происшествя со случайными зловещими результатами. Но здесь нужно учитывать кое-что и помимо несчастных случаев.

Физические способности любого нормального взрослого человека предоставляют ему возможность оказывать разрушительное воздействие на мир, непосредственно окружающий его. Он может разрушать объекты, себя и других людей. Он может осквернять себя, оскорблять и разлагать других, ограничивать их свободу.

Дети не в состоянии самостоятельно воздерживаться от этих легкодоступных возможностей (для полного использования которых они в любом случае недостаточно развиты), и их так или иначе физически удерживают от совершения плохих поступков. Личное развитие есть процесс, посредством которого индивид учится добровольно удерживаться от подобных возможностей, пусть даже его способность разрушать мир непосредственно вокруг него возрастает. И этому воздержанию обычно так хорошо выучиваются, что при рассмотрении социальной жизни остается незаметным систематическое воздержание, происходящее в повседневной жизни, и не удастся предугадать те крайние разрушения, которые могли бы

произойти, если бы человек отказался быть джентльменом. Осознание этого наступает только тогда, когда мы детально изучаем масштабное разрушение социального окружения, производимое гипоманиакальными детьми, юными вандалами, самоубийцами, людьми с патологической потребностью в самоуничтожении и умелыми саботажниками. Хотя можно полагать, что наши бросатели монетки не прекратят дышать, не будут разбивать головы о бетонную стену, плевать друг в друга или мазаться фекалиями, известно, что пациенты психиатрических больниц поступают именно так, наглядно демонстрируя трансформацию непроблематичной деятельности, имеющей последствия, в судьбоносные действия.

IV. Практические азартные игры

Условия человеческого существования предполагают, что все может быть чревато событиями, особенно в социальных ситуациях. Все же человек обычно так управляет своими действиями, чтобы они не стали судьбоносными. К тому же большая часть происходящих событий разрешается путями, выходящими за рамки того, что нас интересует. Есть много случаев неустранимой судьбоносности, когда их участники остаются в неведении относительно рисков, которые они на самом деле избежали. (Существование таких моментов, например во время вождения машины, само по себе является интересным объектом для исследований.) И со многими судьбоносными поворотами, возникающими вследствие неординарных, невероятных событий, разбираются уже ретроспективно – только после завершения события человек переосмысливает ситуацию как бывшую для него судьбоносной на всем протяжении, и только потом он оценивает, в связи с чем она была судьбоносна. Ретроспективной судьбоносности и незамеченной судьбоносности встречается предостаточно, но они здесь рассматриваться не будут.

И конечно, в социальной жизни существуют экстраординарные ниши, где деятельность столь явно проблематична и обладает определенными последствиями, что участникам необходимо ориентироваться на перспективу их судьбоносности, с учетом этого воспринимая происходящее. Судьбоносные ситуации подвергаются тонким трансформациям, человек, которому предстоит их пережить, их когнитивно реорганизует. Так, правила, используемые нашими двумя мальчиками, переносятся в реальную жизнь серьезными людьми. Принимая во внимание практическую необходимость следования курсу действий, успех которых проблематичен, и пассивно ожидая их исхода, человек может обнаружить наличие альтернативы, пусть даже имеющей высокую цену, и затем определить себя как сделавшего свободный выбор между нежелательной определенностью и доступной неопределенностью. Это фиктивный выбор, но его достаточно, чтобы интерпретировать ситуацию как основанную на самодетерминации. Вместо ожидания своей судьбы вы встречаете ее около двери. Опасность превращается в принятие риска, благоприятные возможности – в пойманные шансы. Судьбоносные ситуации становятся рискованными предприятиями, а столкновение с неопределенностью истолковывается как добровольное участие в практической азартной игре²³.

²³ Представители теории принятия решений в настоящее время демонстрируют, что почти любую ситуацию можно с пользой представить как матрицу платежей, включающую все возможные результаты, где каждый результат характеризуется ценностью, соотношенной с его вероятностью. В итоге поведение, которое может строиться как непоблематичное и автоматическое или как обязательная реакция на негибкие традиционные требования, может быть переформулировано как рациональное решение, добровольно принятое в отношении определенных альтернатив. Далее, так как выбор делается из множества исходов, обладающих лишь вероятностью осуществиться, или, если вероятность исхода высока, он только с определенной вероятностью будет удовлетворительным, решение может рассматриваться как рас-

Рассмотрим теперь профессии, в которых имеют дело с проблематичными последствиями и в которых легко было бы определить деятельность человека как добровольно принятую практическую азартную игру.

1. Есть специальности в коммерции, финансово опасные или, по крайней мере, подвергающие индивида относительно большим колебаниям успехов и неудач за короткий период; это занятия рыночных спекулянтов и спекулянтов недвижимостью, рыбаков²⁴, геологоразведчиков, изыскателей.

2. Есть специальности в промышленности, опасные физически: горное дело, высотные строительные работы²⁵, испытательные полеты на самолетах, перекрытие скважин.

3. Есть «суетливые» работы в деловом предпринимательстве, где продавцы и агенты работают на основе ко-

считанный риск, практическая азартная игра. Характерно, что матрица результатов одинаково хорошо работает и с возможными исходами, вероятностность которых является природной закономерностью (как, например, когда решение о вторжении рассматривает вероятность хорошей или плохой погоды в нескольких возможных пунктах высадки), и с исходами, вероятностные характеристики которых специально заданы с помощью игрового оборудования (как тогда, когда одна из доступных альтернатив включает игру в кости ради определенного приза). Сопротивление такого рода формулировке может быть приписано нежеланию осознавать все выборы, включенные в действия человека. Принятие этой формулировки включает в какой-то мере договор с дьяволом; риск принимают, но без особого удовольствия. Каковы бы ни были социальные и политические последствия этой точки зрения теории принятия решений, можно предвидеть чисто культурный результат, а именно тенденцию все больше и больше воспринимать человеческую деятельность как практическую азартную игру. В заключение можно добавить, что атомная бомба может иметь чем-то похожий эффект – трансформацию мыслей о будущем обществе в мысли о шансах на существование будущего общества, при том что сами эти шансы меняются от месяца к месяцу.

²⁴ См. *Barth F. Models of Social Organization // Royal Anthropological Institute Occasional Paper. № 23. 1966. P. 25.*

²⁵ Описание см. в книге *Talese G. The Bridge. New York: Harper & Row, 1965.*

миссионных или выплат за заключенный контракт в условиях напряженной конкуренции. Здесь доход и престиж легко могут быть приобретены и потеряны вследствие второстепенных случайностей: временного ослабления усилий, погоды, мимолетного настроения покупателя.

4. Существуют сценические функции, выполняемые политиками, актерами и другими публичными деятелями, которые при каждом появлении на сцене должны работать на победу и «держат» аудиторию в условиях множества непредвиденных случайностей. Здесь опять любое ослабление усилий и ошибка в мелочах легко могут привести к серьезным последствиям.

5. Существует призвание солдата²⁶ и судьба полицейского – участки в жизни общества, выходящие за пределы обычного понятия работы и делающие человека официально ответственным за риск подвергнуться физической опасности от людей, ее замышляющих. Тот факт, что эти профессии стоят вне гражданской иерархии, видимо, подкрепляет идею самодетерминации.

6. Существует криминальная жизнь, особенно мелкие ее разновидности, не связанные с рэкетом, которые предоставляют значительные возможности, но непрерывно вновь и вновь подвергают человека действию огромного числа непредвиденных обстоятельств – физической опасности, риска потерять гражданский статус, широких флуктуаций дневной выручки²⁷. «Достижение цели» на улице требует постоянной ориентации на непредсказуе-

²⁶ Которое отличает, конечно, интересная дилемма: в бою солдаты должны поддерживать традиции чести и принятия риска, но за линией фронта организации нужны спокойные люди в серой униформе. См. *Janowitz M. The Professional Soldier*. N.Y.: The Free Press, 1960. P. 35–36.

²⁷ Интересный автобиографический портрет трущобного вора, специализирующегося на грабежах, в жизни которого постоянно присутствует риск, можно найти в книге: *Williamson H. Hustler!* N.Y.: Doubleday, 1965. См. также гарлемскую версию: *Brown C. Manchild in the Promised Land*. N.Y.: Macmillan Co., 1965.

мые возможности и требует готовности быстро принимать решения относительно ожидаемой ценности предполагаемых схем – все это подвергает человека большой неопределенности. Как мы уже видели, приближение к или удаление от сцены преступления подчиняет участников роковой игре того, что в обычной жизни могло бы стать просто мелким инцидентом.

7. Другие источники судьбоносности можно найти на аренах, в профессиональных зрелищных видах спорта, участники которых рискуют одновременно деньгами, репутацией и физической безопасностью: примерами могут служить американский футбол, бокс и бой быков. Еще один пример демонстрирует цитата из книги Стерлинга Мосса: «...мотогонки на высочайшем уровне, в быстрой компании сильнейших конкурентов, гонки на Гран-при – наиболее опасный спорт в мире. Это один из самых рискованных видов человеческой деятельности. Мотогонки убивают людей. В последние годы смертность иногда составляла 25%, или один из четырех. Эти шансы можно сравнить с опубликованной вероятностью гибели летчиков-истребителей и десантников-парашютистов»²⁸.

8. Наконец, существуют незрелищные развлекательные активные виды спорта, полные риска: альпинизм, охота на крупных животных, дайвинг, парашютизм, серфинг, бобслей, спелеология.

V. Адаптация

Не отмеченные событиями моменты были выше определены как моменты, не являющиеся проблематичными с точки зрения их следствий. Они имеют обыкновение быть скучными, не захватывающими. (Когда во время этих моментов ощущается тревога, она касается насы-

²⁸ Moss S. (with K. Purdy) *All But My Life*. N.Y.: Bantam Books, 1964. P. 10.

ценных событиями моментов, которые должны наступить позднее.) Однако есть много серьезных оснований чувствовать себя комфортно в этой бессобытийности и искать ее, добровольно отказываясь от практических игр с риском и возможностью – или возможностью, поскольку она так часто связана с риском. Весь вопрос в безопасности. В не отмеченных событиями ситуациях можно надежно управлять течением действий, и достигать цели последовательно и предсказуемо. С помощью такого самоуправления человек позволяет другим включать его в их планы эффективным и упорядоченным образом. Чем меньше неопределенного в его жизни, тем полнее общество может использовать его. Далее, понятно, что человек может предпринимать решительные усилия для минимизации событийности – судьбоносности – моментов своей жизни и что общество будет поощрять его к этому. Он занят *совладанием*.

Одной из базовых техник является физическая забота. Индивид обращается с собой так, чтобы минимизировать опасность повреждения своего тела при несчастном случае. Он не откидывается вместе со стулом слишком далеко назад и не витает в мечтах, переходя оживленный перекресток²⁹. И в отношении осуществления физической заботы и в отношении самой потребности поступать так праздное времяпрепровождение предъявляет те же требования, что и обязательные, серьезные занятия. *Некоторая* забота должна проявляться всегда. Осуществление заботы – постоянное условие существования. Так, это одна из основных задач, которую во всех обществах родители должны воспитывать в детях³⁰, предписывая

²⁹ Значительная часть этой заботы, конечно, встроена в окружающую среду через безопасные конструкции. Стулья конструируются так, чтобы ограничить возможность поломки, табуретки – возможность опрокидывания и т.д. Даже автомобили проектируются с учетом минимизации возможных повреждений.

³⁰ Мысль Эдварда Гросса.

им «беречь себя»* и без необходимости не вовлекаться в судьбоносные события, которых можно избежать.

Еще одно средство контроля за событийностью, почти столь же активно используемое, как физическая забота, иногда называют предусмотрительностью: это ориентация на долгосрочные цели, выраженные через действия, обладающие очень небольшими, но накапливающимися долговременными последствиями. Примером служат действия по созданию сберегательных счетов, стремление к повышению по службе и профессиональный рост путем постепенного обучения. Поднятие на ноги большой семьи также может служить примером. Здесь важно то, что в любой отдельный день усилиями, обеспечивающими лишь небольшой прирост, можно пожертвовать с небольшой потерей для целого. Это четко выражено в кальвинистском подходе к жизни: как только человек делит свою ежедневную деятельность на ту, что не имеет следствий, и ту, что является маленьким вкладом в будущее, ничто в его жизни не может отклониться от правильного пути.

Другое стандартное средство защиты себя от судьбоносности – это перестраховка в любой форме. Например, хозяева тратят деньги на свечи и запасные предохранители на случай отключения электричества, водители – на запасные покрышки, и все взрослые – на медицинское страхование. Таким образом, цена возможной неприятности может быть легко растянута на всю жизнь индивида, «конвертируя большие случайные потери в меньшую фиксированную плату»³¹.

Системы вежливости и этикета также могут рассматриваться как формы страхования против нежелательной

* Take care (англ.) – буквально «заботься», «береги себя» – в современном английском языке одна из распространенных формул прощания, означающая примерно «будь здоров». – *Примеч. ред.*

³¹ Knight F. Risk, Uncertainty and Profit. Boston: Houghton Mifflin, 1921. P. 246.

судьбоносности, на этот раз в связи с личным оскорблением, которое один человек может непреднамеренно нанести другому. Надежное управление взаимодействием лицом к лицу особенно зависит от этого способа контроля.

Заметим, что доступность и одобряемость мер по снижению риска создают новые непредвиденные обстоятельства, новые основания для тревоги. Когда в течение отрезка времени, который должен проходить без событий, происходит непредвиденное неприятное событие, которое распространяется за пределы текущего момента и затрагивает будущее индивида, он сталкивается с двойной потерей: первоначальная потеря плюс его появление перед собой и другими в качестве потерпевшего неудачу в осуществлении интеллектуального контроля, разновидности «заботы», которая позволяет разумным людям минимизировать опасность и избежать угрызений совести.

Таковы некоторые средства – в основном избегающего плана, – посредством которых индивид достигает реалистичного совладания с судьбоносными ситуациями. Теперь рассмотрим другой вопрос, который легко спутать с этим, – защитное поведение.

Предвосхищаемая судьбоносная активность порождает тревогу и возбуждение. Вследствие этого предполагается, что ценность того, что ставят на кон, и ценность самой игры совершенно различны. Предполагается также, что человек часто испытывает угрызения совести, если происходит что-то нежелательное, вероятность чего он не сумел уменьшить, и разочарование, если не происходит что-то желательное, совершение чего он не смог обеспечить. Любая практика, управляющая аффективными реакциями, порождаемыми судьбоносными ситуациями (такими реакциями, как тревога, угрызения совести и разочарование), может быть названа *защитой*³².

³² Различие между совладанием и защитой заимствовано из работы: *Mechanic D. Students Under Stress*. N.Y.: The Free Press, 1962. P. 51. Чем-то похожее различие используется в статье: *Anderson B.*

Сдвиг нашего рассмотрения с управления судьбоносностью на управление порождаемым ею аффективным состоянием требует от нас снова вспомнить фазы игры. Ибо на самом деле часто складываются ситуации, когда на фазы игры, объективно не имеющие последствий, реагируют с ощущением, что они судьбоносны. Например, собираясь вскрыть письмо с результатами экзамена, индивид может испытывать возбуждение и тревогу настолько, что прибегает к маленьким ритуалам умиротворения и контроля, прежде чем опустить глаза на столь важную новость. Или когда медсестра подходит к человеку с информацией о самочувствии его жены или сообщает пол его новорожденного ребенка, он может чувствовать, что это судьбоносный момент; то же он чувствует и когда сотрудник больницы возвращается с данными биопсии, говорящими, злокачественна или доброкачественна его опухоль. Однако реально эти моменты являются не судьбоносными, а просто раскрывающими. Во всех этих случаях судьба человека определилась раньше, чем он узнал новости, он только получил информацию о том, что уже было в силе, о том, с чем в этот день уже ничего нельзя было поделать. Открывание письма или анализ результатов биопсии не могут породить или определить реальность, а могут только раскрыть то, что уже возникло³³.

Bereavement as a Subject of Cross-Cultural Inquiry: An American Sample // *Anthropology Quarterly*. 1965. V. XXXVIII: «Направленное на стрессор поведение ориентировано на устранение, разрешение или смягчение самих обстоятельств, с которыми оно столкнулось; направленное на напряжение поведение ориентировано на успокоение физического или психологического дискомфорта, вызываемого этими происшествиями» (p. 195).

³³ Конечно, когда не стоит вопрос немедленной жизни или смерти, с простой информации о том, что произошло, может начаться приспособление к повреждению, так что незнание о возможной потере само по себе может быть фатальным. Здесь раскрытие судьбы не может повлиять на то, что раскрывается, но может влиять на организацию усилий по восстановлению. Подобным образом, если быстрая реакции индивида на ситуацию стратегически важна в его состязании с

Раскрытие может вызвать возбуждение и беспокойство о дальнейшей судьбе; их же может породить и завершение (то есть случаи, когда наконец выполнено то, что уже было детерминировано определенным образом). Так, в современной Европе последняя прогулка приговоренного к высшей мере не является судьбоносной, даже несмотря на то, что каждый шаг приближает его к смерти. Его казнь просто драматична, судьбоносным же был суд. В XVIII в., когда выносилось много смертных приговоров, но большинство из них затем смягчалось, суд был не настолько судьбоносен, как в последовавший за этим период. Конечно, в последнее время вместе с публичными выступлениями против смертной казни период после суда снова стал ощутимо судьбоносным.

Теперь мы можем, хотя бы вкратце, рассмотреть защиты, чтобы связать эту широко обсуждаемую тему с предметом данной работы.

Быть может, наиболее очевидный тип защиты – тот, который объективно совсем не влияет на судьбу, как в случае суеверных ритуалов. Примером может служить описание поведения боксеров.

Так как многие схватки непредсказуемы, у боксеров обычно есть суеверия, служащие для создания у них уверенности и чувства защищенности. Иногда менеджеры и тренеры используют эти суеверия для контроля над бойцом. Одни верят, что обязательно побеждают, съедая определенную пищу, потому что эта пища придает силу, другие надевают ту же форму, в которой выиграли свой первый бой (один из спортсменов, выходя на ринг, накидывал индейское одеяло); многие имеют талисманы или приписывают особую важность выходу на ринг после противника; некоторые считают, что если женщина наблюдает тренировку – это приносит несчастье. Один боксер, чтобы продемонстрировать, что он не суеверен, проходил под

другой стороной, то время, когда он узнает о результате, может быть судьбоносным, даже если само раскрытие результата на этот результат повлиять не может.

лестницей перед каждым боем, пока это само не стало магическим ритуалом. Соответственно этому, многие укрепляют свою религиозность и хранят Библию в своих шкафчиках (один боксер держал четки в своей перчатке; если он терял четки, то проводил утро перед боем в церкви). Хотя суеверные установки могут приходиться из местной или этнической культуры, они усиливаются среди боксеров, будь то белые или черные, начинающие или чемпионы³⁴.

Игроки в азартные игры демонстрируют подобные же, если не более, религиозные суеверия³⁵.

Ясно, что любые реальные практические действия, направленные на избегание или снижение риска, – любое совладание – должно, вероятно, в качестве побочного эффекта иметь снижение тревоги и угрызений совести, короче, выполнять защитные функции. Человек, хладнокровно прибегающий к матрице теории игр, сталкиваясь с жизненно важными решениями, сводит болезненный риск к рассчитанному. Его сознание организовано так, что приносит душевный покой. Подобно опытному хирургу он может чувствовать, что делает все, что в человеческих силах, и, следовательно, может ожидать результата, не испытывая боли и чувства вины. Подобным образом, ясное признание различия между фазами игры – детерминацией, раскрытием и завершением – может помочь человеку справиться с тревогой, продуцируемой в ходе деятельности, выполняя тем самым защитные функции.

Не удивительно, что если причина снижения детерминирующей силы текущей ситуации не обнаруживается сама, ее можно пытаться найти, а если найти не удается,

³⁴ Weinberg K., Arond H. The Occupational Culture of the Boxer // American Journal of Sociology. 1952. V. LXVIII. P. 463–464.

³⁵ В современном обществе использование таких практик отличается ощутимой амбивалентностью и явно имеет тенденцию к снижению. Об изменениях у одной традиционно суеверной группы – профессиональных рыбаков – см. Tunstall J. The Fishermen. London: Macgibbon & Kee, 1962. P. 168–170.

то можно вообразить. Так, например, мы находим, что локально детерминированные события могут интерпретироваться как следствия предшествующей детерминации. Версия этого «защитного детерминизма» обнаруживается в вере в судьбу, предопределенность, рок – представление о том, что основные исходы, касающиеся человека, уже предписаны и человек не в силах улучшить или ухудшить свои шансы. Иллюстрацией служит солдатский афоризм: «Я не подорвусь на mine, пока моя песенка не спета, так зачем беспокоиться»³⁶.

Точно так же как причинность можно искать вне ситуации, ее можно искать и в локальных силах, аналогичным образом служащих смягчению чувства ответственности человека. Своеобразным вариантом «козла отпущения» служит локализация причин события в том, что рассматривается как устойчивые и автономные черты личности индивида, и таким образом, судьбоносное событие превращается в то, что естественно ожидать. Став жертвой несчастного случая по неосторожности, человек может говорить: «Похоже на меня: все время со мной такое». Приближаясь к решающему экзамену, он может упростить картину, говоря себе, что экзамен будет справедливым, так как все зависит от того, насколько серьезно он до сих пор работал.

Вера в слепую судьбу может защитить индивида от угрызений совести из-за того, что можно и нужно было что-то сделать. Здесь мы видим противоположность защитному детерминизму – разновидность защитного индетерминизма с теми же последствиями. «Никто в этом не виноват, – говорит человек. – Просто не повезло»³⁷.

³⁶ См. обсуждение судьбы в статье *Miller W. Lower Class Culture as a Generating Milieu of Gang Delinquency // Journal of Social Issues. 1958. V. XIV. P. 11–12.* Религиозные корни этого можно найти у Жака Кальвина и пуритан-аскетов.

³⁷ Пример приводится у Cohen, цит. раб., р. 147: «Возможность положиться на “удачу” тоже может быть очень удобна в иных обстоя-

Очевидно, что традиционный анализ совладания и защиты может быть применен с учетом судьбоносности. Но при этом не учитывается известный факт адаптации к риску. Когда мы внимательно смотрим, как люди, чья ситуация постоянно судьбоносна (скажем, профессиональные игроки или солдаты на передовой), адаптируются к жизни, то обнаруживаем, что ясное ощущение последствий специфическим образом притупляется. Мир, представляющийся игроку азартной игрой, в конце концов лишь игра, из которой рискующий человек может научиться выбирать. Он приспосабливается к подъемам и спадам своего благополучия, не настаивая на своих прежних отношениях с миром и относясь через призму риска к тому, в обладании чем другие уверены. Это нормализует перспективу: когда условия полностью осознаны, жизнь может быть построена на их основе, и рассматривая их снизу вверх, человек начинает видеть подъемы, а не спады, как временные явления.

VI. Действие

Хотя с любого рода судьбоносностью можно бороться и путем совладания, и путем защиты, ее нельзя избежать полностью. Важнее то, что есть некоторые виды деятельности, судьбоносность которых действительно ощутима, если учесть размеры «ставок», степень риска и проблематичность исхода. Именно в этом случае, если, конечно, индивид готов воспринимать ситуацию как практическую азартную игру, происходит добровольное принятие серьезного риска.

тельствах. В 1962 г. британские университеты отвергли около 20 000 подавших заявки о поступлении. Многие из них примирили свою гордость с этим отказом, говоря, что предложение места в университете настолько же зависит от везения, насколько от достоинств абитуриента. Отказы описываются так: «Подача заявки на поступление подобна бросанию монетки в игровой автомат в уверенности, что когда-нибудь будет выигран главный приз»».

Некоторых индивидов их более общие обязательства вовлекают в то, что они могут воспринимать как рискованные предприятия, так что порой необходимость превращается в добродетель. Это еще одно защитное приспособление к судьбоносным ситуациям. Сталкивающиеся с судьбоносными обязанностями индивиды иногда считают себя достойными уважения, так как не боятся ставить себя под удар. В каждом контакте, как они убеждены, они готовы рисковать своим благосостоянием и репутацией, превращая встречи в конфронтации. Они испытывают более или менее тайное презрение к людям с надежной и безопасной работой, людям, которым никогда не приходится сталкиваться с подобными испытаниями самих себя. Они не только претендуют на работу, полную возможностей выбора и риска, но и намеренно ищут такую обстановку, отклоняя безопасные альтернативы, имея желание, способность и даже склонность жить в условиях вызова³⁸.

Талантливые взломщики и карманники, чье мастерство сопряжено с повышенным риском, глядят, так сказать, сверху вниз на мелкого воришку, так как единственное искусство, которым он должен обладать для своего ремесла, – это ловкость³⁹. Уголовники также могут не

³⁸ Э. Хемингуэй в «Смерти после полудня» полагает, что люди такого сорта, будучи не склонными слишком тщательно подсчитывать, обладают собственным заболеванием: «В средние века сифилис был болезнью крестоносцев. Предпожительно, они принесли его в Европу, и он является болезнью всех людей, в жизни которых доминирует равнодушие к последствиям. Это несчастный случай на производстве, которого должны ожидать все, кто ведет нерегулярную половую жизнь и по складу своей психики скорее склонен принимать риск, чем меры профилактики, и это ожидаемый конец или даже фаза жизни всех прелюбодеев, которые продолжают свою карьеру достаточно долго» (*Hemingway E. Death in the Afternoon*. N.Y.: Scribners, 1932. P. 101). Пенициллин разрушил этот путь к мужественности.

³⁹ *Shaw C. Juvenile Delinquency – A Group Tradition // Bulletin of the State University of Iowa*. № 23. N.S. № 700 (1933); цит. по: *Cloward R., Ohlin L. Delinquency and Opportunity*. N.Y.: The Free Press, 1960. P. 170.

уважать скупщиков краденого – «безмятежных воров»⁴⁰. Крупье в казино Невады убеждены, что именно им приходится, сталкиваясь с твердым намерением игроков выиграть, хладнокровно преграждать им путь, постоянно блокируя их умение, везение и мошенничество, или же они теряют свою репутацию у руководства. Будучи вынуждены сталкиваться с этими обстоятельствами ежедневно, они чувствуют себя отличающимися от сотрудников казино, не находящихся «на линии огня». (В некоторых заведениях есть специальные крупье, вступающие в игру, чтобы «помочь природе» откорректировать везение, время от времени испытываемое игроками, которое дорого обходится казино, или снять неуверенность, которую может испытывать распорядитель в казино, когда делающий большие ставки игрок начинает играть чересчур серьезно. Эти крупье демонстрируют искусство, требующее деликатности, быстроты и сосредоточенности, и их работу можно легко испортить. Более того, игрок в это время, скорее всего, вовлечен в игру очень сильно и открыто и воинственно ищет в небольшом поле игры признаки противодействия ему. Понятно, что у опытных «механиков» игры в карты и кости развивается презрение не только к не-крупье, но и к *простым* крупье.)⁴¹ Рыбаки, занимающиеся ловлей рыбы в небольших масштабах, которых я знал на Шетландских островах, испытывали подобные же чувства: за пять-шесть выходов в море в течение одного дня они испытывают перепады удачи из-

⁴⁰ *Black S. Burglary. Part Two // The New Yorker. December 14. 1963. P. 117.*

⁴¹ С определенным почтением крупье ссылаются как на образец на мастеров в Нью-Йорке, которые работали по соседству с притоном шайки «Убийцы Инкорпорейтед» и ежедневно имели дело с посетителями, демонстрировавшими нетерпимость к крупье и ловивших их на шулерстве. Конечно, тот, кто способен выполнять такую работу, должен сознавать себя человеком, умеющим сохранять самообладание не хуже любого, кого только можно вообразить.

за крайней изменчивости улова⁴². Всматривание в сеть, когда лебедка поднимает в поле зрения сеть с рыбой, – захватывающее ощущение, известное тем, кто переживал его, в отличие от других островитян, не настолько сильных, чтобы выдерживать это регулярно. Интересно, что сэр Эдмунд Хиллари*, занимавшийся действительно рискованным делом, дает нам следующее описание пчеловодства – работы, которой жили он и его отец:

Это была хорошая жизнь – свежий воздух, солнце и тяжелая физическая работа. И все время это была жизнь неопределенности и приключений – постоянная борьба с капризами погоды и сумасшедшая спешка, когда все наши 1600 ульев решали роиться одновременно. Мы никогда не знали, каков будет сбор, пока не забирали из ульев последний фунт меда. Но в течение всех напряженных месяцев медового потока мечта об огромном сборе меда вела нас через долгие тяжелые часы труда. Я думаю, мы были неизлечимыми оптимистами, и зимой я часто бродил по нашим прекрасным поросшим кустарником холмам, немного познавал уверенность в себе и чувствовал первое слабое шевеление интереса к неизведанному.⁴³

Встречаясь с такими взглядами, мы можем предполагать, что лучшее делается из плохого – дело скорее в рационализации, чем в реалистичном расчете. Такое впечатление, что иллюзия самодетерминации служит платой общества индивидам в обмен на их готовность выполнять работу, подвергающую их риску. В конечном счете, даже в рискованных профессиях выбор происходит главным образом в тот момент, когда впервые принимается сама роль и происходит отказ от более безопасной работы. Как только индивид связал себя с определенной нишей, необходимость для него сталкиваться лицом к лицу с происхо-

⁴² Полевое исследование, 1949–1950 гг.

* Хиллари Э. – Знаменитый альпинист, первый покоритель Эвереста. – *Примеч. ред.*

⁴³ *Hillary E. High Adventure. N.Y.: Dutton, 1955. P. 14.*

дящим будет скорее выражать постоянное принуждение, чем ежедневное принятие решений. В этом случае человек не может выбрать уклонение от риска без серьезных последствий для своего профессионального статуса⁴⁴.

Однако существуют судьбоносные деятельности, определяемые обществом как не налагающие на индивида обязательств продолжать выполнять их, если он начал это делать. Никакие посторонние факторы не заставляют его идти на конфронтацию с судьбой вообще; никакие дополнительные цели не создают целесообразных причин для продолжения его участия в этом. Его активность определяется как самодостаточная, желанная, приветствуемая и в высшей степени его собственная. Его достижения в ходе этой деятельности можно считать причиной участия в ней и, следовательно, прямым выражением его истинного характера и справедливой основой для его репутации.

Под словом «действие» я имею в виду имеющие последствия проблематичные деятельности, предпринимаемые, по субъективному ощущению, ради них самих. Уровень действия – его серьезность или реальность – зависит от того, насколько выражены эти его свойства, и измерение его сталкивается с такой же неоднозначностью, как и та, о которой мы говорили применительно к рискованности. Действие оказывается более выраженным, когда четыре фазы игры – приготовление, детерминация, раскрытие и завершение – происходят в течение достаточно короткого периода времени, чтобы они попали в промежуток непрерывного внимания и переживания. Именно тогда индивид отдается текущему моменту, ставя на кон свое будущее,

⁴⁴ Дин Макконнел предположил, что существуют виды работы, с которыми работники азартно играют, например, когда ночной сторож уходит в кино в рабочее время и получает удовольствие от риска в той же мере, что и от фильма. Однако характерно, что это «простые» виды работы, за которые легко берутся и которые быстро бросают люди, не имеющие особой квалификации ни для этой, ни для какой-либо лучшей работы. Когда за такой работой осуществляется только эпизодический контроль, возможна подобная рискованная игра с ней.

которое должно определиться в ближайшие секунды. В такие моменты, вероятно, возникает особое аффективное состояние, трансформирующееся в возбуждение.

Локализация действия легко и быстро может измениться, как свидетельствует изменчивость любой игры – например игры в кости. Действительно, стоит рядом с игровым столом начаться поножовщине, действие может изменить местоположение, может даже измениться его тип, однако участники будут использовать то же самое слово, как будто действие в ситуации по определению является наиболее серьезным в данной ситуации в данный момент, независимо от его содержания⁴⁵. Задавая знаменитый вопрос: «Где находится действие?» – индивид может больше интересоваться интенсивностью действия, которое он обнаруживает, чем его видом.

Любой индивид участвует в действии как бы в двух ипостасях: как рискующий чем-либо ценным и как выполняющий требуемые виды деятельности. В последнем качестве индивид обычно должен выступать один⁴⁶, ставя на кон свою репутацию компетентного игрока⁴⁷. Но в первом качестве он легко может играть совместно с другими

⁴⁵ Так, Нед Полски (*Polsky N. The Hustler // Social Problems. V. XII. 1964. P. 5–6*) полагает, что пулька между опытными игроками с маленькими ставками уступает пулке между менее опытными игроками, но с более высокими ставками.

⁴⁶ Способность к исполнению обычно приписывается индивиду, но бывают ситуации, например при нападении бандой, где эта способность ясно вытекает из видимой поддержки, за которой человек может обратиться. Далее, есть некоторые ситуации, где действие осуществляется благодаря тому, что группа исполнителей приняла на себя обязательства тесно координировать свои действия, например в некоторых грабежах. Детальнейшая разработка взаимозависимости перед лицом различных неожиданностей становится источником действия.

⁴⁷ Вполне возможно, что человек будет больше заботиться о своей репутации в качестве исполнителя, чем об объективной ценности находящейся на кону ставки. Например, крупные казино, особенно в период знакомства с работой, могут испытывать больше сложностей с заключением больших ставок, чем если они сами делают ставки в качестве игроков после работы.

или даже позволять им «брать» всю игру. Действие, таким образом, – это обычно что-то, «часть» чего человек может получить; исполнитель действия – обычно отдельный индивид, но представляющий группу, которая может иметь быстро меняющийся состав участников, объединенных совместными обязательствами. Однако для анализа удобно сосредоточить внимание на случае, когда все действие берет на себя один исполнитель, и никто больше.

Не случайно именно в мире азартных игр слово *действие* (*action*) обладает сленговым значением, а азартная игра служит прототипом действия. В казино Невады можно обнаружить выражения «долларовое действие» (относится к делающим незначительные ставки и их влиянию на дневную выручку) и «хорошее (реальное, большое) действие», что относится к крупным ставкам. Про крупье, которых заставляют волноваться делающие крупные ставки игроки, говорят, что они не способны «справляться с действием», о хладнокровных крупье – что они «способны управлять действием». Естественно, новые крупье «выведены из действия», а когда ставки на игорном столе растут и умножаются, могут быть «введены в действие» лучшие из специалистов. Казино, старающиеся избегать игр с высоким лимитом ставок, называют «не желающими действия», а заведения, способные смело встречать серьезных игроков, – «способными на действие». Азартный игрок, известный своей способностью спускать массу денег, может встретить теплый прием в казино, потому что там «нравится его действие». Распорядители казино, стремящиеся показать, что они добросовестно отрабатывают свое содержание, часто тактично, на расстоянии, «следят за действием». Кому-то, о ком известно, что он мошенничает или способен «считать карты» при игре в «очко», могут постоянно предлагать покинуть казино словами «нам нежелательны ваши действия». Игроков, которые своей нерешительностью «задерживают действие», и тех, кто не может принять полностью то, что считается

хорошей ставкой, другой игрок спрашивает, могут ли они «продолжать действие». Хорошие управляющие казино могут поощряться «получением части действия», то есть долей участия в собственности. В казино только с одной группой столов (одним «залом») обычно есть стол, который вследствие расположения или особого максимума размеров ставок называется «столом действия», а в больших казино бывает «зал действия» с высоким минимумом ставок⁴⁸.

Действие, независимо от его типа, обладает определенной интенсивностью, которая не может рассматриваться как простое произведение размера каждой ставки и количества делающих ставки игроков. Это наиболее заметно в игре в кости. Стол, где единственный игрок делает ставку в 100 долларов, может рассматриваться как обладающий бóльшим действием, чем другой стол, где двадцать игроков делают ставки по 5–10 долларов. Стол, вокруг которого собралась толпа игроков, делающих много разных ставок, может рассматриваться как обладающий бóльшим действием, чем стол, где десять игроков делают суммарно более высокие прямые ставки на поле. Соответственно, слова о том, что крупье «управляет действием», могут значить либо что он способен хладнокровно справляться с игроком, делающим очень крупные ставки, либо что он аккуратно и быстро справляется, когда приходится быстро делать большое количество подсчетов и выплат.

Другой аспект употребления игроками термина «действие» вырастает из того факта, что действие и включаемое в него принятие риска может составлять источник повседневных средств к существованию игрока. Так, спрашивая, где находится действие, он ищет не просто

⁴⁸ Аналогично, Нед Полски (*Polsky N. The Hustler // Social Problems. V. XII. 1964. P. 5*), пишет, что определенные игровые залы в масштабах страны определяются как «комнаты действия», а внутри одного зала один-два стола неформально предназначаются для действия.

ситуации действия, но также ситуации, в которых он может практически осуществлять свое ремесло. Нечто похожее можно найти в представлениях воров и проституток о том, где находится действие – оно находится там, где легко доступен и приемлем риск, которым они зарабатывают себе средства к существованию⁴⁹. Здесь гордо сжата в одно слово претензия на очень специфические взаимоотношения с миром, дающие им заработок.

Несомненно, именно игроки первыми применили свой термин к не-игровым ситуациям, тем самым иницируя расширение употребления слова, которое не-игроки в последнее время распространили еще шире. Почти всегда его использование оказывается уместным. За внешним различием в содержании обнаруживается единая аналитическая характеристика, с уверенностью ощущаемая людьми, которые могут быть не в состоянии четко определить, что именно они ощущают.

Это размывание словоупотребления нигде не заметно лучше, чем в нынешнем рекламировании действия в наших средствах массовой информации. Действительно, работники СМИ помогли прояснить внутреннее значение термина и продемонстрировать его приложимость к новым видам ситуаций, делая особый акцент на нынешнюю массовую культуру. Так, газетное объявление о «Дне тинейджеров», проводимом без алкогольных напитков, с живой музыкой в клубе «Виски-а-Гоу-Гоу», гласит: «Танцы под оригинальную музыку биг-бит в “Виски-а-Гоу-Гоу” – “ВИСКИ-А-ГОУ-ГОУ”, ВОТ ГДЕ ДЕЙСТВИЕ!»⁵⁰

⁴⁹ Предположение Говарда Беккера. Словарь американского криминального арго определяет действие так: «Криминальная активность. “Будь в форме (приходи) вечером, Джо, будет действие – Бруклинский счет (грабеж)”» (The Dictionary of American Underworld Lingo / H. Goldin, F. O’Leary, M. Lipsius (Eds.). N.Y.: Twayne Publishers, 1950). (Ср. в русском криминальном жаргоне аналогичное понятие «дело». – *Примеч. ред.*)

⁵⁰ San Francisco Chronicle. August 7, 1965.

Херб Каэн, сообщая о деле Ист-Бэй, утверждает: «М. Ларри Лоуренс, президент отеля “Дель Коронадо”, и биржевой маклер Эл Швабахер-младший встретились на следующий день в П’Альто Кабана, и потому ходят слухи, что Эл может купить часть исторического действия Коронадо»⁵¹.

В другой публикации Х. Каэн пишет: «Вы знаете, где происходит действие этой ночью? В Окленде, вот где. Или так казалось вчера вечером, на дискотеке на площади Джека Лондона, где мэр Окленда Джон Хулихен и миллионер Берни Мюррей ввязались в соревнование по толчкам и пиханиям, которые закончились тем, что Хиззонер растянулся во весь рост в центре танцевальной площадки, а танцоры отплясывали твист вокруг и поверх его лежащего тела...»⁵²

«Las Vegas Sun» под картинкой, изображающей соревнования, сообщает: «КАРТОЧНОЕ ДЕЙСТВО. Зрительницы внимательно наблюдают за мастерами бриджа на соревнованиях в отеле “Ривьера”»⁵³.

Во время проведения другого турнира заголовки в «Sun» гласил: «Джиновое действие начинает второй раунд»⁵⁴, и тот же журналист пишет: «Сексуальный танец Ширли Джонс из фильма “Элмер Гэнтри” во “Фламенго” этими ночами – самое взрывное действие со времен Джульетт Проз...»⁵⁵

Заголовок на обложке «Newsweek»: «СИНАТРА: Где находится действие»⁵⁶.

Цветная реклама в «Look»: «“7-UP”... ТАМ, ГДЕ ДЕЙСТВИЕ! “7-UP” – по-настоящему натуральный для действующей толпы! Он искрится... и его быстро утоляют»

⁵¹ Ibid. July 22, 1965.

⁵² Ibid. September 24, 1965.

⁵³ Las Vegas Sun. February 10, 1965.

⁵⁴ Ibid. December 4, 1965.

⁵⁵ Ibid. April 20, 1965.

⁵⁶ Newsweek. September 6, 1965.

щее действие заставляет жажду уйти. Ищите его. “7-UP” там, где действие!»⁵⁷

А реклама в «California Living», изображая пользующуюся губной помадой девушку и предполагая, что «рот девушки всегда движется», дает на полстраницы заголовок: «Где находится действие красоты»⁵⁸.

Картинка на обложке того же журнала изображает две модели в секции универмага, организованного как место подростковой тусовки, а подпись гласит: «Проверьте действие моды»⁵⁹.

А статья о продаже полицейским департаментом Сан-Франциско невостребованных предметов, изъятых после раскрытия краж со взломом, сообщает, что аукционист «живо идет в ногу с сотнями покупателей на торгах»: «Если нет чести среди воров, то нет и общего знаменателя у краденых вещей. Посмотрите действие на полицейском аукционе, увидите, почему»⁶⁰.

Финансовые обозреватели, конечно, тоже прибегают к этому термину:

Если в октябре 1929 г. и мае 1962 г. рынок охватили панические продажи, то сегодня мы, наверно, испытываем приступы панических покупок. По крайней мере, именно так «Ширсон, Хэмилл и К^о» видят нынешнюю всеобщую схватку... Очевидно, в этот момент основной мотивацией оказывается боязнь упустить или уже упущенные возможности больших покупок, – замечает брокерская фирма. – Все больше с каждым днем биржевые покупатели – мы не хотим использовать термин «инвесторы» – идут туда, где находится действие и где его нетрудно обнаружить...

⁵⁷ Look. August 24, 1965.

⁵⁸ California Living. November 7, 1965. Действие фигурирует и в других неожиданных частях тела. Мой продавец напитков, рекламируя дешевое датское пиво, открывает для меня бутылку на пробу и подносит бутылку к моему лицу со словами: «Попробуйте его действие».

⁵⁹ Ibid. February 13, 1966.

⁶⁰ California. April 17, 1966.

Всем, кто хочет кусочек действия, Ширсон дает совет⁶¹...

Крупные продажи были совершены в течение первого часа, и биржевые маятники начали плестись в хвосте действия⁶².

Пишущие о правительственных контрактах могут пользоваться этим термином, вызывая образ случаев, когда очень важные решения находятся именно в процессе детерминации: «Как стало вчера известно “Chronicle”, инвестиционная фирма могущественного лоббиста Тома Грзя получила часть действия в 40 тыс. долларов, когда Правление утвердило 2 млн. долларов на расширение гаража на углу Пятой улицы и Мишн»⁶³.

Подобные употребления термина «действие» в журналистике очень важны. Культ автомашин также дает нам примеры случаев употребления термина «действие». Он часто встречается в комментариях профессиональных гонок и рассуждениях болельщиков. Еще одно подтверждение этого можно найти в образцах рекламы из брошюры, выпущенной фирмой «Бьюик», два из которых я приведу:

Подумайте о машине, заряженной действием, с классическими линиями, проворной как кошка и немыслимо роскошной. Машина эта – «Бьюик Ривьера». Здесь удивительное сочетание потрясающей мощности (325 л.с.) и солидной приспособленности для дороги, выделяющая «Ривьеру» среди всех других машин. Другими словами, ей может быть одинаково удобно и на проселочной дороге, и на скоростной трассе.

АКЦЕНТ НА ДЕЙСТВИИ! По-настоящему машина не оживет, пока вы не повернете ключ, запуская двигатель. Это величайший момент в обладании Бьюиком. Вместе с каждым из шести цилиндров и четырех передач Бьюика вы купили себе кусочек действия, которое точно вас не покинет.

⁶¹ *Watson L.* // San Francisco Chronicle. April 23, 1966.

⁶² Boston Traveler. August 22, 1966.

⁶³ San Francisco Chronicle. August 4, 1966. Первая страница, под заголовком «Кусок действия в 40 000 долларов».

Эти два образца рекламы оказывают поддержку производству, продаже и использованию спортивных машин и скоростных седанов, что, в свою очередь, обеспечивает трансформацию скоростных дорог в арены действия – места, где в условиях серьезного риска могут демонстрироваться мастерство, нетерпение и дорогое оборудование⁶⁴.

В этом очерке действие рассматривается, главным образом, в контексте американского общества. Хотя несомненно, что в каждом обществе есть арены действия, именно американское общество нашло для этого слово. Довольно интересно, что мы стали очень чувствительны к действию в момент, когда – по сравнению с другими обществами – резко ограничили в гражданской жизни судьбоносные события серьезного, героического и связанного с выполнением долга типа.

Пара слов в заключение о распространении слов. В игре в казино, когда игрок делает большую ставку и теряет ее, он иногда говорит о том, что «пустил ее на ветер». Таким образом, неудачно включиться в действие – значит «пустить его на ветер». Смысл в том, что желанная

⁶⁴ Вождение часто становится формой действия, и отношение повседневной практики вождения к идеально опасному миру трековых гонок и идеально напористому миру рекламы машин – это важная социальная тема, быть может, достаточно оцененная только теми, кто профессионально заинтересован в снижении числа дорожно-транспортных происшествий. См., например, статью *Jones M. Who Wants Safe Driving // The Observer, Weekend Review. August 16, 1964. P. 17; Cohen, op.cit., chap. 5, «Gambling with Life on the Road»; Roberts J., Thompson W., Sutton-Smith B. B. Expressive Self-Testing in Driving // Human Organization. 1966. V. 25. № 1. P. 54–63.* Вождение с целью «успеть» экономит на удивление мало времени, но оно порождает ток действия; часто кажется, что экономится время, так что в этом действии может испытываться риск. Некоторые люди получают удовольствие от воздушных путешествий по тем же причинам. Они так рассчитывают время отъезда в аэропорт, чтобы свести до минимума ожидание там, между прочим, создавая некоторый риск опоздать на самолет, а как только оказываются в самолете, с удовольствием ощущают легкую опасность для жизни на протяжении полета.

ставка (в данном случае денежная), которой обладали, теперь потеряна и что ни обладание ставкой, ни потеря ее не были особенно оправданы и узаконены. Пускание на ветер большой ставки плохо отражается на человеке, но не настолько плохо, чтобы он не мог довольно легко обвинить себя за это. Именно этот комплекс породил обобщение.

Персонал казино, «вмешиваясь» на работе, чувствует, что будет выгодно, если они «сделают это», но нет практического способа гарантировать, что это удастся. Во время этой сложной фазы будет множество небольших нарушений, которые могут служить достаточной почвой для увольнения: приход с опозданием на несколько минут; отклонение недостойной задачи; ошибка в обращении с фишками; непочтительность по отношению к потерям заведения; выражение нетерпения в связи с темпами чьего-то прогресса и т.д. Как только приобретены мастерство и репутация, пребывание в должности становится лишь немного безопаснее: серии неудач, ложное подозрение в воровстве, смена владельцев-спонсоров – все это может создать повод для внезапного увольнения.

Потеря работы, вызванная тем, что по сути может рассматриваться как бессмысленная случайность, тоже является «пусканием на ветер». В противоположность взглядам среднего класса, представители которого склонны определять профессиональное положение как нечто приобретаемое и теряемое заслуженно, у работников казино профессиональное положение имеет тенденцию очень быстро колебаться между «сделать это» и «пустить на ветер», и ни то, ни другое состояние не рассматриваются как гарантированные. Этот взгляд распространяется на другие области жизни, и крупье может сказать, что «пустил на ветер» свой брак или шансы на учебу в колледже.

Логика этого стремительного отношения к основам жизни, отношения, создающего глубинную защиту от

жизни в действии, может быть понята, если обратиться к особенностям социальной жизни в Неваде: относительная легкость разводов и браков; присутствие очень большого числа людей, потерпевших неудачу в браке или работе; традиции жизни на границе – не задавать вопросов о предшествующей или нынешней жизни человека; возможность получения эквивалентной работы в другом казино после увольнения; присутствие в поле зрения большого числа работников казино, которые, как известно, недавно работали на лучшей работе в других казино; представление, что спорадические приступы большой игры являются осознанной реализацией идеального опыта культуры и что какими бы долгими и скудными ни были дни между этими приступами, подобное применение денег может быть лучшим из того, что в состоянии предложить Невада. В любом случае, действие – это не только единичный термин, который, как выясняется, получил распространение из игорных заведений. Целое семейство терминов оказывается вовлечено в употребление, мигрируя в самые разные области человеческой деятельности⁶⁵.

VII. Где находится действие

Я говорил, что действие может быть найдено везде, где индивид осознанно идет на чреватый последствиями риск, воспринимаемый как такой, которого можно из-

⁶⁵ Наряду с «действием» и «пусканием на ветер» мы можем упомянуть фразу «сделать это», означающую существование с помощью источника дохода, заслуженного или нет, позволяющего вести жизнь с небольшим количеством работы и значительными тратами, а также один из смыслов выражения «идет само собой», отражающую какой-то критический момент. Так, сотрудник казино говорит, что он никогда не играет в «очко», если не ощущает каких-то процессов в крупье, работающих в его пользу, – ситуацию, развитие которой очень трудно остановить. Я не буду рассматривать здесь очень часто используемый сотрудниками казино во многих контекстах термин «толкать». Это приемыш в семействе терминов казино, ведущий происхождение из более старых видов бизнеса.

бежать. Как правило, действие не обнаруживается в повседневной рабочей рутине дома или на службе. Ведь здесь риск стремятся организационно исключить, а то, что остается, очевидно, не является добровольным. Где же тогда обычно можно найти действие? Позвольте мне суммировать уже сделанные мимоходом предположения.

Во-первых, те, кто ищет действие, находят его в коммерциализированных видах спорта. Возможно, вследствие того, что эта деятельность специально организуется для зрителей как развлекательное зрелище, возникает ощущение, что нет серьезных причин для увлечения самой этой деятельностью. Фактом, однако, является и то, что любители занимаются этими эффектными видами деятельности самостоятельно, в одиночестве и без оплаты, в качестве занятия на отдыхе, что укрепляет представление о том, что профессионалы участвуют в самодетерминированном добровольном занятии, пусть даже очевидно, что на кону исхода зрелища могут находиться профессиональные и коммерческие деловые интересы. Хотя спортсмены-автогонщики зарабатывают на жизнь за рулем, а решение компании о том, продолжать или прекратить выпуск модели машины, может зависеть от результатов гонок⁶⁶, считается, что водители могли бы выбрать работу другого типа или, по крайней мере, воздержаться от данной гонки и что этот тип риска так или иначе является добровольным.

Следующее место действия – это незрелищные⁶⁷ рискованные виды спорта. За участие в них не платят, они

⁶⁶ Например, участие «корвета» в себрингских гонках 1956 г., описанное гонщиком Джоном Фитчем: «Я знал, что неудача на себрингских гонках могла бы означать конец интереса “Шевроле” к гонкам спортивных машин» (*Fitch J., Beaumont C. The Day That Corvette Improved the Breed // Beaumont C., Nolan W. Omnibus of Speed. N.Y.: Putnam and Sons, 1958. P. 271–286*).

⁶⁷ Характерно, что рискованные рекреационные виды спорта «стоит смотреть», их часто смотрят, и участник вынужден принимать

не укрепляют общественно приемлемого статуса личности и не порождают обязательств в серьезном мире работы. При отсутствии обычного давления, вынуждающего включиться в деятельность, легко допустить, что здесь присутствует самодетерминация и что подвергание себя риску осуществляется единственно ради принятия вызова. Интересно, что в некоторых из этих энергичных видов спорта доминируют крепкие, молодежные люди, которые могут себе позволить тратить на это время, путешествовать и приобретать снаряжение. Думается, эти люди извлекают лучшее из обоих образов жизни, получая удовольствие от риска без значительной угрозы своим рутинным повседневным делам.

Далее следуют более коммерциализированные арены действия – удобно расположенные места, где снаряжение и площадки можно арендовать, что позволяет обеспечить некоторую степень действия. Кегельбаны, бассейны, парки аттракционов и торговые пассажи создают условия, в которых стоимость игры и цена приза порождают умеренно судьбоносный контекст для демонстрации индивидуальной компетентности. Публичные ставки на ипподромах и в казино позволяют игрокам демонстрировать разнообразие личных свойств, хотя и осязаемой ценой. «Головокружительные» аттракционы на ярмарках и в парках развлечений открыто решают нашу дилемму относительно действия, предоставляя опасность, которая гарантированно не является реальной опасностью, – то, что Майкл Балинт прекрасно описал как безопасное трепетное волнение:

это. Он обязан быть в состоянии выступать, когда на него смотрят; однако он не должен выступать только для того, чтобы на него смотрели. Не важно, ни насколько большую толпу собирает спортсмен, ни насколько он захвачен интересом зрителей, их роль не ратифицирована, они не могут требовать, чтобы он подстраивал под них свой график или завершал, если начал. У них есть право на то, чтобы он не обращал на них внимание как на зрителей, но также обязанность принимать то, что он их не замечает.

Во всех развлечениях и удовольствиях такого типа можно наблюдать три характерных отношения: (а) некоторую степень осознанного страха или, по крайней мере, понимание наличия реальной внешней опасности; (б) добровольное и намеренное подвержение себя этой внешней опасности и вызываемому ей страху; (в) в то же время более или менее уверенная надежда на то, что можно будет выдержать страх и справиться с ним, что опасность пройдет и что человек сможет без повреждений вернуться в безопасную обстановку. Эта смесь страха, удовольствия и уверенной надежды перед лицом внешней опасности создает базовый элемент всего волнующего⁶⁸.

Наконец, есть последний тип коммерциализированных действий, включающий прямое участие, которое я буду называть «фигуриание» (*fancy milling*)⁶⁹. В нашем

⁶⁸ М. Балинт продолжает рассуждение следующим интересным комментарием: «Давайте вкратце исследуем, каким образом другие захватывающие удовольствия похожи на те, что предлагаются в парках удовольствий. Некоторые связаны с *высокими скоростями*, например, все виды гонок, скачек и прыжков, мотогонки, катание на коньках, лыжах, тобоггане, парусный спорт, полеты и т.д. Другие связаны с ситуациями незащищенности, как различные виды прыжков, ныряние, скалолазание, планеризм, укрощение диких зверей, путешествия в неизвестные земли и т.д. Наконец, есть группа захватывающих удовольствий, которые связаны с *незнакомыми* или даже *полностью новыми формами удовлетворения*, либо в виде нового объекта, либо незнакомого способа удовольствия. Явно новый объект – это что-то девственное, и удивительно, сколько развлечений требуют этого прилагательного. Говорят о девственной земле, девственной вершине, девственном пути к вершине, девственных диапазонах скорости и т.п. Вообще, любой новый сексуальный партнер – это что-то захватывающее, особенно если он другой расы, цвета или вероисповедания. Новые формы удовольствия включают, в частности, удовольствие от новой пищи, новой одежды, новых обычаев, вплоть до новых форм “извращенной” сексуальной активности. Во всех этих явлениях мы обнаруживаем те же три вышеописанных основных фактора: объективную внешнюю опасность, возбуждающую страх, добровольное и намеренное подвержение себя ей и уверенную надежду на то, что в конце концов все обернется хорошо» (*Balint M. Thrills and Regressions*. London: The Hogarth Press and the Institute of Psychoanalysis, 1959. P. 23).

⁶⁹ На необходимость рассмотрения этого типа действия указал Говард Беккер.

обществе взрослые могут приобретать вкус к социальной мобильности, потребляя ценные продукты, получая удовольствие от дорогих модных развлечений, проводя время в роскошных условиях и общаясь с престижными людьми, – особенно если это происходит одновременно и в присутствии множества свидетелей. Это действие потребления. Так, простое присутствие на большом сборище пирующих людей может принести не только порождаемое толпой возбуждение, но и неопределенность из-за недостаточного знания того, что может дальше случиться, возможность флирта, который сам по себе ведет к формированию взаимоотношений, и живой опыт пребывания рядом с кем-то, кто действительно умеет найти настоящее действие в толпе.

Когда эти различные элементы «фигуряния» объединяются, а индивид сравнивает престижность и краткость участия с ценой выхода на сцену и объемом расходов, необходимых в каждый момент участия, происходит некоторое рассеянное действие – или, скорее, отблеск действия, – хоть и с ограниченной судьбоносностью⁷⁰. Индивид совмещает роль исполнителя и роль зрителя; он участвует в действии, но оно вряд ли будет постоянно на него влиять.

Крайним примером этого служит казино отеля. Тут доступны не только азартные игры на деньги, этот тип действия вообще перегружен разными расходами. Обеспечивается краткое вторжение в мир высокого уровня жизни. Паркуемые служителями лимузины толкуются у входа. За входом – роскошная обстановка. На столиках предлагаются напитки, часто бесплатно для клиентов. Могут предлагаться хорошие закуски, с учетом разнообразных вкусов. Поощряется система чаевых, поднимающих настроение получающим их, и работают полу-

⁷⁰ Услуги в таких местах *должны* оцениваться выше, чтобы способствовать этому виду действия. Собственники приспособляются, но по другим причинам.

обнаженные официантки, отобранные за их внешность и довольно доступные. Система сигналов позволяет этим девушкам предлагать напитки, сигареты и аспирин по всем помещениям, где они требуются. «Агенты» игры в кено и девушки, обменивающие деньги, организованы подобным же образом, чтобы быть в распоряжении клиентов по мановению руки. Облегчаются контакты за столом с известными людьми и с теми, кто много тратит. Обеспечивается и близость к тому, что некоторые назовут гангстерским элементом. Гарантирован легкий доступ к знаменитым в национальном масштабе представлениям и даже физическая приближенность к самим знаменитостям. Бар гостиной «украшен» хористками, наряженными в неофициальные костюмы. Посетительницы чувствуют, что могут поэкспериментировать, выставляя напоказ наряды высокой моды, которые они постеснялись бы надеть дома. Короче говоря, здесь много возможностей для эфемерного «облагораживания». Однако если во время «облагораживания» клиенту захочется присесть, скорее всего, он сядет за игровой стол. Обстановка и окружение богатые, но каждая минута оплачивается риском потери значительных денежных сумм.

Другие публичные заведения также, похоже, все больше включают в свои услуги потворствование вкусам, прежде считавшимся неподобающими. Так, в дальних авиарейсах добавили хорошеньких девушек, приличное питание, кинофильмы и бесплатную выпивку⁷¹.

⁷¹ В статье о «“Секретах” хозяек воздуха» (San Francisco Chronicle. April 4, 1966) под заголовком «Эти маленькие кексы в небе» мы читаем: «От наших сотрудниц нам требуется сдержанная сексуальность, – говорит Нэнси Марченд, превосходно сложенная блондинка, заведующая девушками авиакомпания PSA. – Отбирая девушек, мы особое внимание обращаем на их фигуры». Пассажиры, по словам Лоуренса (президента “Брэнифф” и нынешнего лидера в коммерции на авиалиниях), имеют право на большее, чем просто безопасная комфортабельная поездка. Они имеют право на мелкие удовольствия.

На автозаправках теперь предлагают не только бензин, но и кратковременную компанию «бамперных кошечек». И конечно, это проявляется в нынешней моде, когда еду предлагают привлекательные официантки, обнаженные по пояс⁷².

В любом сообществе какая-то его часть оказывается более других восприимчива к привлекательности такого типа действий. Стоит отметить, что индивиды реагируют не как члены локального сообщества, а как сходно думающие, но ничем иным не связанные члены большого общества. Чужаки в городе могут спросить местного таксиста, где находится действие, и, возможно, войти и принять участие, когда доберутся туда. Включается инстинктивное взаимопонимание людей, которые в ином случае были бы чужими, временная коалиция против общества респектабельности, где у искателя действия наверняка есть друзья и родственники. Для ограничения участия не нужны традиционные механизмы знакомства и приглашения, вместо них эту функцию выполняет риск участия.

Хотя возможно и желательно посмотреть, где находится действие, путем широкого исследования социальной организации, меня здесь интересуют гораздо более специфические вещи. Я хочу рассмотреть реальные социальные установления, посредством которых действие становится доступным.

Определение Лоуренсом удовольствий в полете включило раскрашивание самолетов “Брэнифф” в разнообразные цвета по типу пасхальных яиц и буйно оформленные интерьеры самолетов, авиакасс и залов ожидания. Но к самому большому удовольствию он относит стюардесс компании. Он пригласил знаменитого модельера Милио Пуччи, изобретателя женских брюк-стрейч, разработать одежду для стюардесс, которую бы отличали «своеобразие, возбуждение и сюрприз».

⁷² Мне кажется, что нельзя найти более ясного потакания такой «нагрузке», чем Дворец чистки обуви Гарри в Сан-Франциско (как описано в *San Francisco Chronicle*. July 26, 1966), где предлагаются чистка обуви полуголыми девушками за 2 доллара и личная карта постоянного клиента. На маркиза де Сада произвело бы сильное впечатление это коммерческое применение его принципов.

Социальный мир таков, что любой индивид, сильно ориентированный на действие – как, например, некоторые азартные игроки, – может воспринимать возможности для риска в ситуациях, которые другим людям показались бы лишенными событий; они даже могут структурировать ситуацию так, чтобы эти возможности проявились⁷³. Шансы не просто отыскиваются, они привлекаются. Следует добавить, что тип риска, который, скорее всего, здесь можно обнаружить, – это риск телесным благополучием в обмен на возможность незначительной прибыли. Вариант «русской рулетки» – одна из судьбоносных сцен, которую почти каждый в состоянии сконструировать и которая замечательно иллюстрирует риск в качестве самоцели. Интересно, что ныне существуют способы добровольного риска психическим благополучием для того, чтобы выйти за пределы обычного сознания, доступные с помощью ЛСД и других наркотиков. Здесь индивид использует собственную психику в качестве оборудования, необходимого для действия⁷⁴. Люди, делающие суицидальный жест, используют свое тело в азартной игре, но в этом случае, как и с наркотиками, оказывается, что риск как таковой является не главной целью предприятия⁷⁵. Широко распространенный ныне интерес к вредным последствиям курения или из-

⁷³ Предположение Шелдон Мессинджер. Как популярно описывает Дэмон Ранион, заурядным является мелкий бродвейский игрок, в восприятии которого непосредственная окружающая обстановка преобразуется в непрерывную серию быстро определяемых результатов, по поводу которых могут быть предложены пари. Национальным героем здесь является Джон У. Гейтс-Поставь-Миллион, король колючей проволоки, который в 1897 г. в поезде Чикаго–Питтсбург выиграл 22000 долларов, держа пари на гонки дождевых капель, гоночной дорожкой для которых служило оконное стекло (см. *Asbury H. Sucker's Progress*. N.Y.: Dodd Mead, 1938. P. 446).

⁷⁴ Предположение Нэнси Эшлис.

⁷⁵ Различные виды игры с жизнью, которыми развлекаются люди с суицидальными наклонностями, рассматриваются в книге *Farberow N., Schneidman E. The Cry for Help*: N.Y.: McGraw-Hill, 1961. P. 132–133.

бытка холестерина служит более мягким примером такой же возможности; к различным ароматам прибавляется дополнительный аромат наплевательства⁷⁶.

Во всех рассмотренных случаях шансы коренятся в установке самого индивида – его творческой способности переосмыслить мир вокруг себя с точки зрения его потенциала для принятия решений. Обратимся теперь к возможностям действия, предъявляющим большие требования к окружающей среде и более прямо поддерживаемым организацией.

Простое начало обнаруживается в казино, так как это прежде всего место, физическая и социальная организация которого создана для того, чтобы способствовать осуществлению действия. Эффективность таких установлений должна быть понята и признана. Игроку нужно только шагнуть в казино (в находящихся в стороне от центральной улицы казино обычно даже не требуется открывать дверь) и положить деньги на расчерченное на квадраты поле, или область принятия обязательств. Если крупье еще не в игре, он немедленно начнет ее; во многих казино кратковременных пауз избегают путем использования подставных лиц, делающих ставки для поддержания течения вялой игры. За секунды игрок может включиться в довольно осмысленную деятельность.

В играх казино чрезвычайно короткие циклы игры, позволяющие вести игру в очень большом темпе. На игровых автоматах игра занимает 4–5 секунд. Игра в «очко» может занимать 20 секунд благодаря умению обращаться с картами, в котором постоянно упражняются все крупье⁷⁷. Во всех казино также можно участвовать более чем в одной игре одновременно, а на игровых ав-

⁷⁶ Предположение Дина Макконнела.

⁷⁷ Нед Полски полагает, что в «комнатах действия» бильярдные столы отбираются и даже модифицируются для увеличения скорости действия, которая в ином случае могла бы быть слишком низкой. Однако пятиминутные игры все же кажутся самыми короткими по времени,

томатах и при игре в кости – постепенно вводить многочисленные ставки так, чтобы принималось решение и начиналась детерминация по одной ставке, в то время как другая находилась бы на более поздних стадиях процесса детерминации. Одна из игр – кено, доступная в большинстве казино, – специально организована так, чтобы почти во всех местах казино могли делаться ставки и осуществляться последующая детерминация. Демонстрационные доски кено расположены в разных местах, и одновременно ведется электронный подсчет очков. Агенты кено собирают ставки и доставляют плату повсюду в казино, за исключением туалетов. Фаза игры не накладывается ни на одну другую деятельность в казино. Таким образом, что бы человек ни делал и где бы он ни находился, он может совмещать эту деятельность с игрой в кено и всегда числа кено «приходят к нему»⁷⁸.

Игрок может заниматься любыми видами вычислений и гаданий относительно того, как обойтись со своей ставкой, занимаясь совладанием, защитой или и тем и другим. Но если он хочет, он может и просто толкнуть, не считая, кучку денег или фишек в общем направлении поля ставок, а крупье скрупулезно сделает остальное. (Я видел, как крупье помогал играть слепому и человеку, который не мог справляться со своими картами из-за сильной подагры.) Таким образом, значительная доля усилий игрока плавно достраивается самой организацией игры. Это означает, что игрок может начинать очень внимательно наблюдать за всем происходящим и делать сложные вычисления, через 8–9 часов игры утомиться сверх меры и выпиться до той точки, когда спутники должны поддержи-

за исключением тех случаев, когда ставки делаются на отдельные удары (*Polsky N. The Hustler // Social Problems. 1964. V. XII. P. 6*).

⁷⁸ В американском обществе в целом скачки, лотереи и фондовая биржа обеспечивают способы, посредством которых каждый день на человека могут «обрушиваться» одна-две вещи. Кено обладает отчасти сходными чертами, но каждая игра занимает всего несколько минут.

вать его, чтобы он не свалился со стула, и все-таки путем просто нескольких адекватных движений оставаться активно играющим. Игра в казино организована так, чтобы обслуживать действие не только людей очень разного социального положения, но и в очень разных физиологических состояниях.

Помимо этих различных организационных установлений, центральным фактом является то, что казино обычно перекрывают в очень широких пределах ставки любых размеров. Поэтому игрок может рисковать своим капиталом, независимо от его размеров. Его заверяют в возможности выдержать немного большее волнение в ситуации риска своими деньгами, чем то, которое в состоянии вынести большинство людей его достатка. Казино конкретно реализуют условия, позволяющие человеку вплотную приблизиться к пределу собственной переносимости потери или прибыли, тем самым гарантируя реальную и точную проверку этого предела, по крайней мере, в его собственных глазах.

Можно упомянуть специфические организации вне казино, которые эффективно порождают возможности для действия. Хорошим примером являются правила, связанные с боем быков. Так, стиль и грация движений и поз, знание ремесла и власть над быком – три центральных качества, демонстрируемые в бое быков, – оцениваются в соответствии с их опасностью для себя, которую добровольно допускает человек, выполняющий эти движения. Поэтому обстоятельства побуждают работать на грани безопасности:

В современном бое быков недостаточно подчинить себе быка мулетой и привести его в такое состояние, чтобы можно было вонзить ему шпагу в загривок. Если бык еще в силах нападать, матадор должен выполнить ряд классических приемов – пассов, прежде чем нанести последний удар. Делая эти пассы, матадор пропускает быка мимо себя на таком расстоянии, что

бык может достать его рогом. Чем ближе к человеку проходит бык, которого этот человек манит и направляет, тем сильнее ощущения, испытываемые зрителями⁷⁹.

Бой быков – это только искусство, в котором артист находится под угрозой смерти и в котором степень яркости исполнения – дело чести бойца. В Испании честь – вещь очень реальная, называемая «пундонор», что означает честь, честность, смелость, самоуважение и гордость в одном слове⁸⁰.

Отчасти схожий ряд обстоятельств обнаруживается в качестве основы действия в мотогонках. Обычно различия просто в скоростных возможностях машин одного класса недостаточны для победы в гонках. Водитель побеждает благодаря более частому приближению к пределу, за которым скорость может вывести машину из-под контроля, чем это могут и решаются сделать другие водители⁸¹. Фактически, это возможность так реорганизовать рутинную деятельность, чтобы допустить предельный прессинг, трансформирующий ее в поле действия. Например, на автостраде машины часто выстраиваются в структуру, стабильность которой создается каждым водителем, оценивающим, на что не отважатся другие водители, и затем, в сущности, контролирующим эти границы; тем самым поддерживается место машины в дорожном потоке. «Торопиться» на дороге при сильном движении означает давление, превышающее тот предел, до которого

⁷⁹ Hemingway E. The Dangerous Summer // Life. September 5. 1960. P. 86 (рус. пер.: Хемингуэй Э. Опасное лето // Собр. соч.: В 6 т. / Пер. Е. Калашниковой, В. Топер. М.: Нугешинвест, 1993. Т. 5. С. 66. – Примеч. ред.).

⁸⁰ Hemingway E. Death in the Afternoon. N.Y.: Scribners, 1932. P. 91.

⁸¹ «Быстрейший водитель – это тот, кто может ближе всех подойти к точке, в которой шины автомобиля потеряют сцепление с дорогой и машина перейдет в неконтролируемое скольжение. (“Неконтролируемое” – это ключевое слово. Большую часть времени водитель сознательно выпускает машину на свободу и позволяет ей скользить, но под контролем)» (Moss S. (with K. Purdy). All But My Life. N.Y.: Bantam Books, 1964. P. 22).

другие водители ощущают свое положение в потоке как устойчивое⁸².

Если возможна попытка давления на границы, соответственно должно быть ограничено и снаряжение, которое использует субъект. В конце концов, вряд ли бой быков стал бы серьезной проверкой для человека, если бы вместо плаща и шпаги использовался карабин «Уэзерби-460». Точно так же если вызов состоит в пересечении океана, человек должен отказаться от лайнера в пользу плота. Если в качестве предмета состязания определена рыба, тогда лески, удочки и рыболовные крючки должны быть выбраны с щепетильным самоограничением, и часто так и делают⁸³. Если большая охота должна быть столь же рискованной, сколь дорогой, телескопические прицелы вряд ли покажутся «справедливыми»; действительно, скорее, даже от самого ружья лучше было бы отказаться в пользу лука и стрел.

Установления, очерчивающие границы, порождают возможность действия. Можно рассмотреть еще одно установление для стимулирования действия. Оно обнаруживается, когда ряд последовательных выигрышей рождает серию, причем каждая дальнейшая попытка повышает вероятность завершения серии и в то же время вносит больший вклад в серию в целом, чем все предыдущие попытки. Например, в боулинге репутация индивида как игрока связана с максимальным числом набранных им очков. А очки зависят от количества «ударов» в ходе любой

⁸² Улучшение дорог и ходовых качеств машины, конечно, просто позволяет водителю «самовыражаться» на больших скоростях; каковы бы ни были условия дорожного движения, там всегда будет чужая территория, на которую можно оказывать давление.

⁸³ Статья Б. Гилберта – описание того, насколько далеко заходят спортсмены, чтобы отыскать кусочек природы, который можно, при соответствующих ограничениях снаряжения, превратить в вызов. В качестве примеров описываются исследования пещер и спуск по порожистым рекам (*Gilbert B. The Moment-of-Truth Menace // Esquire. December. 1965. P. 117.*)

одной серии или рядов бросков, где очки возрастают в более чем линейной зависимости от количества бросков, сделанных последовательно. Далее, каждый следующий бросок, оцениваемый сполна, обычно субъективно приравнивается к успешным предыдущим, так что неудача в нем «пускает на ветер» все очки, который игрок уже набрал. С каждым шаром растут как выигрыш, так и трудность подтверждения своего мастерства. Нечто подобное можно обнаружить в игре в казино в связи с практикой «понеслось», то есть когда в следующей игре на кон ставится весь предыдущий выигрыш, и так продолжается в серии игр. Того, кто ухитряется ставить на кон все выигранное, таким образом наращивая свои выигрыши, уважают как человека «с крепкими нервами», «азартного» и «знающего, когда ставить». А так как ставки (при игре, где выигрыш равен ставке) каждый раз удваиваются, то в пятой или шестой по порядку игре они будут намного выше, чем во второй или третьей. И обнаруживая, что деньги и физическая прибыль возрастают больше чем в арифметической прогрессии, игрок в то же время сталкивается каждый раз заново с возможностью потерять все.

Необходимо, наконец, поднять последний вопрос, касающийся организационной основы действия. Ранее я предположил, что присутствующие в социальных ситуациях люди могут не только выступать как свидетели, но и сами служить объектами, по отношению к которым человек действует, и особое значение будут иметь его характеристики в этом качестве. Когда эти вовлекающие других действия содержат в себе судьбоносные риски, специально организуемые как доступная возможность, возникает особый тип действия, в котором люди, в присутствии которых находится субъект, сами обеспечивают поле для его действий. Хемингуэй дает поразительно жестокую иллюстрацию, которую можно также сравнить с примерами метаящих ножи цирковых артистов и бросающих снежки маленьких мальчиков:

Для нашего развлечения Мэри взяла напрокат ярмарочный тир и установила его в саду. Как-то в 1956 году Антонио видел, как я из охотничьего ружья, на порывистом ветру, отстреливал горящий кончик сигареты, которую держал в руке наш шофер, итальянец Марио, и отнесся к этому неодобрительно. Но на этот раз, в день моего рождения, Антонио держал сигарету во рту, когда я отстреливал столбик пепла. Я проделал этот опыт семь раз, стреляя из крохотных ружей тира, и с каждым разом Антонио затягивался сильнее, чтобы окурок стал как можно короче.

Наконец, он сказал: «Пожалуй, хватит, Эрнесто. Еще один выстрел – и останусь без губ».

Магараджа из Куч-Бихара тоже приобщился к этому безобидному развлечению. Сначала он проявлял осторожность – вставлял сигарету в мундштук, но очень скоро отбросил его и стал затягиваться не хуже Антонио. Я набрал много очков, но отложил ружье и отказался стрелять в Джорджа Сэвирса, потому что он был единственным врачом в доме, а мы еще только начали веселиться. Ну и повеселились, можно сказать⁸⁴.

В то время как один человек обеспечивает поле действия для другого человека, этот другой может, в свою очередь, использовать первого как свое поле действия. Когда обнаруживается реципрокность такого типа, а целью является проявить некое мастерство или способность, мы говорим о состязании или дуэли. То, что происходит в этих эпизодах, может быть названо межличностным действием⁸⁵.

⁸⁴ *Hemingway E. The Dangerous Summer // Life. September 12. 1960. P. 76* (рус. пер.: *Хемингуэй Э. Опасное лето // Собр. соч.: В 6 т. / Пер. Е. Калашниковой, В. Топер. М.: Нугешинвест, 1993. Т. 5. С. 105*).

⁸⁵ Обычно порядок состязания требует, чтобы соперники находились лицом к лицу, однако, например, существует соперничество за руку женщины между двумя поклонниками, которые никогда не встречаются между собой, существуют споры в колонке «Письма к редактору» и состязания (предложенные Хемингуэем), где результаты одной стороны, которая может в этот момент отсутствовать, становятся условием действия другой стороны: «Бой быков без соперничества ничего не стоит. Но соперничество, когда оно происходит между двумя

Межличностное действие иногда выглядит как простое удвоение обычного. Например, в дуэли на пистолетах один человек является пассивной мишенью для другого и в то же время другой является пассивной мишенью для первого, – за исключением, конечно, таких маленьких хитростей, как вставание под углом, чтобы подставить противнику наименьшую площадь для стрельбы, и прикрывание руками сердца. Фактически, дуэль на пистолетах может анализироваться как устройство для сложения вместе двух отдельных функций: состязания в стрельбе и схемы результата для победителей и побежденных. Чаше, однако, реципрокность более интимна и более интересна. Сам акт, посредством которого один участник проявляет свои способности перед лицом другого, может создавать поле для конкурентного или противостоящего действия другого. Фигура, которую вырезает один участник, будет вырезаться из фигуры, которую вырезает другой участник. Даже в описанном Хемингуэем развлечении со стрельбой есть отенок этого: демонстрируемая Антонио хладнокровность в исполнении роли мишени требует для своего поля действия усилий Хемингуэя в качестве меткого стрелка.

Так же как есть социальные установления для обеспечения действия, есть и установления для обеспечения межличностного действия. Важным примером служит распространенная практика гандикапа (форы) в состязаниях⁸⁶. Этот прием гарантирует, что, как бы мало ни соответ-

великими матадорами, смертельно. Ведь если один из боя в бой делает то, чего никто, кроме него, сделать не может, и это не трюк, но опаснейшая игра, возможная лишь благодаря железным нервам, выдержке, смелости и искусству, а другой попытается сравняться с ним или даже превзойти его, – тогда стоит нервам соперника сдать хоть на миг, и такая попытка окончится тяжелым ранением или смертью. Или же ему придется прибегать к трюкам, а когда публика научится отличать трюк от подлинного искусства, его поражение неизбежно, и хорошо еще, если он останется жив и удержится на арене» (*Там же*. С. 74).

⁸⁶ *Goffman E. Fun in Games // Goffman E. Encounters. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1961. P. 67.*

ствовали друг другу состязающиеся, у них будут примерно одинаковые шансы на победу или проигрыш и исход будет зависеть от того, насколько близко каждый сможет подойти к собственным пределам. Таким образом, гарантируется, что результат будет не только непредсказуемым и, следовательно, удерживающим внимание, но и явится делом крайних усилий, победа достанется тому из состязающихся, кто подойдет к своему пределу ближе, чем другой к своему. Последнее дополнительное усилие определяет исход. Так, состязание с гандикапом – это точно рассчитанное установление, превращающее двух людей в поле действия друг для друга, где дополнительная острота придается тем, что успех одного должен будет уравновеситься неудачей другого. Можно добавить, что налагаемые на себя ограничения в снаряжении при охоте или рыбной ловле могут рассматриваться как разновидность гандикапа; добыча превращается в соперника, и в результате происходит «справедливое» (или почти справедливое) состязание. Честная игра требует честной игры.

В разных играх и видах спорта индивиды могут использовать друг друга как поле действия в обособленной обычно области, физически и по времени отделенной от серьезной жизни. Но очевидно, что взаимное использование друг друга в качестве поля действия – более общее явление. В качестве мостика от игры к жизни давайте посмотрим на отношения между полами.

Все до сих пор описанные ситуации действия в гораздо большей степени выступают областями активности мужчин, чем женщин; действительно, в нашей западной культуре действие, видимо, входит в состав культуры мужественности – несмотря на женщин-тореадоров, воздушных акробатов и преобладание женщин в залах игровых автоматов в казино⁸⁷. Есть описания нескольких дуэлей,

⁸⁷ Мужественность оказывается особенно важной ценностью в латиноамериканском обществе, и ценность ее с трудом можно отделить от ее оснований в биологии пола. «Таким образом, ограничение – это

участницами которых были европейские женщины, но эти столкновения рассматриваются скорее как извращения слабого пола, а не как его украшение⁸⁸. Но, конечно, женщины вовлекаются особым образом в один вид действия: они являются полем игры для сексуальных и куртуазных действий. Взрослые мужчины могут определить женщину как объект для начала установления с ней потенциально сексуальных взаимоотношений. Существует риск отказа, мезальянса, ответственности, предательства прежних взаимоотношений или недовольства других мужчин; есть и возможность для такого рода самоподтверждения, которое может принести успех только в этой области. Это действие иногда называется «соблазнение».

В нашем обществе выделены специальные условия времени и места для соблазнения: вечеринки, бары⁸⁹, танцы, курорты, парки, классы, публичные мероприятия, собрания ассоциаций, перерывы на кофе в офисах, церковные собрания, улицы с дурной репутацией. Само

естественная основа сексуальной чистоты, точно так же как мужественность – естественная основа власти и защиты семейной чести. Идеал благородного человека выражается словом *hombria* – “мужественность”... Мужественность означает храбрость, используется ли она с моральными или аморальными целями. Это слово, которое постоянно звучит в пуэбло, и суть этого понятия выражается в физической сексуальной сущности мужчины (*cojones*). Противоположное понятие передается прилагательным *manso*, которое означает и ручной, и кастрированный. От лишённого этой физиологической основы слабого пола, очевидно, нельзя ожидать обладания им, и это исключается из требований женской чести» (*Pitt-Rivers J. Honour and Social Status // J. Peristiany (Ed.). Honour and Shame. Chicago: University of Chicago Press, 1966. Ch. 1. P. 45*). Вероятно, женский эквивалент классических мужских достоинств включает скромность, ограничения и девственность, демонстрация которых может подразумевать что угодно, только не действие.

⁸⁸ *Baldick R. The Duel. London: Chapman and Hall, 1965. Ch. 11 «Women Duellists». P. 169–178.*

⁸⁹ Близкое утверждение есть у Шерри Кэвен – *Cavan Sh. Liquor Licence. Chicago: Aldine Press, 1966; см. также Roebuck J., Spray S. The Cocktail Lounge: A Study of Heterosexual Relations in a Public Organization // American Journal of Sociology. January. 1967.*

соблазнение бывает двух видов в зависимости от того, включает ли круг, где оно происходит, людей знакомых или незнакомых. Между знакомыми мы обнаруживаем флирт и начало романов; между незнакомыми – обмен сигналами интереса и завязывание знакомства.

Организационное облегчение соблазнения среди незнакомых принимает много форм: институт социальных «хозяек» на курортах; телефонные стойки; посредничество в баре по стереотипу «взять-вам-выпивку?» и т.д. Я подробно опишу ситуацию в казино Невады.

Столики казино по определению открыты для любого взрослого, у которого есть деньги, чтобы их тратить. Несмотря на очевидную безличность операций, посторонние люди за одним столиком обнаруживают, что совместное и взаимно заметное подвержение себя риску порождает легкий дух товарищества. Те, кто делает большие ставки, размер которых предполагает их заинтересованность и позволяет заключить об их обеспеченности, позиционируют себя как в чем-то открытых своим коллегам по игре и даже зрителям. Предполагаемая взаимная ответственность за исход (в ограниченном, но постоянном смысле) добавляется к взаимной открытости и связанности. А между представителями разного пола возникает еще большая открытость. Мужчина почти всегда может дать небольшой бесплатный совет соседкам, постепенно объединяясь с ними против крупье в коалицию надежды. Далее, если случается, что женщина играет способом, который может интерпретироваться как выгодный для всех, на нее с готовностью держат пари, и возрастает взаимная вовлеченность. Аналогично, когда завязывается знакомство, ей позволяют играть, не подвергая особому риску свое положение. И потом вполне естественно может оказаться, что она сохранит весь или почти весь свой выигрыш. Таким образом, столы для игры обеспечивают первый шаг в игре знакомства, а также очень тонкое прикрытие, под которым может производиться плата аванса

наличными за социальную и сексуальную благосклонность, даруемую позже в некоммерческой манере. Таким способом организационно облегчается соблазнение.

Нужно отметить, что есть много мужчин, избегающих активного вовлечения в соблазнение, даже при посещении мест, организованных с этой целью. Есть и много других, которые везде ищут эти возможности, будь то дома, на рабочем месте или в служебных контактах. И они встречаются каждый день мыслями о таких возможностях⁹⁰. Этим хронически озабоченных мужчин следует отнести к тому же классу, что и тех, кто готов трансформировать любое событие в пари или любую задачу – в соревнование по силе, мастерству или знаниям.

Попытки завязать потенциально сексуальные отношения, конечно, являются только одной разновидностью межличностных действий, происходящих в обществе в целом. Другой важный их вид происходит, когда индивид служит полем действия благодаря своей способности получать и наносить физические и словесные раны. Чтобы отыскать тех, кто доставляет себе удовольствие этим спортом, стоит взглянуть на «аутсайдеров», которые, как, например, подростки, не вплетены плотно в организационные структуры. Предположительно, среди них эта судьбоносная активность будет менее разрушительной и более терпимой; это случай, когда нечего терять или еще ничего не потеряно, случай хорошей организации для дезорганизации. Иллюстрацией служит исследование уличных банд агрессивной отчужденной городской молодежи:

Ускоренный, по сравнению, например, с рабочими группами, темп проверки взаимоотношений в закоулках возникает отча-

⁹⁰ Хотя понятие действия определено релевантно гетеросексуальным контактам, оно, по-видимому, даже еще более релевантно гомосексуальным. Для сообщества гомосексуалистов явно в гораздо большей степени, чем для обычного, характерны случайные кратковременные связи с соответствующим более высокой степенью случайности и риска в установлении отношений.

сти потому, что лидеры не контролируют значительного количества имущества, так как они могут пожаловаться лишь немногие привилегии или льготы и потому, что здесь нет давления внешних институтов, вынуждающих участников принимать дисциплину банды⁹¹.

Среди такой молодежи понятие «пинок» обладает самым полным значением. Здесь нет культуры и культивации признанных видов спорта, маскирующих беспричинность риска; сама общность превращена в поле для действия, с особым использованием сверстников, незащищенных взрослых и людей, воспринимаемых как символы полицейского авторитета. Уолтер Миллер предлагает удачное описание:

Многие наиболее характерные черты жизни низшего класса связаны с поиском возбуждения или острых ощущений. Сюда относятся превалирующее употребление спиртных напитков представителями обоего пола и широко распространенные азартные игры всех видов: нелегальная лотерея, ставки на скачках, кости, карты. Поиск возбуждения обнаруживает то, что, быть может, является его наиболее живым выражением в сильно структурированной практике «ночи в городе». Эта практика, по-разному называемая в разных местах («хождение по кабакам», «выход в город», «шатание по барам»), включает ряд повторяющихся видов активности, в которых алкоголь, музыка и сексуальные похождения являются основными компонентами. Группа или индивидуум отправляются «кружить» по разным барам и ночным клубам. Выпивка продолжается по нарастающей весь вечер. Мужчины стараются «снять» женщин, а женщины играют в рискованную игру принятия сексуальных заигрываний. Драки между мужчинами, в которых задействованы женщины, азартные игры и утверждение своей физической отваги в различных сочетаниях являются частыми последствиями ночи кружения по барам. Взрывной потенциал приключений такого типа с сексом и агрессией, часто ведущи-

⁹¹ Short J., Strobeck F. Group Process and Gang Delinquency. Chicago: Chicago University Press, 1965. P. 196.

ми к «неприятностям», полуоткрыто ищется самим человеком. Так как всегда есть значительная вероятность, что выходы в город будут приводить к дракам и т.д., эта практика включает элементы поиска риска и желанной опасности»⁹².

Изучение итальянских обитателей Бостона низшего класса дает другое описание:

Для искателя действия жизнь эпизодична. Ритмом жизни управляют авантюрные эпизоды, в которых пики активности и чувств достигаются через возбуждающее и иногда буйное поведение. Цель – действие, возможность для волнения и для шанса столкнуться с вызовом и преодолеть его. Его могут искать в карточной игре, драке, сексуальных эпизодах, запоях, азартных играх или в быстрых и яростных обменах шпильками и оскорблениями. Каким бы ни был эпизод, искатель действия добивается его с удвоенной силой и живет остальную свою жизнь в тихой – и часто угрюмой – подготовке к этому пику, в период которой обычно говорят, что он «убивает время»⁹³.

⁹² *Miller W.* Lower Class Culture as a Generating Milieu of Gang Delinquency // *Journal of Social Issues*. 1958. V. XIV. P. 11. Еще раньше утверждение о теме возбуждения у подростков можно обнаружить у *Thrasher F.* *The Gang*. Chicago: University of Chicago Press, 1927. Ch. 5 «The Quest for New Experience». Более позднюю версию можно найти у *Finestone H.* *Cats, Kicks, and Color* // *Social Problems*. 1957. № 5, особенно р. 5, который описывает группу, сочетающую пренебрежение миром работы с сильной озабоченностью проявлением хладнокровия перед лицом неприятностей. Подобным образом, «фокусы заботы», которые У. Миллер приписывает городской культуре низшего класса (проблемы, «крутизна», ловкость, возбуждение, судьба, автономия), оказываются очень подходящими для поддержания вовлеченности в действие.

⁹³ *Gans H.* *The Urban Villagers*. N.Y.: The Free Press, 1962. P. 29. Этот автор далее обсуждает привлекательность действия на с. 65–69. В литературе часто утверждается, что мальчики-подростки должны развивать и демонстрировать мужественность, и что поиск действия служит этой цели. В данной статье говорится, что мужественность – это комплекс качеств, которые лучше называть «характером», и именно его надо рассматривать при анализе подросткового «отреагирования». В любом случае, как указывает Беннет Бергер (*Berger B.* *On the Youthfulness of Youth Culture* // *Social Research*. 1963. V. 30. P. 326–327), ориентация на действие включает в себя озабоченность не только маскулинностью, но и молодостью.

VIII. Характер

Начав с готовности мальчиков рискнуть, мы перешли к анализу последствий, затем – к судьбоносности в ситуациях исполнения долга (заметив, что это может вести к истолкованию ситуации как добровольно затеваемой практической азартной игры), а после этого – к действию, к его видам, в которых ценится самодетерминация. И мы видели, что, хотя многие люди избегают судьбоносных ситуаций, другие по каким-то причинам их одобряют, а есть и такие, кто даже конструирует ситуации, судьбоносностью которых они смогут насладиться. В действие оказывается вовлечено что-то значимое и особенное. Лучше понять то, что нам следует искать, помогает описание Хемингуэем человеческой ситуации одного из его любимых тореадоров:

Мы говорили о смерти без страха, и я высказал Антонио все, что думаю о ней, хотя это не имеет никакой цены, поскольку никто из нас ничего о ней не знает. Я мог искренне презирать смерть и даже иногда внушать это презрение другим, но мне-то она тогда не грозила. Антонио же сталкивался с ней изо дня в день, нередко по два раза в день и для встречи с ней приезжал издалека. Он ежедневно подвергал себя смертельной опасности, и стиль его работы был таков, что он сознательно продлевал угрозу смерти до невыносимых для нормального человека пределов. Чтобы выдержать это, ему нужны были железные нервы и абсолютное спокойствие. Он работал честно, без фальши, и исход боя для него полностью зависел от его умения распознавать опасность и предотвращать ее, подчиняя себе быка одним движением кисти руки, которою управляли его мышцы, его нервы, его реакция, зоркость, знание, чутье и мужество.

Если бы не точность и быстрота его реакции, он не мог бы так работать. Если бы мужество покинуло его хоть на малейшую долю секунды, он потерял бы власть над быком и бык забодал бы его. Кроме того, по прихоти ветра он мог в любую минуту остаться перед быком беззащитным, а это означало почти верную смерть.

Все это он знал, знал досконально и без самообмана, и наша задача заключалась в том, чтобы сократить до минимума время ожидания, оставляя его наедине со своими мыслями ровно настолько, сколько необходимо для психологической подготовки перед боем. Это и было наше участие в ежедневном свидании Антонио со смертью. Любой человек может иной раз без страха встретиться со смертью, но умышленно приближать ее к себе, показывая классические приемы, и повторять это снова и снова, а потом самому наносить смертельный удар животному, которое весит полтонны и которое к тому же любишь, – это посложнее, чем просто встретиться со смертью. Это значит – быть на арене художником, сознающим необходимость ежедневно превращать смерть в высокое искусство. По меньшей мере дважды в день Антонио должен был убивать быстро и милосердно, вместе с тем предоставляя и быку все шансы нанести смертельный удар, когда Антонио, подняв шпагу, нагибался над его рогами⁹⁴.

Если исследовать моменты, когда человек сталкивается с такими шансами, будь то часть серьезной работы или же опасная игра, определенные способности, определенные свойства его характера представляются внутренне или «первично» связанными с этим; в высотных строительных работах – внимательность и равновесие, в альпинизме – «форма» и выносливость, в бое быков – расчет времени и глазомер, в спортивной охоте – меткость, в азартных играх – знание шансов, и во всех случаях – память и опыт. Часто эти первичные способности могут использоваться в незначимых обстоятельствах, когда рискованные черты реальных ситуаций полностью отсутствуют или просто смоделированы. Так, существуют имитационные гонки, учебная стрельба по мишеням, пробные попытки, военные игры и сценические репетиции. В организованных тренировках широко используется этот вид моделирова-

⁹⁴ Hemingway E. The Dangerous Summer // Life. September 12. 1960. P. 75–76 (рус. пер.: Хэмингуэй Э. Опасное лето // Собр. соч.: В 6 т. / Пер. Е. Калашниковой, В. Топер. М.: Нугешинвест, 1993. Т. 5. С. 104).

ния. Здесь хорошие или плохие показатели не являются судьбоносными ни сами по себе, ни по своему влиянию на репутацию субъекта. Подобным образом, первичные способности часто могут использоваться в обстоятельствах, когда эффективное выполнение задачи достигается легко и бездумно, короче, когда результаты имеют последствия, но не проблематичны.

В ощутимо судьбоносных обстоятельствах – чреватых последствиями и проблематичных – и *только* в тесной связи с ними проявляется вторая группа способностей или свойств. Внезапное понимание индивидом того, что может вскоре произойти, в состоянии оказать заметное влияние на его поведение, социальные контакты и выполнение задачи. В отношениях с другими может нарушиться принципиальное поведение, которое он демонстрировал в обычных ситуациях. Внезапное осознание, чего стоят ему его принципы, может в какой-то момент поколебать его обычную порядочность; в пылу и спешке момента могут обнажиться эгоистичные интересы. Или наоборот, неожиданно высокая цена правильного поведения может послужить только подтверждением его принципиальности. Аналогично, в ситуации выполнения задачи воображение последствий провала или успеха может сильно повлиять на способность человека использовать свои способности. Надвигающиеся на него возможности могут сделать его нервным, неспособным использовать свои знания или организовать действие⁹⁵; с другой стороны, вызов может

⁹⁵ Дж.Л. Остин, обсуждая «разделы, по которым организован бизнес осуществления действий», полагает: «Есть, например, стадия, на которой мы действительно должны *выполнить* некоторое действие, за которое взялись: может, нам надо выполнить определенные физические движения или произнести речь. В ходе реального *делания* этих вещей (в начале работы) мы должны обращать (некоторое) внимание на то, что мы делаем, и позаботиться (в некоторой степени) о защите от (вероятных) опасностей: нам может быть полезно, все оценив, разработать тактику действий; мы должны обрести достаточный контроль над своим телом и т.д. Невнимательность, беззаботность, ошибки в

заставить его мобилизовать свою энергию и превзойти себя. В противоположность другу Хемингуэя Антонио можно привести Хосе Мартинеса, который во время своего дебюта в качестве матадора в Мурсии при выходе быка упал в обморок⁹⁶.

Эта способность (или отсутствие ее) держаться правильно и устойчиво перед лицом внезапного давления является решающей; она определяет не деятельность индивида, но то, как он будет справляться с этой деятельностью. Я буду говорить об этих поддерживающих свойствах как аспекте индивидуального *характера*. Проявления неспособности поступать эффективно и правильно перед лицом судьбоносности являются признаком *слабого* характера. Тех, кто демонстрирует среднюю, ожидаемую способность, не описывают в терминах какого-то особого характера. Свидетельства способности удерживать полный самоконтроль, когда приходит решающий час, – будь то в отношении моральных соблазнов или выполнения задачи, – являются признаками *сильного* характера.

И первичные свойства, и свойства характера вносят свой вклад в приобретаемую человеком репутацию; следовательно, и те и другие обладают последствиями. Но между ними существуют важные различия. Как предполагалось, первичные качества могут выражаться в ситуации, не являющейся судьбоносной; качества характера – в рассматриваемых здесь аспектах – проявляются только в судьбоносных событиях или, по крайней мере, в событиях, субъективно рассматриваемых как судьбоносные. Первичные качества можно одобрять, не одобрять или

оценках, непродуманность, неуклюжесть – все это и многое другое суть отрицательные явления (с соответствующими оговорками), влияющие на специфическую стадию в механизме действия – стадию исполнения, выявляя нашу *неумелую работу*» (*Austin J.L. Pleas for Excuse // Philosophical Papers / J. Urmsen, G. Warnock (Eds.). Oxford: Oxford University Press, 1961. P. 141*).

⁹⁶ Описано *McCabe Ch.* San Francisco Chronicle. June 2. 1966.

относиться к ним морально нейтрально. Свойства же характера всегда оцениваются с моральной точки зрения просто потому, что способность мобилизовать себя в нужный момент всегда служит объектом социальной оценки. В противоположность оценке первичных свойств, в оценке характера существует тенденция к крайностям; рассматриваются никак не ожидавшиеся неудачи либо неординарные успехи, а простое соответствие обычным стандартам здесь не обсуждается. Наконец, в отличие от первичных черт, черты характера имеют тенденцию «представлять сущность человека», полностью определяя для нас его портрет, и (как мы увидим позднее) люди склонны это единственное выражение принимать за адекватную основу для суждения.

Рассмотрим некоторые основные формы характера, имеющие отношение к управлению фатальными событиями.

Во-первых, имеются различные формы *храбрости*, то есть способности, предвидя непосредственную опасность, тем не менее, продолжать действие, ведущее к опасности. Возможные варианты определяются природой разных видов риска, например, риск физический, финансовый, социальный или духовный. Так, профессиональные игроки уважают качество, называемое «азарт», то есть готовность подчиниться правилам игры, рискуя значительной частью своих средств, – предположительно, обладая способностью элегантно принимать выигрыши и потери. Отметим, что интересы, обслуживаемые храбрими действиями, могут быть вполне эгоистичными, дело лишь в готовности субъекта встретить лицом к лицу значительный риск.

Далее, *выдержка*, то есть способность твердо придерживаться избранной линии деятельности и прилагать к этому все усилия, несмотря на препятствия, боль или усталость, но не вследствие какой-то грубой нечувстви-

тельности, а благодаря внутренней воле и самодетерминации. Пример этого дают боксеры:

Существует также культ разновидности стойкой храбрости, называемой «сердце бойца», что означает «никогда не мириться с поражением». Боец рано узнает, что проявляемая им храбрость, его способность сражаться до конца, даже проигрывая бой, вызывает уважение, нравится зрителям. Он должен лелеять теплящуюся надежду, что может победить несколькими дополнительными ударами⁹⁷.

Нужно добавить, что в отношении такой демонстрации отваги люди не единственные и, быть может, даже не первые существа, обладающие этим качеством. Его великолепно проявляют соответственно обученные быки; вот почему они принимают предложенное им противоборство и продолжают сражаться, находясь во все более ослабевающей позиции, – именно поэтому и могут существовать бои быков. Скаковые лошади, если особым образом истолковывать понятие «класс», также могут обладать этим качеством⁹⁸.

Фундаментальной чертой характера личности с точки зрения социальной организации является *честность*, означающая здесь склонность сопротивляться искушению в ситуациях, где может быть противопоставление выгоды нормам морали. Честность оказывается особенно важной в ситуациях судьбоносной активности без свидетелей. При всем различии типов характеров, одобряемых различными обществами, ни одно из них не могло бы долго существовать, если бы его члены не одобряли и не поощряли это качество. Все склонны претендовать на высокие стандарты честности, которые, однако, редко реализуются; в этом отношении превосходство считается

⁹⁷ Weinberg K., Arond H. The Occupational Culture of the Boxer // American Journal of Sociology. V. LXVIII. 1952. P. 462.

⁹⁸ См. Scott M. The Racing Game. Chicago: Aldine Books, 1968.

само собой разумеющимся, и именно о людях, не оправдавших подобных ожиданий, говорят как об обладающих слабым характером⁹⁹. (Поэтому мы можем найти примеры честности в мельчайших проявлениях жизни: когда торговец навязывает неподходящий продукт не слишком убедительно; когда девушка приходит на свидание, которое неожиданный случай сделал бесперспективным; когда школьник признается в проступке, виновным в котором считали другого; когда таксист или парикмахер дают с пяти долларов сдачи три доллара *банкнотами* при стоимости услуги в два доллара.) В чем-то схожие комментарии можно сделать относительно «самодисциплины», способности удержаться от излишнего втягивания в легкие удовольствия – будь то в баре, ресторане или казино.

Ранее было сказано, что социальные ситуации несут в себе некоторые последствия для репутации, особенно в связи со стандартами, которые обязаны поддерживать участники контакта в общении друг с другом; указывалось, что последствия этих контактов обычно не проблематичны. Однако здесь мы рассмотрим, как обстоятельства иногда могут и в этом случае приводить к ситуации выбора.

Например, постоянное поддержание церемониального порядка может время от времени становиться очень накладным, создавая сомнительную привилегию демонстрации особой версии честности. В этих случаях индивид должен решать, уступить под давлением или нет, позволить нормам утратить силу или нет. *Благородство* относится к способности поддерживать формы вежливости, когда эти формы заполнены содержанием. Это демонстрирует Дуглас Фербенкс, когда в середине кинематографической смертельной дуэли он поднимает упавшую шпагу своего противника и вручает ему с вежливым

⁹⁹ Я благодарен Марвину Скотту за предположения относительно особой роли честности как качества характера.

поклоном, предпочитая отказаться скорее от случайного преимущества, чем от шанса выразительно показать себя. Подобные возможности дают и другие состязания:

В 1902 г. тогдашний чемпион Британии Селвин Ф. Эдж, участвуя в ралли Париж–Вена, проколол камеру и был вынужден остановиться для ремонта. Однако вскоре он обнаружил, что насос в его машине не работает. Без него нельзя было накачать камеру, и машина не могла продолжать движение.

В этот момент на дороге появился на «мерседесе» колоритный граф Луи Зборовски. С одного взгляда он понял ситуацию, остановился рядом с машиной Эджа и кинул собственный насос своему сопернику. Эдж смог продолжить гонку и выиграл кубок Гордона Беннета. Зборовски был вторым¹⁰⁰.

Интересно, что примеры проявления благородства обычно именно такого типа, как приведенные здесь, а в повседневной жизни этим качеством пренебрегают. На самом деле, лавочник благороден, если он без необходимости и *вежливо* принимает назад большую покупку от туриста, у которого вдруг появились сомнения в ее целесообразности. Конечно, пассажир проявляет благородство, когда добровольно уступает свое предпоследнее место, чтобы следующая в очереди молодая пара могла остаться рядом и при этом не стоять¹⁰¹.

¹⁰⁰ Davis S. Chivalry on the Road // Beaumont C., Nolan W. Omnibus of Speed. N.Y.: Putnam and Sons, 1958. P. 32–33.

¹⁰¹ В казино благородство институционализировано и установлены определенные права и обязанности хозяина зала. Он рассматривает возникающие споры в традиционно предпочитаемом стиле: мягкое внушение клиенту, в чем могла быть или есть его вина, а затем, когда таким образом крупье обелен, милостиво предлагается решение спора не в пользу казино. Я видел боссов залов, которые вели себя таким образом, когда ставки были достаточно велики, чтобы ощутимо сказаться на прибыли стола за смену. Конечно, здесь казино само озабочено созданием и поддержанием репутации обладания тем, что в данном контексте называется «классом», в противоположность «дешевке». (Общую трактовку организационного характера дает *Selznick P. Leadership in Administration*. White Plains: Row, Petterson, 1957. Особенно p. 38–42.)

Конечно, благородство – не единственное качество характера, которое проявляется в связи с поддержанием церемониального порядка, порождая проблемы и обходясь подчас дорого. Точно так же как индивид обязан перед другими соблюдать долг вежливости, так и другие обязаны соблюдать долг вежливости по отношению к нему. Каждый, к кому не отнесутся должным образом, может посчитать, что необходимо рискнуть и пойти на карательные действия, чтобы показать, что он не позволит так с собой обращаться. В нынешние времена полиция дает великолепную иллюстрацию вышесказанного, так как иногда полицейские вынуждены пускать в ход свои кулаки, дубинки и даже пистолеты, чтобы обеспечить себе достаточное уважение от тех, кого они арестовывают или к кому обращаются¹⁰².

Карательные действия такого рода предполагают, конечно, что оскорбленный человек обладает достаточным авторитетом и ресурсами. Если это не так, он может чувствовать себя обязанным пожертвовать собственной сущностью ради поддержания формы. Благородство может проявляться в противоположных действиях: не дорого обходящаяся вежливость, а дорого обходящееся презрение. В экстремальных ситуациях, воспеваемых во многих современных боевиках (романах действия), герой, раздетый и привязанный к креслу, плюет или, по крайней мере, улыбается в лицо злодею, угрожающему ему смертью и пытками; герой добровольно обостряет непрочную ситуацию, чтобы продемонстрировать презрение к самонадеянности и манерам злодея. Ближе к реальности стоит случай, когда мы обнаруживаем, что обслуживающий персонал всех категорий может с достоинством отклонить любую плату, если оспаривается ценность их услуг или их самих, предложить клиенту идти со сво-

¹⁰² См. *Westley W. Violence and the Police // American Journal of Sociology*. 1953. V. LIX. P. 39–40.

им покровительством куда-нибудь еще, то есть эти люди способны причинить вред себе, желая досадить другому. Эти пирровы победы часто не одобряются, наряду с качеством характера, которое считается ответственным за такое поведение, и подобные инциденты случаются не часто. Тем не менее истории о них встречаются повсеместно и играют важную роль в поддержании самоуважения прислуги, а также способствуют сдержанности тех, кому услуги оказывают.

Из всех качеств характера, связанных с управлением судьбоносностью, наибольший интерес для данного очерка представляет *самообладание*, то есть самоконтроль, владение собой, уравновешенность. Это свойство имеет двойные последствия: через прямое влияние на функционирование первичных качеств и как самостоятельный источник репутации.

Самообладание имеет поведенческую сторону – способность выполнять физические задачи (обычно включающие контролирование мелкой мускулатуры) в согласованной, ровной, самоконтролируемой манере в судьбоносных обстоятельствах. Примером служит игра в бильярд на деньги:

...С другой стороны, шулер должен обладать храбростью. Это *sine qua non** того, чтобы он был хорошим «игроком на деньги», мог сохранять класс игры тогда, когда в игре возникают сложные ситуации (чего не могут многие не-шулеры). Также предполагается, что он не позволит себе раздражаться из-за неуместных замечаний или иных отвлекающих факторов, исходящих от зрителей. (Он может делать вид, что выходит из себя из-за этих происшествий, но это только часть его тактики.) Качество его игры не должно снижаться и тогда, когда вследствие неверных подсчетов или почему-то еще он обнаруживает, что значительно отстает от намеченного им уровня¹⁰³.

* Обязательное условие (лат.). – Примеч. перев.

¹⁰³ *Polsky N. The Hustler // Social Problems. 1964. V. XII. P. 10.*

Вот пример того, что *не является* этой способностью:

Прошлой ночью нервный мужчина, одетый в плащ и темные очки, стоял перед кассой магазина на Мишн стрит, 4940.

Сунув руку в карман, он вытащил из него вороненый автоматический пистолет 32-го калибра. Или, по крайней мере, попытался вытащить. Пистолет застрял в кармане, выстрелив в плинтус будки кассира.

Около 15 посетителей и 10 клерков устали на мужчину. Он нервно облизнул губы. «Это ограбление, – выпалил он кассиру Розе Кателли, тридцати лет, с Нэпл стрит, 579. – Я требую все деньги из кассы». После чего повернулся и удрал из магазина, преследуемый управляющим Вэлом Андреаччи и клерком Томом Холтом.

Даже не оглянувшись, вооруженный преступник беспорядочно сделал еще три или четыре выстрела, пробежав полквартала вверх по аллее к Лондон стрит, вскочил в свою машину и поспешно уехал¹⁰⁴.

Самообладание включает в себя также то, что считается его аффективной стороной, – эмоциональный самоконтроль, требующийся, когда имеешь дело с другими людьми. На самом деле здесь должен включаться физический контроль за органами речи и жестикуляции. Сэр Гарольд Николсон, делая обзор требующихся профессиональному дипломату качеств, иллюстрирует это так:

Третье качество, существенное для идеального дипломата, – это спокойствие. Ведущий переговоры не только должен избегать проявлений раздражения, сталкиваясь с глупостью, нечестностью, жестокостью или чванством тех, в ведении переговоров с кем состоит его неприятный долг, но он должен выдерживаться от любой личной неприязни, любого энтузиазма, предубежденности, тщеславия, преувеличений, драматизации и морального негодования...

¹⁰⁴ San Francisco Chronicle. November 17. 1963.

Качество спокойствия, в приложении к идеальному дипломату, должно выражаться в двух основных направлениях. Во-первых, он должен быть уравновешенным или, по крайней мере, должен быть в состоянии держать свою раздражительность под совершенным контролем. Во-вторых, он должен быть исключительно терпелив.

Случаи, когда дипломаты утрачивали свою сдержанность, с ужасом вспоминаются поколениями их преемников. Наполеон утратил сдержанность при встрече с Меттернихом во дворце Марколини в Дрездене 26 июня 1813 года и швырнул свою шляпу на ковер с самыми печальными последствиями. Сэр Чарлз Эуан-Смит утратил сдержанность при встрече с султаном Марокко и разорвал договор в высочайшем присутствии. Граф Таттенбах потерял сдержанность на Альхесираской конференции и подверг свою страну тяжелому дипломатическому унижению. Герр Стиннес утратил сдержанность в Спа¹⁰⁵.

Этих людей «захлестывает», они перестают быть хозяевами самих себя, подпадая вместе со своим руководством под контроль со стороны других.

Вместе с ценностью плавных движений и невозмутимых эмоций мы можем рассмотреть ценность психического спокойствия и бдительности, то есть *присутствия духа*. Это умение важно для надлежащего исполнения многих безличных задач, например при сдаче экзаменов. Последние мыслятся как испытательное средство для нахождения верного и единственного ожидаемого исхода. Но на самом деле экзаменационная оценка зависит от мобилизации памяти и знаний под давлением и последующего формулирования правильного всестороннего ответа в сжатые сроки; отсутствие этого умения иногда называется «блокировкой»¹⁰⁶. Присутствие духа важно и

¹⁰⁵ Nicolson H. Diplomacy. N.Y.: Oxford University Press; Galaxy Books, 1964. P. 62.

¹⁰⁶ Как часть социализации, школьные экзамены могут быть важны не столько потому, что ученики должны выучить предмет для его

в задачах, непосредственно включающих других людей. Этим типом присутствия духа, как известно, обладают люди остроумные и не обладают застенчивые. Сборники знаменитых остроумий, ярких проявлений такта, эффектных уничтожающих ответов и резких замечаний свидетельствуют об общем интересе к такому складу ума.

Самообладание имеет и другую сторону – способность созерцать крутые изменения в судьбе – своей собственной и других – без утраты контроля над эмоциями, без волнения¹⁰⁷.

Самообладание имеет и телесную сторону, называемую иногда *достоинством*, то есть способность поддерживать телесную благопристойность перед лицом расходов, трудностей и настоятельных потребностей¹⁰⁸. Особый интерес представляет серфинг (даже больше, чем лыжный спорт). Физический апломб и достоинство вертикальной позы должны сохраняться на плоской узкой

сдачи, но благодаря тому, чему они учатся в процессе сдачи. Ведь здесь (по крайней мере, в нашем обществе) наступает, быть может, наиболее важная, первая тренировка в выполнении сложных задач в условиях ограниченного времени. Недостаток душевного самообладания, вероятнее всего, приведет к потере части и без того ограниченного времени, что может вызвать рост этого недостатка в дальнейшем. Интересно, что в нашем обществе официальные испытания, требующие *физического* самообладания в сложных обстоятельствах, наступают в жизни значительно позже, если вообще наступают.

¹⁰⁷ Рассмотрение этого вопроса см. *Glaser B., Strauss A. Awareness of Dying*. Chicago: Aldine, 1965. Ch. 13 «Awareness and the Nurse's Composure». P. 226–256.

¹⁰⁸ Достоинство может быть предметом газетных сообщений. Так, публикация в *Sun-Times*, April 17, 1953 (с портретом) гласит: «Вивин Романс, французская звезда экрана, отказавшаяся позволить актеру плюнуть себе в лицо и обругать себя в сцене фильма, была оштрафована в Париже на 11 428 долларов за нарушение контракта. Звезда сказала, что действие было «ниже моего достоинства». Интересный пример поведения, которое могли бы расценить как недостойное, можно обнаружить в книге: *Ross L. Picture*. N.Y.: Dolphin Books, 1962, где Лилиан Росс описывает лакейские обязанности, которые Альберт Бэнд, видимо, выполнял в качестве ассистента Джона Хьюстона и Готфрида Рейхардта. Особенно см. p. 32–57 и 91–97.

доске под давлением сил природы, толкающих спортсмена к пределу человеческих возможностей телесного самоконтроля. Здесь поддержание физического равновесия – не просто условие эффективного владения этим видом спорта, но центральная цель его.

Последним из аспектов самообладания можно считать *сценическую уверенность* – способность выдерживать без смущения, стеснения, замешательства или паники появление перед большой аудиторией. За этим стоит особый тип самообладания, близкий тому, который необходимо иметь под взглядами других людей во время исполнения уязвимой роли. Интересные вариации встречаются в мире тайных агентов, сыщиков и преступников, где может требоваться «действовать естественно» перед опасной аудиторией, когда человек знает, что за несколько секунд все «шоу» может завершиться. Вот что пишут об эпизоде биографии одного из лучших взломщиков Нью-Йорка сразу после совершения им очень большого ограбления на девятом этаже отеля:

Он вернулся назад на восьмой этаж и спустился на лифте в вестибюль. Обладая тем, что полиция называет «нервами взломщика», он позволил швейцару поймать ему такси. «Первый раз в жизни я не мог дать чаевые швейцару, – рассказал он полиции. – Мои карманы были так набиты драгоценностями, что я не мог бы достать мелочь. Я испытал замешательство¹⁰⁹.

Здесь присутствует важный ряд допущений. Люди, имеющие серьезные причины бояться скорого ареста, склонны убегать или, по крайней мере, постоянно остерегаться возможной опасности. Эти вполне естественные тенденции можно контролировать, но редко удается полностью скрыть все признаки возбуждения. Следовательно, специалисты, ищущие среди вероятно невиновных

¹⁰⁹ Black S. Burglary. Part Two // The New Yorker. December 14. 1963. P. 118.

действительно виновного, будут закономерно обращать внимание на людей, проявляющих осторожность или тревогу без видимой причины. В этом случае выглядеть смущенным означает разрушить маску, которую можно назвать «выглядеть как все». Но если индивид ощутит, что его вид выдает его, у него появится еще одна причина бояться; подавление желания покинуть создаваемое этим новым страхом поле породит дополнительные признаки неестественности, которые, в свою очередь, будут по кругу усиливать замешательство.

Самообладание во всех его различных аспектах традиционно ассоциировалось с аристократической этикой. Однако в последние годы варианты этого качества усиленно рекламируются беспутными городскими элементами под ярлыком «холодность». Сэру Гарольду мог бы быть отвратителен этот оборот речи, но его совет странствующему дипломату точно выражается словами: «Малыш, не сдувай свою холодность»¹¹⁰. Важным моментом здесь является то, что мы обнаруживаем самообладание в качестве предмета ценности и заботы во многих разных культурах и во многих разных слоях общества. Этому, видимо, есть две основные причины.

¹¹⁰ Однако нынешняя холодность, по-видимому, имеет свою специфику. Используемое выражение предполагает, что хотя холодность – черта личности, обладающий ею находится в отстраненном отношении к ней, так как сохранение холодности всегда проблематично. Как можно потерять бумажник, так можно и утратить холодность. Понятие это расширилось, охватив не только вовлеченность в разрушительные дела, но и вовлеченность во что бы то ни было, причем предполагается, очевидно, что для людей с уязвимой социальной позицией любое беспокойство может породить неудачу, а безразличие является единственным защитным курсом. Наконец, во фразе «охладись» выражен запрет на поведение, которое может возбуждать нежелательные реакции других и, следовательно, увеличивать угрозу собственной ситуации человека и, вследствие этого, его собственной холодности.

Я мог бы добавить, что определенные трущобные стили речи настолько проникают вверх, что язык, от которого отрекается сэра Гарольд, несомненно, используется его более хипповыми коллегами как доказательство их связи с миром.

Во-первых, всякий раз, когда человек находится в непосредственном присутствии других, особенно когда он сотрудничает с ними, например, в совместном поддержании состояния беседы, – для них важна его способность быть компетентным участником взаимодействия. Социальный порядок, поддерживаемый в собрании, строится его участниками из маленьких дисциплинированных поведений каждого. Вклад подобающего поведения объединяется с вкладами других людей, производя социально организованное сопresутствие. Человек должен будет поддерживать контроль над собой, если хочет быть доступным для совместных действий, не разрушая их. Отсутствие самообладания дисквалифицирует его для этих обязанностей и угрожает совместно поддерживаемому миру, в котором другие люди считают себя вправе находиться.

Во-вторых, находится человек в присутствии других людей или нет, любая задача, которую он выполняет, предполагает необходимость свободного умелого использования человеческих способностей – разума, конечно-стей, особенно мелкой мускулатуры. Часто контроль над ними должен приобретаться и поддерживаться в очень специфических обстоятельствах: любая временная утрата контроля, вызванная беспокойством за ситуацию, сама по себе дает основание для еще большего стеснения и, следовательно, дальнейшей неловкости и т.д. до тех пор, пока человек не смутится настолько, что будет неспособен справиться с задачей. Хорошим примером служат шпагоглотатели. Прикосновение и температура лезвия заставляют неопытных давиться, что, естественно, делает задачу невыполнимой. Как только эта реакция успешно подавляется, обучающийся обнаруживает, что шпага заставляет его горло туго смыкаться. Требуются дальнейшие тренировки, прежде чем эти мышцы расслабятся и шпага сможет проходить без прикосновений. Чем больше шпага касается стенок глотки, тем более вероятен непро-

извольный спазм, который, конечно, будет увеличивать количество прикосновений¹¹¹. (Соответственно, чем спокойней шпагоглотатель, тем меньше будет прикосновений и тем менее сжатым будет горло и т.д.) В соответствии с высказанным ранее предположением, подобное затруднение случается в условиях ограниченного времени. Неловкость может приводить к пустой потере времени, что напрягает ситуацию, а это, в свою очередь, создает еще больше оснований для замешательства.

Вследствие того что люди во всех обществах должны вести большинство своих дел в социальных ситуациях, мы должны ожидать, что способность поддерживать социальные события в сложных обстоятельствах встретит повсеместное одобрение. Аналогичным образом, так как во всех обществах и социальных слоях люди должны выполнять задачи, везде будут заботиться о требующемся для этого самообладании.

Я выделил несколько оснований сильного характера: храбрость, выдержка, честность, самообладание. Должно быть очевидным, что они могут совмещаться, украшая этим моральную жизнь сообщества. Радист, который вежливо отказывается покинуть тонущее судно, хладнокровно занимаясь починкой передатчика, и идет ко дну, уверенно управляет собой, несмотря на боль в обожженных руках, – он соединяет в своем подвиге почти все, о чем общество может просить кого-либо. Он передает важное сообщение, даже если его SOS не будет принят.

Теперь я хотел бы вернуться к предположению, что, хотя черты характера обычно ярче проявляются в судьбоносные моменты, они также обнаруживаются в периоды, судьбоносные чисто субъективно, когда судьба, которая уже детерминирована, раскрывается и выявляется. Порождаемые в эти моменты чувства требуют самоконтро-

¹¹¹ См. *Mannix D. Memoirs of a Sword Swallower*. N.Y.: Ballantine Books, 1964. P. 94–98.

ля, ими необходимо хорошо управлять. И конечно, это владение собой будет иметь особое значение в непосредственном присутствии других, так как поддерживаемое ими надлежащее взаимодействие может оказаться в опасности из-за потери самообладания у обреченного.

Нет лучшего примера, чем качества, проявляемые тем, кому предстоит повешение, гильотинирование, расстрел или газовая камера. Казни происходят в условиях, где аудитория совершенно неустойчива, где, чтобы все шло гладко, от осужденного требуются физическое сотрудничество и физическая невозмутимость. В описаниях казней зафиксированы люди, которые боролись, извивались, брызгали слюной, вопили, падали в обморок и были несдержаны в моменты перед казнью, доказывая тем самым отсутствие характера:

Жители Йорка были свидетелями другого неприятного повешения: Джозеф Терри дрался, кричал и кусался, когда палач пытался накинуть петлю ему на шею. Шесть человек поднялись на эшафот, чтобы удержать его, и в конце концов веревку перетаскивали ему через голову, но в новой схватке упал колпак. В этот момент рухнула платформа. Терри прыгнул и ухитрился поставить ногу на край эшафота, схватившись руками за один из столбов виселицы. Здесь ему удалось минуту справляться с объединенными усилиями палача и его помощников, прежде чем они стащили его. Он умер с лицом, искаженным неприкрытой гримасой страха¹¹².

¹¹² *Atholl J. Shadow of the Gallows. London: John Long, 1954. P. 77.* История казней обычно описывается в терминах эволюции, начиная с жестоких смертей, следующих за множеством преступлений, и двигаясь к нашему времени, когда к смертной казни приговаривают только за несколько преступлений и существует широкое движение за полную отмену смертной казни. На самом деле, историю казней можно лучше описать в терминах взаимодействия, ибо эволюция методов казней во многом связана с развитием средств и способов обеспечения гладкого течения этого социального события. Принимая во внимание, что зрители, палач и жертва будут нервничать, можно ли управлять актом так, чтобы способствовать сдержанности всех трех групп участников? История казней есть история медленного накопления ответов на этот

Наоборот, источники рассказывают о других осужденных, которые обменивались шутками со зрителями, сохраняли социальное обаяние, помогали палачу надевать на них петлю и вообще облегчали дело для всех присутствующих. Юмор висельников действительно существует, например, когда аристократ перед тем, как быть гильотинированным, отклоняет традиционный стакан рома со словами: «Когда я пьян, я полностью теряю способность ориентироваться в пространстве»¹¹³.

Процедурные сложности, которые может вызывать сопротивление жертвы казни, и общая тенденция этих людей идти на смерть сотрудничая, демонстрируют желание людей показать сильный характер. Обычно осужденный готов сотрудничать, он хороший спортсмен, он не ребенок, он принимает свой проигрыш без вспышек гнева и рыданий¹¹⁴, даже может проявить характер бойца, с

вопрос. Возьмем, к примеру, искусство повешения. Были созданы виселицы, которые могли за ночь соорудаться на тюремном дворе для того, чтобы свести к минимуму отвратительное зрелище и звуки; «таблица падения», позволяющая рассчитать при соответствующем весе и состоянии шеи параметры веревки, чтобы длина свободного падения не заставляла человека корчиться и ему не отрывало голову, а точно ломало шею; узел и тип веревки, разработанные для облегчения этого приспособления; связывание рук, чтобы не дать человеку помешать падению; двери ловушки, надежно закрытые до тех пор, пока веревка не натянется, и затем быстро открывающиеся и (один из тончайших штрихов) созданные так, чтобы они не хлопали взад-вперед в скорбном резонансе с падением тела.

Можно утверждать, что степень гуманности казни не особенно важна для жертвы, так как вопрос о том, как именно с человеком вскоре расправятся, может рассматриваться как не столь важный по сравнению с фактом, что человек близок к лишению жизни. Только те, кто остается, могут чувствовать себя комфортнее, зная, что смерть была практически безболезненной и никто не получил удовольствия от ужасного дела подготовки и наблюдения за ней.

¹¹³ *Kershaw A. A History of the Guillotine. London: John Calder, 1958. P. 71.*

¹¹⁴ Конечно, не только дети, но и плохие спортсмены утрачивают хладнокровие и, следовательно, характер, когда игра проиграна. Как рассказывает эксперт по женским шахматам: «В одной игре у шах-

презрительной улыбкой считая ниже своего достоинства последнюю традиционную ставку – обращение к богу, молитву, просьбу к остающимся простить его и получить самим прощение¹¹⁵. Этот вид приличий является последним и страшно социализированным актом, ибо осужденный сглаживает социальную ситуацию, поддерживая наиболее хрупкую часть нашей социальной жизни – ее социальные случаи – как раз тогда, когда он имеет очень малый шанс далее участвовать в том, что он поддерживает. В конце концов, здесь присутствуют и другие. Проходите через челюсти вечности, если уж вам пришлось, но не ропщите.

Понятно, что в дни публичных казней за последним поведением осужденного внимательно наблюдают, и это вносит значительный вклад в его посмертную репутацию. Таким образом, герои могут рождаться, подтверждать свою репутацию и разрушить или подтвердить ее во время смерти. В обществах, где существует возможность казни, интерес к этому все еще можно обнаружить. Вот как описывает его Клод Браун в своих гарлемских мемуарах:

Казалось, будто множество людей по соседству, парней, с которыми мы вместе росли и ходили в школу, были казнены на электрическом стуле в Синг-Синге. Соседи старались поговорить с матерями и родственниками этих парней. Помню, в юности, находясь в Варвике (тюрьме) и вскоре после выхода оттуда, я услышал о попавших на электрический стул людях, с

матистки из Нидерландов русская соперница внезапно взяла ферзя. Нидерландка убежала со сцены в слезах» (мисс Лиза Лэйн процитировала этот рассказ в «Talk of the Town» // The New Yorker. September 19. 1964. P. 43.)

¹¹⁵ В связи с тенденцией к «гуманным» казням наблюдалось снижение требований к грации и характеру осужденного. В газовых камерах в американских тюрьмах жертву казни могут попросить дышать глубже, когда цианид уже начал поступать, но никто не будет просить его произнести предсмертную речь в той манере, которая была типична для XVII и XVIII столетий (о предсмертных речах см. *Atholl J. Shadow of the Gallows*. London: John Long, 1954. P. 56).

которыми был знаком. Все мы хотели знать, что они говорили, потому что пытались обнаружить что-то для себя. Мы хотели знать, что они чувствовали в последнюю минуту: стоило ли делать все это, чувствовали ли они, что оно того стоило, в тот момент, когда они шли на смерть.

В юности, через несколько лет после Варвика, я хотел знать, действительно ли эти парни были крепкими. Думаю, что большинство ребят моего возраста смотрели на них как на героев. Мы хотели знать их последние слова. Кто-то сказал мне, что, когда посадили на электрический стул Леденца (он был помешан на сладостях, и из-за этого мы звали его Леденцом), прямо перед уходом он сказал: «Ну, похоже, Леденец лизнул последний раз». Вот так. Каждый восхищался им за то, как он ушел. Он не вопил и не делал ничего подобного¹¹⁶.

Делая обзор личных качеств, влияющих на способ поведения человека в отчаянных ситуациях, я предположил наличие связи между действием и характером. Эта взаимосвязь не простирается слишком далеко. Те, кто поддерживает нравственность, вероятно, почувствуют, что она требует слишком многого, даже несмотря на то, что общество может извлечь пользу из примеров крайней преданности. Нужно также учитывать, что есть определенные позитивно оцениваемые качества характера, формирующиеся в ходе кропотливого занятия лишенной всякого драматизма задачей на протяжении длительного времени; следовательно, поведение в любой момент времени не может содержать завершённое выражение черты характера. Более того, в судьбоносных ситуациях осознанного долга, например, когда люди идут на битву, недостаточно проявлять неустрашимость и приличия, демонстрируемые профессиональными игроками и гонщиками, которые направлены на то, чтобы выделиться среди других. Как заметил Уильям Джеймс в своем восхвалении военных добродетелей, есть необходимость отказаться

¹¹⁶ *Brown C. Manchild in the Promised Land. N.Y.: Macmillan Co., 1965. P. 211.*

от частных интересов и продемонстрировать подчинение приказам¹¹⁷. Кризис может потребовать не только те качества, что заставляют индивида превосходить других и дистанцироваться от них, но и те, что заставляют его подчиниться непосредственным нуждам целого. Даже эгоистичные интересы могут требовать послушного проявления совершенно негероических качеств. Примером служит профессиональный игрок в бильярд на деньги: «Шулер должен удерживаться от осуществления многих крайне трудных ударов. Такое ограничение дается нелегко, потому что трудно противиться возбуждению от осуществления фантастического удара, приносящего аплодисменты зрителей. Но шулер должен сдерживаться, иначе это снизит доверие к его промахам при более обычных ударах»¹¹⁸.

Здесь должны проявиться более глубокие качества характера, подавляющие стремление демонстрировать максимум своей компетентности. Наконец, как уже упоминалось, есть качества характера, традиционно ассоциирующиеся с женственностью. Они заставляют женщину избегать всяких столкновений, чтобы сохранить ее чистоту, гарантируя, что даже ее чувства останутся незапятнанными. Там, где требуется действие для обеспечения этой добродетели, предполагается, что его предпримет ее защитник-мужчина.

Я предположил, что, когда индивид находится в социальной ситуации, он подвергается оценке со стороны других присутствующих, в том числе оцениваются его первичные способности и черты характера. Никакая картина связанных с репутацией непредвиденных случайностей не будет полной без рассмотрения распространенных в

¹¹⁷ *James W.* The Moral Equivalent of War // *James W. Essays on Faith and Morals*. N. Y.: Meridian Books, 1962. P. 323.

¹¹⁸ *Polsky N.* The Hustler // *Social Problems*. 1964. V. XII. P. 6.

обществе народных поверий относительно природы людей, ибо они дают систему отсчета для суждений о чертах наблюдаемого человека.

Во-первых, в отличие от первичных свойств, в отношении качеств характера есть тенденция рассматривать единичное их проявление как решающее. Так как свойства характера востребуются только в тех редких случаях, когда ситуация неизбежно чревата последствиями, маловероятны немедленные дополнительные его проявления, подкрепляющие или корректирующие это впечатление. Волей-неволей приходится доверять единственному проявлению. Еще важнее, что в представлении об этих чертах исключения не допускаются. Именно тогда, когда человек испытывает наибольшее искушение отклониться от своей линии, у него есть самая эффективная возможность сохранить постоянство и тем самым продемонстрировать свой характер; это постоянство-несмотря-ни-на-что, собственно, и есть характер. Верно, что житейские упреки импульсивны и необъективны и что в другое время и в разных ситуациях индивид может и не сохранять тот характер, который он в настоящее время проявляет, но это к делу не относится. Меня здесь интересует не то, обладает или нет данный человек специфическими характеристиками, а то, как функционируют представления о характере в повседневной жизни. Имея дело с другим человеком, мы допускаем, что выражаемый им в текущий момент характер – полный и устойчивый его портрет; со своей стороны, он делает такие же допущения относительно того, как его будут воспринимать. Конечно, предлагаются оправдания, даются объяснения и делаются исключения, но эта коррекция осуществляется в связи с исходным допущением, что данное проявление является решающим, и часто она недостаточно эффективна.

Во-вторых, как только обнаружено свидетельство силы характера, ее не надо специально вновь доказывать,

по крайней мере, прямо сейчас; на время субъект может положиться на эти данные. Он может положиться на допущение других людей, что при возникновении соответствующих обстоятельств он подтвердит представление о своих манерах и будет действовать с характером. Но, конечно, это добавляет опасности в моральной жизни, так как мы склонны действовать в свете оптимистических представлений о самих себе, которые были бы опровергнуты, если бы подверглись проверке.

В-третьих, существует убеждение, что, как только человек потерпел неудачу в определенном отношении, он с этого момента становится совершенно другим и может просто сдаться. Солдат, которому была внушена идея, что он обладает волей и эта воля либо все выдерживает, либо бывает полностью сломана, может вследствие этого быть склонен выдать все, что знает, на вражеском допросе, если он уже выдал хоть что-то¹¹⁹. Подобным образом, тореадора можно считать утратившим всю свою доблесть после первого ранения¹²⁰. Также и на ипподромах говорят о жокеях, «потерявших кураж» и затем либо плохо скакавших, либо вообще отказывающихся скакать. Рассказывают истории о знаменитых жокеях, которые, чувствуя, что потеряли кураж, объявляли об этом и бросали скачки¹²¹. Похожие истории рассказывают о дайверах. И в детективных романах часто описываются крутые полицейские и преступники, которые, получив жестокую трепку, никогда уже полностью не могли восстановить свою храбрость. И конечно, есть общее убеждение, что, как только цена человека установлена и оплачена, он утратил свою на-

¹¹⁹ *Biderman A.* Social-Psychological Needs and Involuntary Behavior as Illustrated by Compliance in Interrogation // *Sociometry*. Vol. 23. 1960. P. 138–139. Также см. *Goffman E.* *Asylums*. N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1961. P. 89–90.

¹²⁰ *Hemingway E.* *The Dangerous Summer*, p. 89.

¹²¹ *Leach J.* *Unseated by Nerves* // *The Observer*. March 3. 1963.

дежность и с тем же успехом может теперь принимать небольшие, но частые взятки.

Наряду с убеждением в «легкой утрате» куража, непрочности моральных устоев и постоянной изменчивости есть и другое: после долгого отсутствия куража и моральных устоев человек внезапно может обрести отвагу, и с этого момента продолжать обладать ею.

Кацано Ордонес, Нико де ла Пальсия, который мог бы замечательно справиться с мулетой любой рукой, был замечательным исполнителем с большим художественным и драматическим чувством фазны, но он никогда не стал таким, как прежде, после того как обнаружил, что быки приносят неизбежный срок пребывания в госпитале и, быть может, смерть на своих рогах, так же как и пять тысяч песет на своих загривках. Он хотел денег, но был не расположен подходить за ними к рогам, после того как открыл плату, собираемую с их острия. Храбрость проходит такое короткое расстояние от сердца до головы, но, когда она идет, никто не знает, насколько далеко она уходит; может быть, в кровотечение или в женщину, и плохо оставаться в деле боя быков, когда она ушла, не важно куда. Иногда вы получаете ее назад при следующем ранении, первое может принести страх смерти, а второе может забрать его обратно, и иногда одна женщина забирает храбрость, а другая возвращает ее. Тореадоры остаются в деле, полагаясь на свои знания и способность ограничивать опасность, и надеются, что храбрость вернется, и иногда она возвращается, а в большинстве случаев – нет¹²².

В художественной литературе и мифе возвращение часто достигается только в поступке, дающем человеку достаточно силы, чтобы умереть за свои принципы; в смерти восстанавливается репутация человека, опровергается мнение, что падение – навсегда и что сломавшийся человек не может возродиться.

¹²² Hemingway E. *Death in the Afternoon*, p. 222.

Принимая во внимание убеждение, что характер может в драматических обстоятельствах приобретаться или утрачиваться, человек будет иметь отчетливые причины проходить через рискованные ситуации, не считаясь с их возможной материальной, или физической, ценой для него, проявляя тем самым то, что иногда называют гордостью. Интересно, что наши убеждения относительно куража в этом случае получают небольшую поддержку извне: обычно считается, что глоток спиртного позволит человеку легче и лучше справиться со сложным действием, и на удивление много ситуаций подтверждают такое мнение¹²³.

Учитывая эти аргументы относительно природы характера, можно лучше понять, почему действие, повидимому, обладает своеобразной привлекательностью. Ясно, что именно в решающий момент действия, когда час пробил, индивид рискует и имеет возможность показать себе и иногда другим свой стиль поведения. Характер ставится на кон; единственная удачная демонстрация может рассматриваться как дающая право на хорошую репутацию, плохую демонстрацию нелегко оправдать или переделать. Продемонстрировать или выразить характер, слабый или сильный, – значит породить характер. Короче, *Я* может произвольно воссоздаваться. Несомненно, это право осуществимо с точки зрения общества, потому что, как явствует из описанных примеров «азартной игры», цена подобных демонстраций, вероятно, создает автоматическое препятствие для людей, излишне склонных к этому. В любом случае, здесь есть шанс продемонстрировать обаяние под давлением; здесь есть возможность быть измеренным хемингуэвской меркой.

Заметим, что действие не должно восприниматься как имеющее оттенок импульсивности или иррационально-

¹²³ Иллюстрацией является практика казней. См., например, *The Hangman's Diary* / Ed. by A. Keller. London: Philip Allen, 1928. P. 8.

сти, даже если риск не сулит заметного выигрыша. Конечно, действие содержит шанс потери, но может произойти и реальное приобретение характера. Именно в этом отношении действие может рассматриваться как рассчитанный риск¹²⁴. Утверждения (в том числе мои), что действие есть самоцель, надо понимать как оборот речи. Добровольное принятие серьезного риска является средством поддержания и обретения характера; это самоцель только по отношению к другим видам целей. Буквально рассматривать действие как самоцель означало бы давать тривиальные и упрощенные социальные объяснения.

Итак, мы можем теперь увидеть характер таким, каков он есть. С одной стороны, он составляет то, что существенно и неизменно в индивиде, то, что *характерно* для него. С другой стороны, он относится к свойствам, которые могут порождаться и разрушаться в судьбоносные моменты. С этой последней точки зрения индивид может поступать так, чтобы детерминировать черты, которые потом будут принадлежать ему; он может поступать так, чтобы создать и установить то, что будет приписываться ему. Каждый раз в экстремальный момент его участники обнаруживают для себя небольшую вероятность что-то изменить в себе.

Это парадокс. Характер одновременно неизменен и переменчив. И тем не менее именно так мы понимаем его.

Должно быть столь же ясно, что наша нелогичность в этом вопросе имеет социальную ценность. Социальная организация повсюду порождает проблемы морали и последовательности. Индивиды должны относиться ко всем этим ситуациям с некоторым энтузиазмом и заботой, ибо

¹²⁴ Эти аргументы недавно приводились в связи с риском, присутствующим во внебрачных сексуальных связях и сражениях уличных банд. См. *Strodtbeck F., Short J. Aleatory Risks Versus Short-run Hedonism in Explanation of Gang Action // Social Problems. 1964.V. 12. P. 127-140.*

главным образом через такие моменты осуществляется социальная жизнь, и если в каждый из них не вкладывать свежие усилия, пострадает общество. Возможность влияния на свою репутацию служит здесь стимулом. И все же, чтобы общество существовало, такие же паттерны должны поддерживаться от одного социального случая к другому – существует потребность в правилах и условностях. Индивиды должны определить себя на языке свойств, уже признанных принадлежащими им, и надежно действовать в их рамках.

Для удовлетворения фундаментальных требований морали и предсказуемости мы позволяем себе поверить в фундаментальную иллюзию – в наш характер, который полностью наш собственный, он неизменен, но тем не менее непрочен и изменчив. Возможности, связанные с характером, поощряют нас возобновлять наши усилия в каждый момент активности общества, к которому мы приближаемся, особенно в его социальные моменты, и именно через это возобновление может поддерживаться старый заведенный порядок. Нам позволено думать, что есть что-то, что можно выиграть в те моменты, с которыми мы сталкиваемся, так же как общество может сталкиваться с этими моментами и преодолевать их.

IX. Состязание характеров

Отталкиваясь от понимания некоторых профессий как связанных с судьбоносной деятельностью, мы можем рассматривать действие в качестве ориентированной на *Я* ритуализированной формы морального спектакля, разыгрываемого в ходе выполнения профессиональных обязанностей. Действие состоит из рискованных задач, предпринимаемых «ради них самих». Возбуждение и демонстрация характера – побочные продукты азартных игр, серьезных судьбоносных сцен – становятся в случае действия подразумеваемой целью всего предприятия. Од-

нако ни судьбоносные обязанности, ни действие не говорят нам о взаимных последствиях при участии в этом спектакле двоих, когда демонстрация характера одним человеком прямо «давит» на другого. Мы не видим и систему отсчета, необходимую для того, чтобы исследовать такие случаи. Для этого мы должны обратиться к межличностным действиям.

В таких действиях на карте стоит не только характер одного участника, но превалирует взаимная судьбоносность. Каждый человек будет, по крайней мере походя, заботиться о доказательстве силы своего характера, а условия здесь таковы, что позволяют сделать это только за счет характера других участников. Самим полем, которое человек использует для выражения своего характера, может быть проявление характера другим человеком. И временами первичные свойства могут открыто использоваться как очевидное средство для битвы характеров и ради характеров. В результате возникает *состязание характеров*, особый вид моральной игры.

Это наиболее очевидно в играх и видах спорта, где оппоненты равны и требуются предельные усилия для победы. Но состязание характеров обнаруживается и в условиях, не столь очевидно созданных для соревнования, в которых мы находимся в потоке небольших потерь и приобретений. Каждый день многими способами мы пытаемся «набрать очки», и каждый день многими способами можем быть обыграны. (Быть может, от каждой такой попытки остается небольшой след, так что в момент, когда один человек приближается к другому, его манера и лицо могут выдавать последствия, обычные для него, и тонко направлять взаимодействие на путь, приводящий к результату с привычным концом.) Сделки, угрозы, обещания – будь то в коммерции, дипломатии, войне, карточных играх или личных отношениях – позволяют участнику противопоставить свою способность скрывать намерения и ресурсы способностям другого человека взволновать

или обмануть партнера, чтобы увидеть, что он скрывает. Всякий раз, когда индивид требует извинений или извиняется, говорит или получает комплименты, пренебрегает другими или становится объектом пренебрежения, результатом может быть состязание в самоконтроле. Подобным образом, безмолвный легкий флирт между друзьями или незнакомыми людьми порождает состязание в недоступности, даже если обычно ничего больше и не происходит. И когда идет подшучивание и обмен колкостями, один будет выводить из равновесия другого. Территория *Я* имеет границы, которые не могут в буквальном смысле патрулироваться. Вместо этого ищут и получают удовлетворение (часто удовольствие) от пограничных споров как средства установления того, где находятся границы человека. Эти споры и являются состязаниями характеров.

Оценивая значимость состязания характеров, мы, однако, должны от игр и стычек вернуться к определяющим чертам социальной жизни. Нам надо исследовать собственный (особенно неформальный) вклад, который человек обязан вносить в законные ожидания, и средства достижения им авторитета, завидного положения, доминирования и статуса в иерархии, доступные в обществе. Во взаимодействии справедливости и иерархии обнаруживается моральный кодекс, который затрагивает центр *Я*. Стоит попытаться дать его идеальную формулировку.

Когда два человека сопresentствуют, в поведении каждого может прочитываться выражающаяся в нем концепция себя и другого. Поведение в условиях взаимного присутствия, таким образом, становится взаимной интерпретацией. Но сама взаимная трактовка имеет тенденцию получать социальное признание, так что каждый поступок, сущностный или церемониальный, становится обязанностью субъекта и ожиданием другого. Каждый из двух участников превращается в поле, на котором другой с необходимостью осуществляет хорошее или плохое поведение. Более того, каждый не только захочет получить

то, что ему причитается, но и обнаружит, что он обязан добиваться этого, обязан охранять взаимодействие, чтобы обеспечить справедливость по отношению к себе.

Когда происходит состязание для выяснения того, чья трактовка себя и другого должна победить, каждый занимается подтверждением своего определения себя за счет того, что может остаться другому. И этот спор будет не только рождать желание занять удовлетворительное место в победившей трактовке, но и порождать право на получение такого места и обязанность настаивать на этом. Включается «дело принципа», то есть отстаивается правило, чья неоспоримость вытекает не только из реального поведения индивида, руководствующегося им, но и из символического значения этого правила как одного из целого ряда принципов, нарушение которого представляет опасность для системы в целом¹²⁵. Отстаивание желательного места, таким образом, прикрывается и усиливается отстаиванием своего места по праву, что, в свою очередь, подкрепляется обязанностью делать это, чтобы не разрушить всю структуру правил. Таким образом, может вмешиваться *честь*, то есть тот аспект личного характера, который заставляет человека с чувством долга обязательно включаться в состязание характеров, когда попораны его права. Он должен следовать этому курсу в такой степени, чтобы его вероятная цена оказалась высокой¹²⁶.

¹²⁵ См. аргументы в *Fried C. Reason and Action // Natural Law Forum. 1966. V. 11. P. 13–35.*

¹²⁶ Здесь главный случай – дуэль чести XVI в. Джендльмен защищал свою честь, но только небольшое количество других людей были социально компетентны, чтобы обязать его дать удовлетворение чести посредством дуэли. Далее, конечно, возникали проблемы организации взаимно подходящих времени, места и снаряжения, которые были столь велики, что в странах типа Англии реально осуществлялись лишь немногие дуэли. См. *Bryson F. The Point of Honor in Sixteenth-Century Italy: An Aspect of the Life of the Gentleman. N.Y.: Publications of the Institute of French Studies Inc., Columbia University, 1935; Baldick R. The Duel. London: Chapman and Hall, 1965.*

Обычно игра начинается с того, что один игрок нарушает моральное правило, тщательное следование которому другой игрок обязан лично поддерживать, – обычно потому, что он или те, с кем он идентифицируется, являются мишенью этого поступка. Это – «провокация». При мелких нарушениях обидчик готов предложить немедленные извинения, которые восстанавливают как правило, так и честь оскорбленного; оскорбленному нужно только сообщить, что он принимает их, чтобы остановить всю игру. На самом деле он может даже одновременно извиниться сам или принять извинения прежде, чем они предложены, вновь демонстрируя серьезную заботу о том, чтобы все оставались вне подобных действий. (Важный структурный вопрос здесь состоит в том, что легче по собственной инициативе предлагать оправдания и извинения с позиции защитника прав других, чем принять нападение на свою позицию защитника собственной непогрешимости.) Подобное окончание игры происходит, когда оскорбленный передает легкий вызов (достаточный, чтобы показать, что он не обесчещен), привлекая внимание обидчика к тому, что случилось, за чем следуют извинения и принятие их. «Удовлетворение» просят и дают, и порождается небольшой характер, хотя каждый участник еще раз подтверждает, что является должным образом социализированным человеком с надлежащим пиететом в отношении правил игры. Однако, даже когда обида необычна и глубока, можно избежать серьезных последствий. Оскорбленный человек может открыто выразить свое чувство, что обидчик – не тот, к чьим поступкам надо относиться серьезно¹²⁷; обидчик в ответ на вызов может отступить с шуткой, так

¹²⁷ Кассиры срывали планы грабителей банков тем, что просто отказывались принимать всерьез угрожающие сигналы, посылаемые им вооруженными грабителями. Аналогичным образом, полицейские просто поворачивались к угрожавшему им пистолетом преступнику спиной, устраняя тем самым основу для состязания (См. San Francisco Chronicle. July 26. 1965. P. 3 «Cop Turns His Back – and Disarms a Gunman»).

что когда одна его часть предстает опороченной, другая порочит в ответ, и делает это настолько хорошо, что отмечает притязание соперника на необходимость работы по самореабилитации.

Так как вызов может передаваться и отклоняться с помощью тончайших реплик, в этом можно обнаружить общий механизм межличностного социального контроля. Человеку, который слегка вышел за рамки дозволенного, напоминают о взятом им направлении и его последствиях до того, как причинено какое-либо серьезное повреждение. Этот же механизм, по-видимому, используется при установлении неформальной иерархии различных категорий прав.

Если состязание грозит стать нешуточным, вызов, передаваемый оскорбленным, должен стать серьезным и другой игрок должен ясно отказаться дать удовлетворение. Когда налицо обе эти реакции, они вместе ретроспективно трансформируют смысл первоначального оскорбления, делая его началом того, что иногда называется «схваткой». Это всегда двустороннее действие, в отличие от «инцидента», в центре которого может быть только один человек. Результат – моральное сражение, в котором можно потерять или приобрести качества характера¹²⁸. Схватки вовлекают в действие саму жертву на всех фазах процесса. В этом суде истец вынужден поступать и как судья, и как палач. Как вообще характерно для действия, здесь лишенный помощи человек является эффективной единицей организации.

Очевидно, что смысл этих различных ходов вытекает отчасти из ориентации, которую игрок в них привносит,

¹²⁸ Традиционные дуэли были сложнее из-за правила выбора оружия. Когда оскорбленный вызывал обидчика на дуэль, последний обычно выбирал оружие – несправедливое преимущество для того, кто уже поступил неподобающе. И потому обиженный открыто оскорблял обидчика, «уличая его во лжи», и в ответ на эту провокацию первоначальный обидчик был вынужден бросать вызов оскорбленному. Таким приемом достигалась справедливость в распределении оружия.

и толкования, которое он им придает ретроспективно¹²⁹. Следовательно, в определении ситуации будут расхождения и будет необходима определенная степень взаимного согласия, прежде чем развернется настоящая схватка.

В нынешнем мире, когда схватка действительно происходит, состязание характеров обычно следует немедленно, если оно вообще имеет место. Однако в мифах и ритуалах стороны часто расходятся, чтобы вновь встретиться в назначенном месте, добровольно идя на свидание с судьбой, телесное и характерологическое. В обоих случаях свидетели необходимы, и они должны тщательно воздерживаться от вмешательства. (При этом условии состязание получает репутацию «честного», как достойная сцена для игры характеров.)

Когда схватка перерастает в состязание, характерологические последствия игры могут раскрываться по-разному и совсем не обязательно ограничиваются условием «нулевой суммы».

Одна сторона может потерпеть явное поражение на основе свойств характера: человек докажет, что все время блефовал и на самом деле не готов выполнить свои угрозы; или он может оробеть, броситься наутек, сбежать, оставляя своего противника в удобной позиции, где не требуется показывать, насколько серьезно тот был готов пройти через состязание; или игрок терпит крах в качестве соперника, унижается и молит о пощаде, разрушая свой собственный статус как человека с характером, причем подразумевается допущение, что далее он ничего не будет стоить в качестве соперника и не будет подходящим объектом нападения.

Обе стороны могут подтвердить свою честь и твердый характер. Этот исход дальновидно предусматривался, видимо, в большинстве формальных дуэлей чести и пред-

¹²⁹ Предложено в *Bourdieu P. The Sentiment of Honour in Kabyle Society*. См. J. Peristiany, *op. cit.*, p. 200.

ставлял собой замечательное достижение, позволявшее обычно избежать даже ранений.

Возможно, что обе стороны проиграют или же одна сторона понесет потерю, а другая при этом мало что приобретет. Так, идеальное состязание характеров – «таран лоб в лоб» – может завершиться тем, что обе машины свернут, ни одна не свернет или одна свернет так рано, что принесет бесчестье своему водителю, но не сделает чести противнику¹³⁰.

Очевидно, что характерологический исход состязания в полной мере независим от того, что может рассматриваться как «очевидный» результат драки. Более слабый игрок может храбро отдать все своей безнадежной ситуации и затем проиграть отважно, или гордо, или нагло, или изящно, или с ироничной улыбкой на губах¹³¹. Подозреваемый в преступлении может сохранить свое хладнокровие перед лицом изоощренных методов, используемых командой полицейских следователей, и позже выслушает обвинительный приговор суда, не дрогнув. Далее, честный игрок может жестоко страдать, в то время как его противник опускается до бесчестных, но действенных

¹³⁰ Беллетризованное описание «лобового тарана» на машинах можно найти в *Elliott G. Parktilden Village*. N.Y.: Signet Books, 1961. P. 42–43. Элегантная аналитическая трактовка дается *Schelling T.C. Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 116–125. Заметим, что, прежде чем может быть сыграна игра, люди должны знать, как доступное им снаряжение может использоваться для этой цели. Некоторые мальчики из среднего класса не знают, что тлеющий окурок, который держат с двух сторон два парня ребрами ладоней, пока он не догорит до тела, обеспечивает замечательные возможности для игры. (Первый, кто отдернул руку, проигрывает, и этим автоматически заканчивается испытание для обоих.) Состязание на задержку дыхания более широко известно.

¹³¹ Одна из причин неожиданного спасения, используемая в боях, состоит в том, что только таким образом герою может быть дан шанс продемонстрировать, что даже перед лицом совершенно безнадежного перевеса он не будет звать на помощь дядю. Персонажам второго плана дается возможность доказать это более трагичным образом, поскольку они не являются незаменимыми для сюжета.

методов, в результате чего дуэль проиграна, но характер завоеван. Аналогично, индивид, противопоставляющий себя слабому противнику, может приобрести характер задиры благодаря самой победе в этом матче. А забияка, который соглашается на ничью, на самом деле терпит поражение, как это показывает недавняя история, произошедшая в Сан-Франциско, Калифорния:

Барменша и бандит сыграли в «лобовой таран» с заряженными пистолетами вчера утром, и хотя выстрелы не прозвучали, выиграла барменша.

Действие происходило в «Куске» – пролетарском пивном и винном оазисе на южной окраине города, где прелестная Джоан О'Хиггинс работала за стойкой бара.

Внезапно высокий бандит вошел в заведение, потребовал пива, вытащил небольшой пистолет и приказал мисс О'Хиггинс очистить ящик с наличными. Барменша положила на стойку 11 долларов, сумму, которая не могла устроить бандита ростом примерно в шесть футов пять дюймов.

– Давай остальное, – потребовал он.

Барменша О'Хиггинс полезла в выдвижной ящик, где лежала сумка с основными деньгами и под ней пистолет 22-го калибра. Она навела пистолет на бандита и спросила:

– Итак, что вам угодно?

Бандит, осознав, что встретил равного, прищурился, глядя на пистолет, и ушел, оставив свое пиво и 11 долларов¹³².

Точно так же как ход действия подвергается интерпретации, так и характерологический исход может по-разному прочитываться разными участниками. В переговорах между странами, например, не может возникнуть однозначный критерий согласия относительно того, кто победил, а кто проиграл¹³³. В некоторых случаях оценка может быть настолько гибкой, что каждая сторона

¹³² San Francisco Chronicle. July 14. 1966.

¹³³ *Ikle F. How Nations Negotiate*. N.Y.: Harper & Row, 1964. P. 164ff. См. также *Bourdieu P. The Sentiment of Honour in Kabyle Society*. См. J. Peristiany, op. cit., p. 207.

придерживается собственной точки зрения на конечный результат. Таким образом, некоторые сражения между соперничающими уличными бандами заканчиваются с ощущением у обеих групп, что они победили¹³⁴. Этот вид сомнения облегчается путем различного сочетания заботы о физическом или демонстрируемом исходе, позволяя одной команде подчеркивать выигранные очки за первичные качества, а другой – за свойства характера.

Ковбой в дуэли на кнутах особенно обращает внимание на сотрудничество и уважение правил, требующиеся от всех участников, чтобы игра успешно формировала и испытывала характер. Оба участника должны относиться к игре серьезно; оба, как предполагается, должны быть доступными, добровольно предаваясь игре. Во время боя, если герой обнаруживает у себя даже легкое преимущество, он должен презрительно отказаться от него, так ограничивая себя средствами выявления этого, чтобы не оставить злодею способов увильнуть от проявления его характера, что и происходит в итоге. И, выиграв вызов или дуэль, герой может повернуться спиной к противнику, зная, что раз установленному превосходству не будет вновь немедленно брошен вызов и что, в любом случае, постоянная забота об этом не возводится в ранг достоинства¹³⁵.

С учетом этих предположений о динамике игры характеров коротко рассмотрим некоторые ее следствия.

¹³⁴ *Short J., Strodtbeck F. Why Gangs Fight // Transaction. 1964. V. I. P. 26.*

¹³⁵ Это странное судьбоносное доверие к честности только что поверженного врага имеет очевидную социальную функцию. Без такого доверия доминирование и неофициальная иерархия не обеспечили бы практического социального механизма для установления временного порядка. Если бы противники вновь вступали в схватку сразу после того, как одна сыграна, никакой порядок не мог бы быть установлен. Каждый все время либо был бы занят борьбой, либо стоял на страже. В любом случае, обнаруживается «финальная самоподача» победителя как стандартный ход в завершении широкого диапазона состязаний: борцовских схваток, боя быков, ковбойских дуэлей и т.д.

Индивид, избегающий судьбоносных событий, должен был бы избегать схваток или ускользать невредимым из тех, которых нельзя избежать, будь он обидчиком или обиженным. Почти все так делают, хотя о кайзеровских офицерах говорили, что они делали это с трудом. Даже Казанова, который, согласно его собственным описаниям, был грозным фехтовальщиком и джентльменом с сильным характером, признавался в таком избегании, комментируя его в эпизоде, когда честь принуждала его к дуэли с незнакомцем:

Мы приятно поужинали и весело беседовали, и ни слова не было сказано о дуэли, за исключением того, что английская леди, я не помню, в какой связи, произнесла, что человек чести не должен никогда рисковать, садясь к столу в отеле, если он не готов при необходимости вступить в схватку. В тот момент реплика была очень верной, ведь человек должен был хвататься за шпагу из-за праздного слова и подвергать себя последствиям дуэли, иначе на него стали бы презрительно указывать пальцем даже женщины¹³⁶.

Второе следствие вытекает из первого. Оно связано с «состоянием состязаний». Склонность индивида избегать случаев, когда характер оказывается под ударом, принудительно вовлекает его в состязание за то, будет или нет состязание. Агрессор, зная, что жертва готова искать почти любое средство, чтобы избежать раскрытия карт, может заставить ее продемонстрировать эту слабость при свидетелях, в то время как сам демонстрирует собственную храбрость.

Инициатор состязания состязаний может начать его либо путем нанесения оскорбления, на которое другой человек вряд ли сможет не обратить внимания, либо отвечая на небольшое или даже микроскопическое оскорбление таким образом, что втягивает почти невинного обидчи-

¹³⁶ The Memoirs of Jacques Casanova / tr. A. Machen. N.Y.: Dover Publications, 1961. V. 2. P. 958.

ка в драку¹³⁷. Если жертва все еще отказывается вступить в битву, агрессор может подстрекать ее все более неприятными поступками с явными усилиями либо обнаружить ее «точку возгорания», либо продемонстрировать, что она ее лишена. Мы говорим о «травле», «установлении рангов», «зондировании» или «выведении из себя», если агрессор – вышестоящий; и о «наглости», если агрессор – подчиненный. Повторим, что, хотя этот род агрессии может не быть широко распространенным (по крайней мере, в повседневной жизни среднего класса), тем не менее все контакты лицом к лицу между индивидами управляются множеством ожидаемых знаков уважения. Агрессор легко может трансформировать этот порядок в опасное поле судьбоносного межличностного действия. Например, повсюду, куда человек идет, он насаждает молчаливые требования, чтобы другие присутствующие уважали непосредственно окружающее его личное пространство, не вторгаясь в него своими взглядами, голосами и телами. Везде эти территориальные знаки вежливости поддерживаются автоматически, без раздумий, тем не менее они везде предоставляют мощные средства, посредством кото-

¹³⁷ Л. Яблонски при описании типов членов банд приводит логическую крайность: «...другие молодые люди, которые могут быть отнесены к категории маргинальных членов банды, являются социопатами, почти всегда готовыми к борьбе с любой другой бандой. Они ищут насилия или провоцируют его просто, как они говорят, “ради пинков или действия”. Они не обязательно являются членами какой-то конкретной буйной банды, хотя в некоторых отношениях они члены всех. Они присоединяются к бандам, потому что для них это удобная и легко доступная возможность для насилия. Когда банда как инструмент им не подходит, они “катят свою собственную” форму насилия (например, три танцующих убийцы, которые забили мужчину ногам до смерти за то, что тот “насвистывал песню, которая нам не нравилась”). Так, в одном типичном сценарии, используемом этим типом парней, парень подходит к постороннему с резкой репликой: “Что ты сказал о моей матери?” Затем на жертву совершают нападение, прежде чем она может ответить на вопрос, на который, естественно, нет подходящего ответа для предотвращения атаки» (*Yablonsky L. The Violent Gang. N.Y.: Macmillan, 1962. P. 208–209*).

рых агрессор (через подчеркнутое неторопливое игнорирование их) может подвергать испытанию честь человека. Подобным образом незнакомые люди в общественных местах связаны вместе определенными минимальными обязательствами взаимопомощи, устанавливающими, например, право спросить о времени или направлении либо даже попросить сигарету или мелкую монету. Принимая такой предлог, индивид может обнаружить, что у него спокойно забирают всю пачку сигарет или всю мелочь из руки, в то время как агрессор удерживает его взгляд, и оскорбление фиксируется во взаимно распознаваемом взаимном осознании. Продавец зелени с тележки в трущобах может столкнуться с тем, что в такой же манере у него отберут фрукт¹³⁸.

Взаимное приспособление, которое организует человеческие перемещения, может, таким образом, делать уязвимыми тех, кто считает его само собой разумеющимся. Я хотел бы привести длинную иллюстрацию из художественного произведения Уильяма Сэнсома. Дело происходит в лондонском питейном заведении. К герою-рассказчику, играющему в клубе на пианино, внезапно обратились:

Голос надо мной сказал: «Паря, ты не собираешься еще поиграть?»

Это был молодой человек, которого я никогда прежде не видел, он был слишком юн, чтобы находиться в баре. Его голова висела как бледная костяная шишка на излишне тонкой для нее шее. Он носил одежду, которая была ему велика, и прическу как у ежа. Он поднимал плечи вверх, чтобы они казались больше. Его глаза были тусклы, как чешуйки дохлой рыбы. Он тонко скрипел зубами, как будто его тошнило.

«Через минуту», – сказал я ему. Его тон был откровенно наглым, что говорило о молодости парня. «Но не слишком дол-

¹³⁸ Хотя эти различные «шуточки» направлены против индивида, он нередко отчасти символизирует более широкую группу: мир взрослых, полицейскую власть, белых и т.д.

го, парень», – сказал он, все еще уставившись на меня своими мертвыми рыбьими глазами.

Позади него я заметил кого-то вроде его близнеца, но это был просто другой юнец в одежде такого же покроя. А потом я увидел еще шестерых или семерых, стоящих у стойки бара или развалившихся, вытянув ноги из-под столиков. Я поймал взгляд Белл (хозяйки), и она безнадежно пожалала плечами, как будто это неожиданное явление не в ее власти.

«Эй, – сказал я Мари, игнорируя молодого человека, который все еще стоял там, глядя на меня, – сегодня вечером у нас есть компания».

«У вас есть, – сказал парень грустно. – У вас определенно есть», – и он отошел подчеркнуто неторопливой походкой на негнущихся ногах к бару. Там он что-то сказал другим, и они посмотрели в мою сторону и покачали головами, снова печально, как будто мои дела действительно были очень плохи.

С минуту мы рассматривали их. Каждый взгляд и жест были нарочито агрессивны. Они вытянули ноги так, что Эндрю, неся поднос с выпивкой, должен был обходить кругом, чтобы не споткнуться, а они молча смотрели, как он это делал. Один перегнулся и взял блюдо чипсов с чьего-то стола – без улыбки, подчеркнуто без извинений. Другой у стойки бара начал щелчками посылать косточки оливок в бутылки. Белл велела ему перестать. Он извинился с преувеличенным поклоном и тут же щелчком послал еще одну косточку.

«Ради бога, сыграй что-нибудь», – сказала Белл.

Я встал. Было ошибкой говорить о них так открыто. Они знали, что их обсуждали, и теперь, когда я шел к пианино, они видели, что их приказам повиновались. Почти чувствовалось, как они лезут вон из кожи. Поэтому я начал играть мягкие ноты «Юморески», надеясь немножко вернуть их назад.

Конечно, это не сработало. Общее свойство всех этих молодых людей – настроенность. Они сидели и рассматривали все с тупой неприязнью, что придавало им знаменитый «измученный» вид. Когда мое брэнчание установилось, один из них неторопливо подошел, руки в карманах, подбородок опущен, и встал надо мной. Он просто произнес как приказ название диска-хита. Помимо откровенной грубости, пианист больше всего ненавидит, когда его просят сыграть другую мелодию,

в то время, когда он уже играет, поэтому я стиснул зубы и постарался «закрыть» свои уши. Он локтем столкнул мою правую руку с клавиш и просто сказал: «Чушь». И повторил свое требование громче¹³⁹.

Я полагаю, что некоторые виды поведения могут использоваться как серьезное приглашение к схватке и раскрытию карт. Особенно нужно упомянуть один тип усеченного поступка. Это использование стиля стойки или походки в качестве открытого приглашения к действию всех остальных присутствующих. Таким образом, существует «делинквентная походка», которая фактически передает убедительный вызов присутствующим взрослым, одновременно сообщая не только о том, что первый ход сделан, но и о том, что к нему не были готовы те, на кого он был и остается направлен¹⁴⁰. Особый стиль передвижения тореадора на арене – *Sandunga* – это стилизация такого выражения вызова.

Так как в эти игры включены коммуникация или экспрессия, а не содержательные поступки, мало что мешает символу все более расплываться по продолжительности и видимости до тех пор, пока он практически не исчезнет. Вследствие этого два игрока могут обмениваться ходами, а победитель устанавливается с помощью почти неразличимой активности, как это следует, разумеется, из анализа коммуникации Дж.Г. Мида.

Ранее предполагалось, что в своем кругу человек может приобрести репутацию искателя действия – всегда ищущий любовных приключений с любой встреченной им желанной девушкой или готовый малейшую обиду

¹³⁹ *Sansom W.* The Cautious Heart. N.Y.: Reynal and Company, 1958. P. 100–102.

¹⁴⁰ Иногда она называется «походкой сводника». Об этом и других ходах, используемых правонарушителями, см. полезное исследование *Werthman C.* Delinquency and Authority. M.A. Thesis, Dept. of Sociology, University of California, Berkely, 1964. P. 115 и полностью Ch. LV «Gang Members and the Police».

«превратить в нечто» либо везде находить что-то, на что можно держать пари. Аналогично, индивид может приобрести репутацию всегда доступного другим для определенного вида межличностных действий, всегда готового обеспечить окончательную проверку каждому, ищущему окончательного определения. В качестве архетипического примера часто изображается тип «стрелка» из вестернов; известные игроки в пул (бильярд) также могут обнаружить, что оказались в этой роли. Джон У. Гейтс-Поставь-Миллион явно привлекал любителей пари таким же образом¹⁴¹. Сегодня полицейские, обязанные (как уже указывалось) добиваться своего немедленного превосходства над всеми гражданскими лицами, с которыми они вступают в контакт, и подкрепляющие это требование немедленной готовностью прибегать к физическим санкциям, иногда обнаруживают, что вынуждены выступать в роли экзаменаторов. Мужчины-кинозвезды, постоянно играющие однотипные роли крутых героев, могут использоваться в качестве экзаменатора теми, кому случается повстречать их в общественных местах. Другой пример, по крайней мере для тех, кто пишет о них, дают популярные джазовые музыканты, известные своей язвительностью.

Ищет ли человек повсюду состязания характеров или постоянно «влипает» в них, можно предвидеть, что он долго не выдержит: любой с такими склонностями по законам вероятности в итоге будет выведен из соревнований. До тех пор пока каждая комбинация включает осязаемую азартную игру, упорный игрок может не рассчитывать на долгое будущее. Роль участника действия сама по себе долгоживущая, но ее исполнители могут продержаться лишь недолго, разве что на телевидении.

Как есть специализация людей, так есть и специализация знаков. Определенные обиды могут определяться как такие, которые честный человек вынести не может.

¹⁴¹ См. *Beebe L. The Big Spenders*. N.Y.: Doubleday, 1966. P. 85.

Есть критические моменты, воспринимаемые всеми участвующими как заходящие слишком далеко; как только они наступают, оскорбленный человек не может принять извинения, он вынужден отнестись к ним всерьез и предпринять шаги для восстановления нормативного порядка, если хочет сохранить свою честь. Среди множества слов, которые может услышать честный ковбой, он должен, какими бы мирными ни были его намерения, распознавать несколько известных всем как «воинственные». Как только поступкам приданы такие специальные функции, они могут использоваться агрессором в качестве призыва к действию, которого нельзя избежать. Обдуманно и подчеркнуто выполненные, эти поступки испытывают честь реципиента, то есть его готовность независимо от цены придерживаться кодекса, по которому он живет. Все стороны понимают само оскорбление как несущественный, просто удобный повод; основное значение поступка состоит в том, чтобы служить как фронтальное испытание претензии человека на то, что он человек чести¹⁴². Так, традиционное заявление: «Ты подавишься своей ложью» – являлось традиционной *mentita* – поступком, посредством которого оскорбленная сторона заставляла обидчика вызвать говорящего на дуэль¹⁴³. Плевков в лицо другому человеку – менее джентльменский и более обычный пример. Ныне в Америке в расовых отношениях столь же провоцирующе использование белым человеком

¹⁴² Эти акты наглости и подчеркнутого нарушения субординации противопоставлены телесным знакам почтительности – актам, которые тоже специализированы, но которые служат подтверждению текущей готовности субъекта принять статус-кво.

¹⁴³ *Bryson F. The Point of Honor in Sixteenth-Century Italy: An Aspect of the Life of the Gentleman. N.Y.: Publications of the Institute of French Studies, Inc., Columbia University, 1935. Ch. IV.* Как уже предполагалось, оскорбленная сторона не могла бы бросить вызов обидчику, потому что это предоставило бы обидчику право выбора оружия. Тем самым подразумевалось, что обидчик достаточно честен, чтобы поставить себя в роль бросающего вызов.

слова «ниггер». Другие поступки служат тестами в более узко очерченных группах. Учитель в городских трущобах, утверждающий школьные правила против опозданий, рискует тем, что опоздавшие прогульщики хладнокровно будут смотреть ему в глаза, чтобы подчеркнуть вызов¹⁴⁴. Эти испытывающие поступки являются излюбленными ходами в состязании состязаний.

Так же как испытание может состоять в оскорбительном поступке одного человека, направленном против другого, оно может порождаться и угрожающим требованием того, чтобы индивид действовал определенным образом, который он считает неправильным. Для закрепления индивида в подчиненном положении агрессор может вынудить его открыто демонстрировать униженное послушание или прислуживать ему, полагая, что с того момента, когда человек позволит себе сдаться, можно не сомневаться (и он это знает) в том, что он примет любые требования к себе¹⁴⁵. Как и в случае с жокеем, считается, что в этом случае он потерял присутствие духа, но на этот раз в отношении межличностной активности и ее церемониального порядка. И конечно, пока обе стороны разделяют эти убеждения, социальная игра будет разыгрываться соответственно.

Рассматривая действие, я сказал, что, хотя существует связь между действием и характером, некоторые формы характера возникают в противоположность духу действия. То же можно сказать и про межличностное действие и состязание характеров. Есть ситуации, в которых одобряется отказ человека быть втянутым в бой чести, а бросившим вызов приписывается «незрелость». Индивид всегда может отклонить всю ритуальную систему коорди-

¹⁴⁴ Инцидент такого рода описан в: *Werthman C. Delinquency and Authority*. M.A. Thesis, Dept. of Sociology, University of California, Berkely, 1964. P. 68–69.

¹⁴⁵ См. про «испытания повиновением» в: *Goffman E. Asylums*. N.Y.: Doubleday Anchor Books, 1961. P. 17–18.

нат, особенно когда такой стиль реагирования поддерживается в его кругу:

Но нужно подчеркнуть, что вопреки преобладающим стереотипам не все молодежные банды ориентированы на конфликт, и их системы ценностей могут так же варьировать, как и в других группировках людей. Яркий контраст представляет «уходящая» банда, строящая свою систему ценностей вокруг наркотиков.

Хотя другие банды критиковали и неоднократно высмеивали их за трусость и отсутствие мужества, «отступающие» редко отвечали на насмешки и всегда уходили от битвы. Они не беспокоились о своей репутации бойцов – у них ее не было – и не находили ее важной, считая ориентированные на конфликт банды «обывательскими». Прямой вызов присоединиться к другим белым бандам для отражения демонстрации негритянских «интервентов» на пляже Чикаго оставался без ответа – они «торчали» от таблеток и беззаботно играли в карты на протяжении всего инцидента¹⁴⁶.

¹⁴⁶ *Short J., Strodbeck F. Why Gangs Fight // Transaction. 1964. № 1. P. 27–28. См. также Short J., Strodbeck F. The Response of Gang Leaders to Status Threats // American Journal of Sociology. 1963. V. LXIII. P. 576–577. Литературную иллюстрацию дает роман Льюиса Очинклоуса «Сибил». Мужчина (Филипп), находясь в своем клубе с любовницей, отводит в сторону знакомого (Николаса Каммингза) и спрашивает, не хочет ли тот с ней познакомиться. Николас отказывается, и происходит следующий диалог:*

«– Берегись, Каммингз, – сказал он угрожающе. – Ты говоришь о молодой леди, на которой я намерен жениться.

Но Николас просто продолжал холодно и пристально смотреть на него.

– Людям сложно об этом догадаться, не так ли, – спросил он, – пока ты все еще женат на моей кузине?

Наступила тяжелая пауза.

– Как бы то ни было, – сказал Филипп мрачно, не зная, каковы требования чести в столь неловкой ситуации, – лучше придержи свои шуточки насчет Джулии. Если только не хочешь, чтобы тебе разбили голову.

Однако Николас был беспощаден.

– Ты считаешь слово “любовница” шуточкой? – спросил он. – Извини. Я думал, оно точное. Ты ведь не собираешься отрицать, что она является твоей любовницей? Потому что я должен тебе сказать, что

Нечто похожее происходит в барах среднего класса, где оскорбленный человек может чувствовать, что «искать удовлетворения» ниже его достоинства, по крайней мере, по отношению к конкретному противнику в конкретном случае, – так демократизировались рыцарские представления о том, что вызова достойны только равные по положению. Жертва может удовлетвориться краткой лекцией своему противнику о том, как тот отвратителен. В социальных мирах, где честь ценится высоко и люди должны быть готовы отдать жизнь для спасения своего лица, формы морали быстро меняются, и акт доказательства такого качества, как «мужественность», может терять свою значимость¹⁴⁷. Возник даже

как адвокат твоей жены, хотя и не по ее просьбе, я намерен точно выяснить, каковы твои взаимоотношения с мисс Андерсон. Кажется, их точно отражает слово “любовница”. Ты можешь предложить лучшее? В любом случае, я должен настаивать на своем праве так ее описывать тогда, когда мне случается обсуждать твои связи с теми, кого это интересует. Если ты возражаешь, можешь добиваться компенсации, законным путем обвинив меня в клевете или незаконным, как ты грозишь, нападением на меня.

Филипп уже задыхался. Не было правил, как обращаться с человеком, который так дерзко пренебрегает самыми элементарными нормами доброго приятия.

– Не хочешь ли выйти, – потребовал он, – и уладить это по-джентльменски?

– Разумеется, не хочу, – ответил Николас. – Я пришел в свой клуб не для того, чтобы дать тебе возможность затеять уличную драку.

Филипп неуверенно постоял еще минуту.

– А, пошел к черту, – нашелся он. – Чертов адвокат, – говорил он, уходя. – Крючкотворы все они» (*Auchincloss L. Sybil*. N.Y.: Signet Books, 1953. P. 122–123).

¹⁴⁷ В книге *Brown C. Manchild in the Promised Land*. N.Y.: Macmillan Co., 1965. P. 211, 253–256, 261 – дается прекрасное описание того, как молодежь Гарлема в тридцатые и сороковые годы училась необходимости защищать свои деньги и своих женщин в смертельной борьбе и как в пятидесятые в связи с ростом значения наркотиков значительно снизилась принуждающая власть правил поведения. Это только маленькая версия большой истории. Например, дуэли чести, очень популярные во Франции, очень редко происходили в северных государствах, где они не одобрялись населением. В Англии в 1844 г.

литературный идеал «антигероя», который уверенно отклоняет все возможности продемонстрировать ценные добродетели, проявляет тайную гордость уходом от своих моральных обязательств и не рискует. Конечно, когда человек хладнокровно отклоняет вызов или в состоянии не разозлиться в ответ на оскорбление, он демонстрирует самоконтроль в сложных обстоятельствах и, следовательно, утверждает определенный тип характера, хоть и не героический.

Обобщая, можно сказать, что хотя состязания характеров, осуществляемые без применения физической силы, нередки, классические потасовки и вариации схваток на кнутах относятся, главным образом, к кинематографу. Тем не менее логика драк и дуэлей – важная деталь нашей повседневной социальной жизни. Вероятность, хоть и небольшая, что дело может дойти до такой развязки, дает присутствующим подспудное основание ограничить

статья Акта о мятеже, которая обязывала офицеров поддерживать свою честь с помощью дуэлей, была отменена и заменена другой, запрещающей дуэли. Третья из этих новых статей замечательно изображает современную точку зрения, не поощряющую обидчивость: «Одобрятся поведение того, кто, имея несчастье нанести обиду, повреждение или оскорбление другим, откровенно даст объяснения, извинится или предложит возместить ущерб или кто, получив оскорбление, будет сердечно принимать искренние объяснения или извинения; или, если такие извинения отказываются принести или принять, будет подчиняться командиру; и, наконец, все офицеры и солдаты освобождаются от позора или невыгодного положения, когда, будучи готовы сделать или принять такое возмещение, отказываются принять вызов, так как они действуют только так, как достойно характера людей с честью, и выполняют свой долг как хорошие солдаты, подчиняющиеся дисциплине» (цит. по: *Baldick R. The Duel. London: Chapman and Hall, 1965. P. 114*). Р. Бэлдик комментирует это так: «На удивление неожиданно этим статьям, признанным образующими британский “Кодекс чести”, вместе с явной решимостью судей и присяжных осуждать дуэлянтов за убийство, с сарказмом прессы и с настоящим давлением общественного мнения, удалось добиться запрещения дуэлей в Британии...дуэль как процветающий, почитаемый и уважаемый институт по существу прекратила существовать в Британии в середине девятнадцатого столетия».

выражение враждебности; здесь действует установка не позволить ситуации дойти до крайнего выражения конфликта. (На самом деле, шутливое обращение «пойдем выйдем» может использоваться как стратегический ход, чтобы обернуть в шутку угрожающее развитие социальной беседы.) Благодаря множеству совместных приспособлений голос нашего рассудка побеждает без какого-либо ущерба для чести.

Х. Заключение

Традиционный социологический взгляд на человека оптимистичен. Если вы заставите зверя стремиться к социально заданным целям с опорой на «эгоистические интересы», вам надо только убедить его регулировать процесс их достижения в соответствии со сложной совокупностью базовых правил. (Хочу добавить, что среди этих правил важны «ситуативные приличия», то есть стандарты поведения, придерживаясь которых он проявляет уважение к текущей ситуации.) Соответственно, основные неприятности, которые может причинить индивид, – это не суметь приобрести надлежащие желания или преднамеренно не выполнять правила удовлетворения тех желаний, которые он приобрел. Но, очевидно, встречаются и другие сложности. Рассмотрим одну из них.

Озабочен ли индивид достижением личной цели или поддержанием регулятивной нормы, он должен для этого иметь физический контроль над собой. И бывают времена, когда осознание непредвиденных обстоятельств в ситуации мешает ему справиться с выполняемым делом: нарушается способность решения обычных психических и физических задач и расшатывается его привычная верность стандартным моральным принципам. Тот самый интеллект, который позволяет ему проявлять предусмотрительность и делать расчеты для достижения своих целей, те самые качества, которые делают его более слож-

ным, чем простая машина, приводят временами к тому, что то, над чем он задумывается, разрушает его способность действовать и приводит в хаос его обычную приверженность морали.

Способность сохранять самоконтроль в тяжелых обстоятельствах важна, поскольку для выполнения задуманного нужны хладнокровие и моральная решимость. Если общество готово использовать индивида, он должен быть достаточно разумен, чтобы оценить серьезность риска и при этом не стать от этого дезорганизованным и деморализованным. Только тогда он внесет в эти моменты деятельности общества стабильность и целостность, требующиеся для поддержания социальной организации. Общество поощряет эту способность моральной платой, приписывая сильный характер тем, кто демонстрирует самоконтроль, и слабый характер – тем, кого легко отвлечь и ошеломить. Следовательно, парадокс в том, что, когда аморальный поступок совершается посредством хорошо разработанного плана, исключая импульсивные отвлечения, виновным могут отчасти восхищаться; его характер может считаться даже очень *плохим*, но никто не скажет, что он *слабый*¹⁴⁸.

Важная возможность продемонстрировать сильный характер обнаруживается в судьбоносных ситуациях, которые обязательно подвергают опасности рискующего и его ресурсы. (Уже определившаяся судьба, которая сейчас проясняется, тоже годится, но этот случай обходится еще дороже.) Поэтому субъект готов избегать риска и выкручиваться из тех ситуаций, которых не смог избежать. В конце концов, в нашем обществе важные моменты должны быть пережиты, а не прожиты. Далее, судьбоносная активность часто сама по себе разрушительна для соци-

¹⁴⁸ Хорошим примером служат герои точных расчетов, совершившие Великое ограбление поезда в Англии. О внимании к ним см. *Gosling J., Craig D. The Great Train robbery*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965. P. 173–175.

альной рутины и не может выноситься социальными организациями в больших масштабах. (Так, в Европе дуэли расцветали при монархиях, но монархи и их высшие сановники старались их ограничить, отчасти потому, что дуэли уносили ключевые кадры.) В домашней и профессиональной жизни большинство из этих опасностей оказываются благополучно устранены.

Однако в безопасной жизни, лишенной критических моментов, есть некоторая амбивалентность. Некоторые аспекты характера легко подтвердить, но другие невозможно проявить и приобрести в условиях безопасности. Осторожный, благоразумный человек, следовательно, не дойдет до возможности продемонстрировать определенные вознаграждаемые свойства; в конечном счете, средства, освобождающие моменты жизни индивида от судьбоносности, освобождают его и от новой информации о самом себе, от значимого самовыражения. В итоге благоразумный утрачивает связь с некоторыми ценностями общества, теми, которые рисуют человека таким, каким он должен быть.

Поэтому некоторые практические азартные игры могут быть целью поиска или, по крайней мере, становятся чем-то особым, когда встречаются в обычном потоке дел. Осуществляются мероприятия, полные драматического риска и возможностей выбора, которые воспринимаются как выходящие за пределы нормального хода событий, и которых можно было бы избежать. Это действие. Чем больше судьбоносность, тем серьезнее действие.

Судьбоносность приводит человека к очень специфическим взаимоотношениям со временем, и серьезное действие позволяет ему прийти к этому добровольно. Индивид должен создать ситуацию, позволяющую действию происходить, а затем включиться в него. Обстоятельства, в которые он, таким образом, втягивается, должны включать проблематичные и обладающие последствиями поступки. И – в самом чистом случае – его сделка с этими

обстоятельствами должна быть завершена и оплачена в течение того периода, который для него является субъективно непрерывным переживанием¹⁴⁹. Он должен подставить себя времени, секундам и минутам, бегущим вне его контроля, предаться определенному быстрому решению неопределенного исхода. И он должен вручить себя судьбе на этом пути, которого он мог бы избежать приемлемой ценой. Он должен иметь «азартную игру».

Серьезное действие – это серьезное путешествие, а путешествия такого рода никак не изолированы от повседневной жизни. Как указывалось, каждый индивид вовлекается в имеющие последствия акты, но большинство из них не проблематичны, а если они проблематичны (например, принимаются карьерные решения, влияющие на жизнь человека), детерминация и разрешение этих проблем часто происходят десятилетия спустя, когда они скроются за дымкой исходов многих других азартных игр. С другой стороны, действие приводит к тому, что принятие риска и решение проблемы происходят в одно и то же «жаркое» время переживания; события действия наполняют текущие моменты последствиями для дальнейшей жизни.

Серьезное действие – средство получения некоторых моральных выгод героического поведения без всех тех рисков потери, которые обычно предполагает героизм. Но само серьезное действие имеет ощутимую цену. Ее

¹⁴⁹ Люди различаются тем, как долго они испытывают непрерывное переживание. Фанатики и истинно верующие оказываются склонны немного растягивать, поддерживать период переживания и энтузиазма там, где другие будут выдыхаться и разделять жизнь на разные игры. Конечно, поэты и верующие имеют обыкновение утверждать, что, если сравнить очень значительное время, которое нам предстоит провести мертвыми, с относительно коротким временем, которое нам дозволено ходить и страдать в этом мире, можно найти причины рассматривать всю жизнь как очень фатальную игру с очень коротким циклом, каждая секунда которого должна наполнять нас тревогой за то, что она тратится впустую. И правда, наше довольно короткое время уходит, но мы, кажется, ухватываем только секунды и минуты.

можно свести к минимуму участием в коммерциализированном действии, где проявления судьбоносности порождаются под контролем и в той области жизни, в которой ее последствия изолированы от остальной жизни. Ценой этого действия может быть только небольшая плата и временная необходимость покинуть свой стул, или свою комнату, или свой дом.

Именно здесь общество предлагает еще одно решение для тех, кто хотел бы утвердить свой характер, но снизив цену: производство и распространение чужих переживаний с помощью средств массовой информации.

Когда мы исследуем содержание коммерциализированных чужих переживаний, мы обнаруживаем их поразительное однообразие. Изображаются практические азартные игры, состязания характеров и серьезное действие. Они могут включать фантазии, биографию или взгляды кого-то, кто продолжает заниматься судьбоносной активностью. Но всегда это один и тот же мертвый каталог живых переживаний¹⁵⁰. Везде нам дается возможность идентифицироваться с реальными и вымышленными персонажами, участвующими в судьбоносной активности различного рода, а через это как бы самим участвовать в этих ситуациях.

Почему судьбоносность во всех своих вариациях так популярна как компонент отдаленных от нас образов? Как оказывалось, она доставляет бесплатное возбужде-

¹⁵⁰ Джеймсу Бонду предлагаются судьбоносные дела. Он встречается со своими руководителями в эксклюзивном клубе, услугами которого он пользуется очень уверенно. Джеймс Бонд берет комнату в шикарном отеле на шикарном курорте в шикарной части мира. Джеймс Бонд знакомится с неотразимой девушкой и затем быстро завоевывает ее, после чего демонстрирует хладнокровную реакцию на ее убийство рядом с кроватью. Джеймс Бонд состязается с противником с помощью машин, карт, вертолетов, пистолетов, шпаг, гарпунных ружей, изобретательности, различения вин, дзюдо и словесных острот. Джеймс Бонд пренебрежительно относится к угрозе пытки горячим утюгом и т.д.

ние, если клиент может идентифицироваться с протагонистом¹⁵¹. Этот процесс идентификации облегчают два фактора. Во-первых, судьбоносные акты по определению вовлекают действующего субъекта в использование возможностей, полным и действенным обладателем которых является он сам. Индивид сам принимает решения и их выполняет, он – релевантная единица организации. Вероятно, с индивидом, реальным или выдуманым, легче идентифицироваться, по крайней мере, в буржуазной культуре, чем с группой, городом, социальным движением или тракторным заводом. Во-вторых, судьбоносность включает игру событий, которая может начинаться и осуществляться в достаточно ограниченном пространстве и времени, так что ее можно наблюдать полностью. В отличие от таких явлений, как подъем капитализма или Вторая мировая война, судьбоносность – это то, что может наблюдаться и изображаться целиком, с начала до конца за один раз. В отличие от других событий, она внутренне приспособлена к тому, чтобы ее наблюдали и изображали.

Обратимся к следующей истории, рассказанной негритянским журналистом, пересекавшим страну на ма-

¹⁵¹ Конечно, в разные времена и между разными культурами существуют различия в том, от чего люди могут позволить себе получать удовольствие, идентифицируясь с другими. Я не думаю, что наблюдение за казнями сейчас рассматривается как особая привилегия, но несомненно, что когда-то это был один из наиболее отчетливых примеров возбуждения за счет замещающего участия. Так, в Англии XVIII в. «интерес людей к смерти приводил интеллектуалов и людей высшего света к зачарованности эшафотом. Частым зрителем был Липс, а о биографе Джонсона Босвелле говорят, что он использовал свой талант заводить дружбу со всеми – от знаменитостей до охранников Ньюгейта с единственной целью получить хорошие места на повешении. Однажды, когда ему удалось доехать до Тайберна (место казни в Лондоне. – *Примеч. перев.*) вместе с осужденным, он считал себя столь же удачливым, как современные спортивные болельщики, раздобывшие пару билетов на бой тяжеловесов за мировое первенство. Его удовольствие разделял сэр Джошуа Рейнолдс, ехавший в карете позади него» (*Atholl J. Shadow of the Gallows. London: John Long, 1954. P. 53*).

шине, чтобы написать о том, на что может быть похоже такое путешествие для человека вроде него:

Я не задерживался надолго ни в Индианаполисе, ни в Чикаго, который быстро оказался во власти колючей приозерной зимы. Затем я пересек Огайо, тупо ведя машину, пристегнувшись ремнями безопасности. В середине дня я заметил позади себя патрульную машину. Я посмотрел на спидометр, он показывал семьдесят миль в час, предел. Я устойчиво продолжал придерживаться этой скорости, ожидая, что полицейский обгонит меня, но когда я оглянулся, то обнаружил, что он следует за мной... Затем он посигналил мне остановиться у обочины.

После Кентукки меня преследовали полицейские или патрульные в Джорджии, Теннесси, Миссисипи; меня останавливали в Иллинойсе и Калифорнии. Меня преследовали, останавливали и давали понять, что я одинокий черный в большой машине, чертовски уязвимый. С меня было довольно. Я отстегнул ремни безопасности и открыл окно. Пространства все равно было недостаточно, и я практически пинком распахнул дверцу.

– В чем дело? – заорал я на полицейского. Он не ответил, подходя к машине. И тогда я решил поставить все – в том числе и свое тело, если он того захочет, – потому что я не мог больше этого выносить.

– Покажите ваши права.

– Я спросил, в чем дело.

Он этого не ожидал. Согласно ритуалу, я должен был без слов вручить ему свои права.

– Я хочу видеть ваши права.

Я дал ему их, чувствуя запах человека, близкого к проявлению высокомерия должности. Это была старая игра: «Ты черный, я белый и, кроме того, полицейский».

Он повертел мои права и затем, небрежно нагнувшись к окну, спросил:

– Джон, какая у тебя профессия?

Я рассмеялся. Какая связь профессии с якобы нарушением правил дорожного движения? Предполагалось ли, что род моих занятий скажет ему, достаточно ли у меня денег, чтобы запла-

тить ему? Позволит ли это ему узнать, что я «правильный» негр, человек с политическими связями, который может задать ему жару? Предполагалось ли, что я безработный и перевозю наркотики, труп или молодых девушек через границу штата? Полицейские и патрульные Америки, в неспешно тянущиеся дни вы всегда можете найти одного-двух негров, странствующих по вашему штату. Украсьте этот день, поступая именно так, как вы делаете.

– Меня зовут, – заорал я, – мистер Уильямс.

Я уверен, что многие копы и патрульные используют фамильярное обращение при разговоре с белыми людьми, но это «Джон» было синонимом «бой». Он вытащил руку из окна, я швырнул ему свои права. Я наблюдал, как он их читает, и думал: «Я не только не являюсь “правильным” негром, я не только не заплачу тебе, но я в пяти секундах от полного свершения, что означало: в пяти секундах от того, чтобы разбить тебе голову».

Он взглянул вверх бумаги:

– Мистер Уильямс, вы едете со скоростью восемьдесят миль в час. Когда я встретил вас, вы делали восемьдесят две.

– Вы лжец. Я делал семьдесят. Восемьдесят? Возьмите меня и докажите это.

– Мистер Уильямс...

– Я устал слушать всю эту чушь от ваших парней.

– Мистер Уильямс...

– Вы собираетесь нести всю эту чушь до конца.

Проезжая мимо нас, машины замедляли ход. Лицо патрульного стало встревоженным. Да, в гневе я говорил несвязно, но я был готов действовать. Более того, из-за произнесенных мною оскорблений он бы забрал меня, если бы был прав. Вместо этого он повернул к своей машине, а я поехал дальше, делая семьдесят миль в час¹⁵².

Мистер Уильямс получает этот опыт и затем делает его доступным, публикуя в популярном журнале. Драматичный репортаж прекрасно отражает соответствующие

¹⁵² *Williams J. This Is My Country Too. Part II // Holiday. September 1964. P. 80.*

события, как это отразила бы кинематографическая или сценическая версия. Мы, читатели, как бы вовлечены в них со стороны, безмятежно удаляясь от того, чем мы живем. То, что для него – состязание характеров, момент истины, для нас – средство помассировать свою мораль.

Каковы бы ни были причины, по которым мы потребляем чужую (замещающую) судьбоносность, социальные функции этого ясны. Достойные люди в судьбоносных обстоятельствах доступны всем нам для идентификации с ними, когда мы захотим отвернуться от своего реального мира. Через эту идентификацию может проявляться и подтверждаться кодекс поведения, утверждаемый в судьбоносной активности, – кодекс, которому слишком накладно или слишком трудно полностью следовать в повседневной жизни. Приобретается система отсчета для оценки повседневных поступков без сопряженных с ней издержек.

Та же фигура для идентификации часто присутствует во всех трех видах судьбоносной активности: опасных задачах, состязании характеров и серьезном действии. Следовательно, нам легко поверить во внутреннюю связь между ними, ведь тот, кого характер ведет к одному из видов судьбоносной активности, сочтет необходимым и желательным участвовать и в двух остальных видах. Легко упустить из внимания, что естественная склонность героя ко всем типам судьбоносности, возможно, присуща не ему, а тем из нас, кто виртуально участвует в его судьбе. Мы формируем и наполняем эти романтические фигуры ради удовлетворения нашей потребности, а нуждаемся мы в экономии – это потребность вступить в замещающий контакт с максимальным количеством оснований для характера за одну и ту же входную цену. Живой индивид, заблуждающийся настолько, что он ищет все мыслимые виды судьбоносности, просто добавляет свою плоть и кровь к тому, что изначально поставлялось в коммерческой упаковке.

Это предполагает, что правила социальной организации могут поддерживаться и сами давать поддержку нашему виртуальному миру образцовой судьбоносности. Следовательно, герой вряд ли будет человеком с улицы:

Представьте себе напряжение нашего морального тезауруса, если бы потребовалось создавать героические мифы о бухгалтерах, программистах и менеджерах по персоналу. Мы предпочитаем ковбоев, детективов, тореадоров и автогонщиков, потому что эти типы олицетворяют достоинства, для воспевания которых наш язык оснащен запасом слов: индивидуальные достижения, подвиги и доблести¹⁵³.

Потребность в портрете требует найти место для художника. И так, на краю общества, масса людей, очевидно, считает разумным участвовать прямо в рискованных поступках, живя с честью. Отодвигаясь дальше и дальше от сути нашего общества, они, кажется, все больше и больше схватывают определенные аспекты его духа. Их отчуждение от нашей реальности освобождает их для ненавязчивого побуждения к реализации наших моральных фантазий. Как отмечалось в связи с правонарушителями, они каким-то образом кооперируются, ставя сцены, в которые мы проецируем нашу динамику характера:

Правонарушитель – негодяй. Его поведение может рассматриваться не только негативно, как средство нападения и унижения уважаемой культуры; позитивно оно может рассматриваться как использование способов поведения, традиционно символизирующих неограниченную мужественность, отвергаемую культурой среднего класса из-за несовместимости с ее целями, но не лишенную определенной ауры обаяния и романтики. По сути дела эти способы поведения находят свой путь и в respectable культуру, но только в более дисциплинированных и

¹⁵³ Berger B. *The Sociology of Leisure: Some Suggestions* // *Industrial Relations*. 1962. V. 1. № 2. P. 41; Л. Яблонски (*Yablonsky L. The Violent Gang*. N.Y.: Macmillan, 1962. P. 226–227) отмечает сходный момент, обсуждая то, что он называет «социопатическим героем».

ослабленных формах, как, например, в организованных видах спорта, в фантазии и в играх «понарошку», или виртуально, как в кино, телевидении и комиксах. Им не дают смешиваться с серьезным делом жизни. С другой стороны, правонарушитель, отвергая серьезное дело, как оно понимается средним классом, имеет больше свободы направлять эти скрытые течения нашей культурной традиции к своей выгоде. Для наших целей важен тот момент, что реакция правонарушителя, какой бы «плохой», а иногда и «позорной», она ни была, не выходит за пределы спектра реакций, не угрожающих его самоидентификации как мужчины¹⁵⁴.

Хотя судьбоносные предприятия часто респектабельны, есть много состязаний характеров и сцен серьезного действия, которые к таковым не относятся, хотя эти случаи и места демонстрируют уважение к моральному характеру. Не только на горных хребтах, манящих альпинистов, но и в казино, бильярдных и на ипподромах мы находим места поклонения; и может быть, именно в церквях, где высока гарантия, что ничего судьбоносного не произойдет, слабо ощущение морали.

В поисках того, где находится действие, мы приходим к романтическому разделению мира. С одной стороны – безопасные и тихие места: дом, хорошо регулируемая роль в бизнесе, индустрии и профессии, с другой стороны – все те деятельности, которые создают экспрессию, требуют, чтобы индивид ставил себя под удар и подвергал опасности в данный момент. Именно из этого контраста мы фор-

¹⁵⁴ *Cohen A. Delinquent Boys. Glencoe: The Free Press, 1955. P. 140.* Здесь трудно найти пример лучше, чем приводит писатель Норман Мейлер. Его романы рисуют сцены судьбоносного выполнения долга, состязания характеров и серьезных действий; его эссе изображают и превозносят принятие риска, и очевидно, в своей личной жизни он проявлял некоторую тенденцию определять все, от своих браков до социальных столкновений, через язык и структуру игры-сражения. Какобы бы ни были выигрыши и цена жизненной ориентации на азартную игру, он уже пожал ее плоды. Хемингуэй, конечно, был предыдущим чемпионом в сочинении собственной жизни.

мируем почти все свои коммерческие фантазии. Именно из этого контраста правонарушители, уголовники, мошенники и спортсмены черпают самоуважение. Быть может, это плата за то, что мы используем их ритуал.

Заключительный момент: замещающий опыт восстанавливает нашу связь с ценностями характера. Это же делает действие. Действие и замещающее переживание, столь различные на поверхности, оказываются тесно связаны. Можно привести свидетельства этого.

Возьмем одежду. Женские наряды создаются, чтобы быть «привлекательными», что в том или ином смысле должно означать возбуждение интереса неопределенного круга мужчин. А это возбуждение закладывает основу для одного типа действия. Но очень часто реальная вероятность того, что это действие случится, очень низка. Таким образом, укрепляются фантазии, но не реальность. Более отчетливой версией такого же виртуального соблазна является широкая продажа «безлошадным ковбоям» стетсоновских шляп, ботинок на высоких каблуках, джинсов «Levi's» и нанесение татуировок¹⁵⁵. Правонарушители, носящие ножи и владеющие «пушками», также демонстрируют повышенную ориентацию на действие, но здесь, возможно, видимость имеет больше шансов вмешаться в реальность.

Лотереи, «цифры» и кено в казино – коммерциализированные выражения действия, предлагаемого по очень низкой цене. Ожидаемая ценность игры, конечно, намного ниже даже этой цены, но создается возможность для ярких фантазий о больших выигрышах. Здесь действие одновременно и замещающее и реальное.

Когда люди ищут, где находится действие, они часто идут туда, где возрастает не принятие риска, а вероятность того, что они будут обязаны принять риск. Если действие

¹⁵⁵ См., например, *Popplestone J. The Horseless Cowboys // Trans-Actions. May–June. 1966.*

реально случится, оно, вероятно, вовлечет кого-то *вроде* них, но *другого*. То есть они прибывают туда, где можно близко наблюдать вовлеченность другого человека и получать от этого замещающее удовольствие.

Конечно, коммерциализация приносит окончательное смешение воображения и действия. И она имеет экологический аспект. В галереях игровых павильонов городов и летних курортов свободно доступны места, где посетитель может быть звездным исполнителем в азартных играх, оживленных тем, что они влияют на последствия в очень незначительной степени. Здесь человек без социальных связей может бросить монетки в игровой автомат, чтобы продемонстрировать другим автоматам, что он обладает социально одобряемыми качествами характера. Эти обнаженные маленькие судороги *Я* происходят на краю мира, но там, на краю, – действие и характер.

Как переводить Эрвина Гофмана: история этой книги

Путь к русскоязычному читателю этой очень важной книги классика социологии и социальной психологии третьей четверти XX в., ярчайшего представителя символического интеракционизма Эрвина Гофмана был долгим и непростым. Сама история работы над переводом заслуживает особого комментария.

Еще в прошлом веке книга Гофмана была включена в программу «Translation Project» Института «Открытое общество», больше известного как Фонд Сороса. Программа, напомним, финансировала переводы и издание на русском языке работ классиков гуманитарных дисциплин. Непосредственно финансирование производилось после положительной оценки экспертами Фонда выполненного и подготовленного к печати перевода. Работа выполнялась нами, как всегда, тщательно, и мы были очень удивлены, получив отрицательный отзыв эксперта С.П. Баньковской.

Справедливо констатируя, что «текст оригинала не тривиален и достаточно сложен для стилистически гладкого перевода, не говоря уже о сложности проникновения в суть самой теории и понимания ее», она сочла, что «переводчики не обременяли себя этими сложностями, а научный редактор отнесся к переводу более чем снисходительно (переводчики вообще мало интересовались даже принятой в нашей социологической литературе транслитерацией имени автора)». Эксперт приводила в отзыве целый ряд примеров «небрежностей», «импровизации» в отношении переводчика к тексту, перевода (о ужас!) одного английского слова в разных местах разными русскими

словами и т.п. и общий вывод заключался в том, что «в таком виде перевод представляется не только бесполезным, но и вводящим читателя в заблуждение».

Вовсе не считая подготовленный нами перевод безупречным, мы были благодарны эксперту за указания на ряд замеченных ею ошибок, опечаток и неточностей. Однако ссылки на якобы устоявшиеся традиции перевода, а также сам подход эксперта к сути перевода гуманитарной литературы представлялись нам необъективными.¹

Ссылаясь на социологическую традицию, эксперт выдавала желаемое за действительное. Устоявшейся традиции в переводе терминов Гоффмана и даже транслитерации его имени нет и сейчас, даже если брать одни социологические работы, и тем более не было в 1999 г., когда развернулась эта дискуссия. Единственной публикацией Гоффмана на русском языке являлся на тот момент перевод фрагмента книги о самопрезентации в хрестоматии «Современная зарубежная социальная психология. Тексты», выпущенной издательством МГУ в 1984 г. тиражом 39 900 экземпляров¹. При этом указанная публикация с момента выхода и по сей день входит в литературу к семинарским занятиям по курсу общей психологии для студентов факультета психологии МГУ всех специализаций. Тем самым психологическая традиция внесения идей Гоффмана в отечественный научный оборот вряд ли менее весома, чем социологическая, и стремление рецензента монополизировать и приватизировать трактовку идей такого сложного и неоднозначного мыслителя, как Э. Гоффман, не могло вызвать у нас понимания. Для многих социологов он до сих пор остается маргиналом, многие фундаментальные издания по социологии его игнорируют, его подходу «не удастся органически влиться в социологиче-

¹ Гоффман Э. Представление себя другим // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Как переводить Эрвина Гофмана: история этой книги

Путь к русскоязычному читателю этой очень важной книги классика социологии и социальной психологии третьей четверти XX в., ярчайшего представителя символического интеракционизма Эрвина Гофмана был долгим и непростым. Сама история работы над переводом заслуживает особого комментария.

Еще в прошлом веке книга Гофмана была включена в программу «Translation Project» Института «Открытое общество», больше известного как Фонд Сороса. Программа, напомним, финансировала переводы и издание на русском языке работ классиков гуманитарных дисциплин. Непосредственно финансирование производилось после положительной оценки экспертами Фонда выполненного и подготовленного к печати перевода. Работа выполнялась нами, как всегда, тщательно, и мы были очень удивлены, получив отрицательный отзыв эксперта С.П. Баньковской.

Справедливо констатируя, что «текст оригинала нетривиален и достаточно сложен для стилистически гладкого перевода, не говоря уже о сложности проникновения в суть самой теории и понимания ее», она сочла, что «переводчики не обременяли себя этими сложностями, а научный редактор отнесся к переводу более чем снисходительно (переводчики вообще мало интересовались даже принятой в нашей социологической литературе транслитерацией имени автора)». Эксперт приводила в отзыве целый ряд примеров «небрежностей», «импровизации» в отношении переводчика к тексту, перевода (о ужас!) одного английского слова в разных местах разными русскими

словами и т.п., и общий вывод заключался в том, что «в таком виде перевод представляется не только бесполезным, но и вводящим читателя в заблуждение».

Вовсе не считая подготовленный нами перевод безупречным, мы были благодарны эксперту за указания на ряд замеченных ею ошибок, опечаток и неточностей. Однако ссылки на якобы устоявшиеся традиции перевода, а также сам подход эксперта к сути перевода гуманитарной литературы представлялись нам необъективными.

Ссылаясь на социологическую традицию, эксперт выдавала желаемое за действительное. Устоявшейся традиции в переводе терминов Гоффмана и даже традиции его имени нет и сейчас, даже если брать одни социологические работы, и тем более не было в 1992 г., когда развернулась эта дискуссия. Единственной публикацией Гоффмана на русском языке являлся на тот момент перевод фрагмента книги о самопрезентации в хрестоматии «Социальные тексты», временная зарубежная социальная психология. выпущенной издательством МГУ в 1984 г. тиражом 39 900 экземпляров¹. При этом указанная публикация с момента выхода и по сей день входит в литературу к семинарским занятиям по курсу общей психологии для студентов факультета психологии МГУ всех специализаций. Тем самым психологическая традиция внесения идей Гоффмана в отечественный научный оборот вряд ли менее весома, чем социологическая, и стремление рецензентов монографии поленизировать и приватизировать трактовку идей такого сложного и неоднозначного мыслителя, как Э. Гоффман, не могло вызвать у нас понимания. Для многих социологов он до сих пор остается маргиналом, многие фундаментальные издания по социологии его игнорируют, его подходу «не удается органически влиться в социологиче-

¹ Гоффман Э. Представление себя другим // Социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

скую традицию»². Ему даже не нашлось места в огромном «Энциклопедическом социологическом словаре» под ред. Г.В. Осипова (М., 1995). «Для огромного количества поклонников Гоффман является исключительно автором многочисленных социально-психологических этюдов и эссе»³.

В вопросе транслитерации имени ученого также ничего похожего на единообразие и устоявшуюся традицию не обнаруживается. Встречаются следующие варианты: Ирвин Гоффман⁴, Эрвинг Гоффман⁵, Ирвинг Гоффман⁶, Эрвин Гоффман⁷. Выбирая правильный, на наш взгляд, вариант русского написания имени Erving Goffman, мы исходили, во-первых, из сложившейся в последние десятилетия и узаконенной в редакционной практике и словарях тенденции замены удвоенных согласных одинарными в иноязычных именах собственных (так, Оллпорт постепенно превратился в Олпорта, а Пеннсильвания в Пенсильванию). Во-вторых, имя Erving уникально, Google в ответ на этот запрос дает только одного Гоффмана, а русским Ирвин обычно переводится более привычное английское имя Irvin, например Irvin Yalom. Наконец, «г» в конце имени с формальной точки зрения можно было бы в равной мере как сохранить, так и опустить; в первом случае оно, однако, сливалось с начальным «Г» фамилии и все равно фонетически терялось. Поэтому – Эрвин Гоффман.

² *Ионин Л.Г.* Символический интеракционизм и феноменологическая социология: между кризисом и стабильным сознанием // Очерки по истории теоретической социологии. М.: Наука, 1994.

³ *Кравченко Е.И.* Социологическая концепция Э. Гоффмана // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.

⁴ *Ионин Л.Г.* Цит. раб.

⁵ Современная зарубежная социальная психология: Тексты

⁶ *Монсон П.* Современная западная социология. СПб.: Нотабене, 1992; *Гоффман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000.

⁷ *Кравченко Е.И.* Цит. раб.

Не могли мы согласиться и с упреком в переводе одного и того же слова по-разному в разных местах. Любому переводчику и редактору известно, что смысл слова определяется контекстом; в разных контекстах одно слово приобретает разный смысл, и никогда не удастся механически сохранять соответствие между английским термином и его русским словарным эквивалентом. Отстаиваемый экспертом идеал «назад к подстрочнику» создает лишь иллюзию точности передачи смысла; сохранение при переводе одного и того же наиболее частотного словарного значения термина может не способствовать лучшему пониманию целого, а затруднять его, как, например, перевод понятия «encounter» буквально точным, но часто контекстуально чуждым словом «встреча». Эксперт отмечала, что наш перевод определенных терминов искажает смысл их употребления Гофманом, но истина заключается в том, что *любой* их перевод (в том числе предлагаемая в ряде случаев рецензентом калька) неизбежно исказит этот смысл, ибо будет вызывать в сознании русскоязычного читателя иные ассоциативные и контекстуальные связи, чем исходный термин – у англоязычного читателя.

Во многих случаях буквальный перевод просто невозможен, например, с разведением таких понятий, как «шансы», «вероятности», «случай» (да и с многими другими). Эксперт упрекала нас в путанице этих понятий, однако если бы мы перевели chances как «шансы», то как переводить odds? И, между прочим, хорошо известная всем теория вероятностей – это не что иное, как Theory of chances. Ресурсы русского языка оказывались недостаточны для того, чтобы одновременно и точно передать и значение отдельных терминов, и смысл целого; в этих случаях мы вполне осознанно жертвовали первым, а не вторым.

Многие справедливо указывают, что работам Гофмана присущ характер эссеистики, ярко выраженная творче-

ская индивидуальность, его труды отмечены литературным талантом. Поэтому мы никак не могли согласиться с требованием уничтожить в переводе эту составляющую текстов Гофмана, превратив их опять в подстрочник. Гофман заслуживает того, чтобы его работы в русском переводе читали, и понимали, получая от них удовольствие, не только 200 специалистов по истории и теории социологии, но и гораздо более широкая аудитория психологов, философов, культурологов и других гуманитариев, как это происходит во всем мире.

Выразив в ответном письме Фонду свою позицию, мы предложили, после исправления действительных недочетов перевода, справедливо отмеченных экспертом, направить перевод другому эксперту для повторного рецензирования, что и было сделано. Автор второго отзыва Н.Л. Полякова отдала должное большой работе, которая была проведена переводчиком и редакторами, однако, отметив ряд неточностей, пришла к выводу о том, что перевод требует дополнительного и скрупулезного редактирования, прежде чем рекомендовать его к изданию. Она также отметила терминологическую неадекватность, обусловленную отсутствием социологического горизонта понимания текста Гофмана. Согласно ее мнению, претензии, которые можно предъявить переводчику, во многом порождены распространенной в отечественной литературе традицией интерпретировать Гофмана только через влияние на него идей Дж.Г. Мида, в то время как его укорененность в социологической традиции этим не ограничивается; важно учитывать влияние и Г. Зиммеля, и Э. Дюркгейма, и М. Вебера, и Т. Парсонса, и социальной антропологии (Л. Уорнер и М. Мид).

Не оспаривая ограниченность нашего социологического горизонта, мы были, однако, озадачены расхождением мнений обоих экспертов о том, как же правильно понимать Гофмана. И хотя Институт «Открытое общество» по итогам экспертизы перевода исключил данную

книгу из списка поддерживаемых, мы не отказались от идеи довести работу над переводом до конца и обратились к Н.Л. Поляковой за рекомендацией, кто из известных ей социологов мог бы выполнить такую работу. Несколько человек отказались за это взяться, в телефонных беседах высказывая абсолютно разные суждения о том, как надо понимать и переводить Гофмана. Согласился это сделать А.Д. Ковалев, который выразил, однако, мнение, что Гофмана следует переводить не терминологически, а феноменологически, как текст, слова которого несут значение, близкое к обыденному. Понятийный строй «драматургического подхода» Гофмана довольно оригинален, и кажущаяся схожесть, а местами тождество его терминологии с терминологией более традиционной социологии скорее иллюзорны. «Похоже, что опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии – построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и историческими обобщениями макросоциологии, причем построить не в форме интуитивных прозрений и поверхностных метафор, а в виде лестницы строгих понятий, включенных в общую теоретическую систему»⁸. А.Д. Ковалев в соответствии со своими взглядами тщательно отредактировал около 20% нашего перевода, однако от дальнейшей работы отказался.

Таким образом, мы вернулись к исходной точке. Наш перевод явно неправильный, но каким должен быть правильный, так и осталось неизвестным, и любые ссылки на устоявшиеся традиции в этом контексте отдавали лукавством. Наш перевод критиковали с разных, порой противоположных позиций, и обнаружить что-то похожее на консенсус во взглядах разных экспертов не удалось. Поэ-

⁸ Ковалев А.Д. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» и социологическая традиция // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. С. 26.

тому нам ничего не оставалось, кроме как с сожалением отбросить стремление к недостижимому совершенству и все же опубликовать плоды нашей работы как еще одну версию трактовки взглядов этого незаурядного автора. Мы постарались учесть при доработке перевода многие критические замечания С.П. Баньковской, Н.Л. Поляковой и А.Д. Ковалева, которым искренне за них благодарны, но во многом остались при своем мнении. Оно основано на ощущении, что Гофман не предлагает и не разрабатывает специальный «свой» понятийный аппарат, а скорее использует и адаптирует к своим нуждам понятия, взятые из разных областей науки, причем не только социологии. Особенно это заметно в работе «Где находится действие», в начале которой без ссылки пересказываются основные понятия теории игр Д. фон Неймана и О. Моргенштерна⁹, которые в дальнейшем применяются к социологическим проблемам. Задачу переводчика осложняло и свободное мигрирование автора между разными стилистическими контекстами – от сленгового языка рекламы он переходит к точным понятиям теории игр и т.д.

Мы благодарны Российскому гуманитарному научно-му фонду за поддержку этого проекта и заранее согласны с возможной и даже неминуемой критикой.

Д.А. Леонтьев, Н.Н. Богомолова, Л.В. Трубицына

⁹ Подробнее с ними можно ознакомиться в кн.: *Льюис Р.Д., Райфа Х.* Игры и решения: Введение и практический обзор. М.: Изд-во иностр. лит., 1961; *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.

Оглавление

Предисловие. <i>Н.Н. Богомолова</i>	3
Введение	13
Благодарности	16
О работе лица. Анализ ритуальных элементов социального взаимодействия	18
Природа почтительности и умения вести себя	64
Смушение и социальная организация	120
Отчуждение от взаимодействия	138
Психические симптомы и публичный порядок	165
Где находится действие	178
Как переводить Эрвина Гофмана: история этой книги. <i>Д.А. Леонтьев, Н.Н. Богомолова, Л.В. Трубицына</i>	312

ISBN 978-5-89357-276-6

9 785893 572766